

**ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**

ЕВРАЗИЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ

**Научный журнал
№ 1, 2020**

Настоящий научный журнал представляет материалы, освещающие актуальные вопросы общего языкознания, переводоведения, социо- и психолингвистики, функциональной грамматики, когнитивной лингвистики, дискурсологии, русской литературы, литературы народов РФ, зарубежной литературы, лингводидактики, педагогики. Материалы предназначены для широкого круга специалистов в области филологии и педагогики. Статьи рецензируются. Перепечатка без разрешения редакции запрещена, ссылки на журнал при цитировании обязательны.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Шустова Светлана Викторовна** – главный редактор, доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)
- Аверина Анна Викторовна** – заместитель главного редактора, доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский государственный областной университет)
- Алексеева Лариса Михайловна** – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)
- Безукладников Константин Эдуардович** – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет)
- Бартош Дана Казимировна** – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский городской педагогический университет, Институт иностранных языков)
- Зеленина Тамара Ивановна** – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Ижевск, Удмуртский государственный университет)
- Иоселиани Аза Давидовна** – доктор философских наук, профессор (Россия, г. Москва, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации)
- Комарова Юлия Александровна** – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Санкт-Петербург, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)
- Кондаков Борис Вадимович** – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)
- Мишланова Светлана Леонидовна** – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)
- Проскурянин Борис Михайлович** – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)
- Семененко Наталия Николаевна** – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Белгород, Старый Оскол, Белгородский государственный национальный исследовательский университет)
- Трофимова Нелли Аркадьевна** – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Санкт-Петербург, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики)
- Файзиева Галина Владимировна** – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Астрахань, Астраханский государственный университет)
- Шутемова Наталия Валерьевна** – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)
- Платонова Елена Анатольевна** – ответственный секретарь, кандидат филологических наук (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)
- Плюснина Екатерина Михайловна** – ответственный за сайт, кандидат филологических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)
- Карзенкова Елена Петровна** – технический редактор, старший преподаватель кафедры русского языка и стилистики (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- Ивашкевич Ирина Николаевна** – кандидат филологических наук, доцент (Республика Беларусь, г. Минск, Белорусский государственный университет)
- Магальянес Фернандо Латас** – доктор филологических наук, профессор (Испания, г. Мадрид, университет Complutense, факультет немецкой филологии, г. Севилья, Институт германистики)
- Мирчевска-Бошева Биляна** – ассоциированный профессор (Македония, г. Скопье, университет им. Св. Кирилла и Мефодия)
- Нагзибекова Мехриниссо Бозоровна** – доктор филологических наук, профессор (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)
- Нишнева Наталья Николаевна** – доктор педагогических наук, профессор (Республика Беларусь, г. Минск, Белорусский государственный университет)
- Табидзе Манана Шотаевна** – доктор филологических наук, профессор, действительный член Нью-Йоркской Академии наук, филолог-профессор (Грузия, г. Тбилиси, Грузинский университет им. св. Андрея Первозванного Патриаршества Грузии)
- Травински Беата** – доктор филологических наук, профессор (Германия, г. Маннгейм, Институт немецкого языка)
- Ходжиматова Гулчехра Масаидовна** – доктор педагогических наук, профессор (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)
- Шавхелишвили Бела Абрамовна** – кандидат филологических наук, доцент (Грузия, г. Тбилиси, Сухумский государственный университет)
- Ши Хуншэн (Shi Hongsheng)** – профессор Научно-исследовательского института зарубежного страноведения и регионоведения Аньхойского университета, директор Центра по изучению России Аньхойского университета, постдоктор Хэйлунцзянского государственного университета КНР (Китай, г. Аньхой, Аньхойский университет)
- Яхьяпур Марзие** – кандидат филологических наук, профессор (Иран, г. Тегеран, Тегеранский университет)

© Редакционная коллегия, 2020

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет».
Адрес издателя: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
Адрес редакции: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
Подписано в печать 25.03.2020. Дата выхода в свет 27.03.2020.
Формат 60 × 84 / 8. Усл. печ. л. 13,95. Тираж 500 экз. Заказ № _____

Территория распространения – Российская Федерация.
Логово с НАУЧНОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ БИБЛИОТЕКОЙ:
№ 422-10 / 2017 от 26 октября 2017 г. Научный журнал теоретических и прикладных исследований. Издается с 2017 года.
Бесплатно. Периодичность: с 2018 г. 4 раза в год.
Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редколлегией.

PERM STATE UNIVERSITY

EURASIAN HUMANITARIAN JOURNAL**SCIENTIFIC JOURNAL
№ 1, 2020**

The journal contains materials covering current issues of general linguistics, translation studies, sociolinguistics, psycholinguistics, functional grammar, cognitive linguistics, discourse, Russian literature, the literature of the peoples of the Russian Federation, foreign literature, linguodidactics, and pedagogics. The materials are intended for a wide range of specialists in the field of philology and pedagogics. Articles are reviewed. Reprinting without permission of the editorial board is prohibited, links to the journal are mandatory when quoting.

EDITORIAL BOARD

Svetlana V. Shustova – Editor-in-chief, Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)

Anna V. Averina – Deputy Editor-in-Chief, Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Moscow State Regional University)

Larisa M. Alekseeva – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)

Konstantin E. Besukladnikov – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Perm, Perm State Humanitarian-Pedagogical University)

Dana K. Bartosh – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Moscow, Moscow City University, Institute of Foreign Languages)

Tamara I. Zelenina – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Izhevsk, Udmurt State University)

Aza D. Ioseliani – Grand Ph. D. (Philosophy), Professor (Russia, Moscow, Financial University under the Government of the Russian Federation)

Yulia A. Komarova – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, St. Petersburg, The Herzen State Pedagogical University of Russia)

Boris V. Kondakov – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)

Svetlana L. Mishlanova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)

Boris M. Proskurnin – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)

Natalia N. Semenenko – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Belgorod, Stary Oskol, Belgorod State National Research University)

Nelly A. Trofimova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, St. -Petersburg, National Research University Higher School of Economics)

Galina V. Faizieva – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Astrakhan, Astrakhan State University)

Natalia V. Shutynomova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)

Elena A. Platonova – Executive Secretary, Ph. D. (Philology) (Russia, Perm, Perm State University)

Ekaterina M. Plusnina – Executive Secretary, Ph. D. (Philology), Associate Professor (Russia, Perm, Perm State University)

Elena P. Karzenkova – Technical Reviewer, Lecturer (Russia, Perm, Perm State University)

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD

Irina N. Ivashkevich – Ph. D. (Philology), Associate Professor (Republic of Belarus, Minsk, Belarusian State University)

Fernando Magallanes Latas – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Spain, Madrid, Complutense University of Madrid; Seville, University of Seville)

Biljana Mirchevska-Bosheva – Grand Ph. D. (Philology), Associate Professor (Macedonia, Skopje, Ss. Cyril and Methodius University in Skopje)

Mekhriniso B. Nagzibekova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajik National University)

Natalya N. Nizhneva – Grand Ph. D., Professor (Republic of Belarus, Minsk, Belarus State University)

Manana Sh. Tabidze – Grand Ph. D. (Philology), Professor, Member of New York Science Academy (Georgia, Tbilisi, Georgian University. St. Andrey of the First-Called Patriarchate of Georgia)

Beata Travinski – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Germany, Mannheim, Institute of German Language)

Gulchehra M. Hodzhimatova – Grand Ph. D. (Education), Professor (Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajik National University)

Bella A. Shavhelishvily – Ph. D. (Philology), Associate Professor (Georgia, Tbilisi, Sukhumi State University)

Shi Hongsheng – Grand Ph. D. (Philology), Professor, Director of the Center for the Study of Russia, Postdoc of Heilongjiang State University of China (China, Anhui, Anhui University)

Yahyapur Marziye – Ph. D. (Philology), Professor (Iran, Teheran, Teheran University)

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ	4
<i>Mieder W.</i> “NO BODY IS PERFECT” SOMATIC ASPECTS OF MODERN AMERICAN PROVERBS	4
<i>Арекеева Ю. Е.</i> ЧЭНЬЮЙ В СИСТЕМЕ КИТАЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ И ПАРЕМИОЛОГИИ	21
<i>Мирчевска-Бошева Б.</i> ЗА ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЈАТА НА ФРАЗЕОЛОГИЈАТА (ВРЗ МАТЕРИЈАЛ ОД МАКЕДОНСКИОТ ЈАЗИК)	30
<i>Назбибекова М. Б., Шарипова С. С.</i> СОПОСТАВИТЕЛНИЙ АНАЛИЗ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ В ТАДЖИКСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ	37
<i>Назаренко Е. Н.</i> СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА ПРОИЗВОДНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В СРЕДНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКИЙ ПЕРИОД (НА МАТЕРИАЛЕ СУФФИКСАЛЬНЫХ ДЕРИВАТОВ)	46
<i>Рузиева Л. Т.</i> УПОТРЕБЛЕНИЕ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРК КАК НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ	58
<i>Шустова С. В., Назаренко Е. Н.</i> КЛАССИФИКАЦИОННЫЕ ОСНОВАНИЯ НЕМЕЦКОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ ПО АСПЕКТУАЛЬНЫМ ПРИЗНАКАМ	66
ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА	74
<i>Архипова И. В.</i> ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДЕВЕРБАТИВОВ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ	74
МИГРАЦИОННАЯ ЛИНГВИСТИКА	87
<i>Шустова С. В., Хорошева Н. В., Зубарева Е. О.</i> ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «РОДИТЕЛИ-МИГРАНТЫ» В НАУЧНОМ И МЕДИЙНОМ ДИСКУРСАХ	87
ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА	95
<i>Графова О. И.</i> ЭКФРАСИС КАРТИН НИДЕРЛАНДСКИХ ХУДОЖНИКОВ В ПРОЛОГЕ РОМАНА А. С. БАЙЕТТ «НАТЮРМОРТ»	95
ЛИНГВОДИДАКТИКА	101
<i>Юферева К. А.</i> ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФИЛЬМ «СВИДЕТЕЛЬ ОБВИНЕНИЯ» В ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОМ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА	101
РЕЦЕНЗИИ	109
<i>Меньшакова Н. Н.</i> ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РОМАНА МИГЕЛЯ ДЕ СЕРВАНТЕСА СААВЕДРА «ХИТРОУМНЫЙ ИДАЛЬГО ДОН КИХОТ ЛАМАНЧСКИЙ» (РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ В. МИДЕРА – W. MIEDER “STRINGING PROVERBS TOGETHER”. THE PROVERBIAL LANGUAGE IN MIGUEL DE CERVANTES’S DON QUIXOTE. BURLINGTON, VERMONT. 2016. 312 PP.)	109
ПОРЯДОК ПУБЛИКАЦИИ И РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЬИ	116
УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ	120

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.111

Mieder Wolfgang

Department of German and Russian,

University of Vermont

Burlington, Vermont 05405 (USA)

Tel.: (802) 6561475

E-mail: Wolfgang.mieder@uvm.edu

“NO BODY IS PERFECT”

SOMATIC ASPECTS OF MODERN AMERICAN PROVERBS

While somatic proverbs and proverbial expressions have been collected and studied extensively, they have dealt primarily with older and traditional materials. Very little is known about the role that various body parts play in proverbs coined during the past century. Based on “The Dictionary of Modern Proverbs” (2012), it is shown that newer American proverbs contain numerous references to such somatic words like eye, foot, hand, head, mouth, nose, and others. Quite a few are straight forward indicative sentences, but there are also numerous metaphorical proverbs commenting on modern life and its multifaceted challenges including the emphasis on the body, beauty, health, and sexuality. To a certain degree these modern proverbs reflect the mores and worldview of the American society.

Key words: American, anti-proverb, body, metaphor, modernity, mores, origin, proverb, semantics, sexuality, somatism, worldview.

Introduction

A glance into any of the major proverb collections of the world reveals immediately that there exists a plethora of somatic proverbs referring to the human body in general as well as its various parts like eye, foot, hand, head, heart, mouth, nose, and others [Mieder, 2011]. Numerous studies have dealt with such proverbs [Mieder, 2009a], among them major monographs like Mirosława Gordy, *Somaticheskaia frazeologija sovremennykh russkogo i pol'skogo iazykov* (2010), Małgorzata Guławska-Gawkoskwa, *Somatyczne i emocjonalne koncepty w niemieckiej i polskiej frazeologii* (2013), Carmen Mellado Blanco, *Phraseologismos somáticos del alemán. Un estudio léxico-semántico* (2004), and Kaifu Zhu, *Lexikographische Untersuchung somatischer Phraseologismen im Deutschen und Chinesischen* (1998). These comprehensive publications and also smaller studies [Aroutunova, 1979; Carter, 2015; Čermák, 1998; Ly, 2015; Niemi, 2010; Piirainen, 2016; Skrypnik, 2011] have shown convincingly that references to the body play a major role in traditional proverbs, but they fail for the most part to consider whether new proverbs emphasize somatic matters as well.

The Main Part

The problem is, of course, that paremiologists have paid very little attention to the new proverbs of the modern age. Their serious collection has only started a few decades ago, with Valerii M. Mokienko's *Novaia russkaia frazeologiya* (2003) and *The Dictionary of Modern Proverbs* (2012), edited by Charles Clay Doyle, Wolfgang Mieder, and Fred R. Shapiro, marking the beginnings of the serious paremiographical registration of new Russian and American (also some British) proverbs. It is indeed high time that the conservativeness of proverb collections is overcome and that modern proverbs – texts that are not older than the somewhat arbitrarily chosen year of 1900 – are collected and studied [Doyle, 1996]. This effort has by now been embraced by young scholars in a number of countries, and there is thus a bright future awaiting international paremiography and paremiology [Mieder, 2017]. In fact, for the approximately 1400 identified and annotated proverbs in *The Dictionary of Modern Proverbs*, some interesting conclusions have been presented in Wolfgang Mieder's analysis with a modern American proverb as its title: "Think Outside of the Box': Origin, Nature, and Meaning of Modern Anglo-American Proverbs" [Mieder, 2014, pp. 80-130]. By now he has also looked in more detail at new proverbs that deal with the multifaceted aspects of "life" and "age" [Mieder, 2018 and 2019a], trying to see whether they express a certain commonly held worldview in the modern age [Dundes, 1972; Hakamies, 2002].

But clearly modern people are not only preoccupied with questions of life and the aging process. They are also certainly concerned about the body, as can be seen through the emphasis on appearance and health that might well be called a "body cult" that permeates society, to wit the exercise craze in all of its forms. It should then not be surprising that this obsession in its positive and negative aspects has found expression in modern proverbial wisdom (about 9% of the 1400 proverbs). It is interesting to note right at the outset of the following deliberations that the proverb appearing in the title is a reaction to the overemphasis on the ideal body shape. Based on the much older proverb "Nobody is perfect", the anti-proverb "No body is perfect" (1952, 23; proverbs are cited with the earliest date and page number in the *Dictionary of Modern Proverbs*) originated in the middle of the twentieth century. It is usually employed in connection with anxieties about an unachievable ideal body image. The idea of beauty enters into all of this, and it comes as no surprise that the traditional proverb "Beauty is only skin deep" with its argument against such fantasy has led to the even more extreme anti-proverb "Beauty is only skin (1963, 17). In other words, it is much more important to be a good (beautiful) person inside rather than worrying about outside looks. As expected, there are other new proverbs that react to beauty matters, to wit "Beauty does not buy happiness" (1989, 16) and "No beauty without pain" (1987, 17), with the latter emphasizing that the acquisition and maintenance of physical beauty require hard and perhaps painful exercise.

It should be noted that it is not rare that new proverbs arise as anti-proverbs to established texts that are put into question or played with in order to create wisdom more fitting for modern times [Litovkina and Mieder, 2006]. Here are a few examples with somatic words included in them:

Absence makes the heart grow fonder.

Absence makes the heart go wander. (1908, 1)

Little pitchers have big ears.

Little rabbits have big ears (1935, 213)

Walls have ears.

Even corn has ears. (1905, 44)

Blood is thicker than water.

Money is thicker than water. (S1, 108-109)

Time heals all wounds.

Time wounds all heels. (1938, 259)

A closed mouth catches no flies.

A closed mouth catches no feet. (1956, 173)

The last example exists, as is often the case with proverbs in general, in a number of variants: “A closed (shut) mouth gathers (catches) no feet.” Thus the proverb probably originated as an anti-proverb blending three earlier proverbial phrases: “A closed mouth catches no flies”, “A rolling stone gathers no moss”, and “to put one’s foot in one’s mouth.” Related to all of this is also the earlier modern proverb “If you keep your mouth shut, you won’t put your foot in it” (1915, 174). Another interesting anti-proverb is “An eye for an eye leaves the whole world blind” (1948, 70–71) that is commonly attributed to Mohandas Gandhi. It is a remarkable and reasonable argument against the Biblical injunction “An eye for an eye, and a tooth for a tooth” (Exodus 21:24) that taken to its extreme would lead to total annihilation.

That most certainly is a very timely anti-proverb turned accepted new proverb in a world confronted with terrorism and war. And there is another “body”-proverb that is equally serious based on the relatively new structural formula “My X, my Y”, as for example “My house, my rules” (1983, 126) or “My party, my rules” (2003, 191). The proverb “My body, my choice” (1989, S3, in print [S1-3 refer to the three supplements of the Dictionary of Modern Proverbs]) grew out of the feminist movement and was originally used in reference to abortion rights. Its meaning has by now been broadened to include arguments against vaccination as well as for sexual permissiveness and medical suicide. But here is an example of the treatment of this decisive proverb in the third supplement to the Dictionary of Modern Proverbs:

1989 *Orlando [FL] Sentinel*, 22 Jan.: “The crowd . . . carried signs with slogans like . . . ‘My Body My Choice.’” 1989 *Chicago Tribune*, 21 Apr.: “Two Catholic high school seniors . . . hoisted a sign during Bush’s appearance It read; ‘My body. My choice. My right.’” 1992 *Indianapolis Star*, 24 Mar.: “For spring 1991, Moody offered sequined dresses with definite messages: One . . . with an all-over ‘My Body My Choice.’” 1997 *Orlando [FL] Sentinel*, 9 Jan.: “[Noel] Earley said he is planning his own demise ‘My body, my choice,’ he says” 2002 *Hanover [ON] Post*, 8 Jan.: “Yes, I know the arguments against vaccinations: They can’t guarantee not getting the flu; there are sometimes side effects; and, of course, the old ‘my body, my choice’ nugget being trotted out” 2014 *Herald Sun [Melbourne, Australia]*, 16 Nov.: “If we feminists truly believe in the adage, ‘My body, my choice,’ then surely Kim has a right to drop her dacks [i.e. pants] for some easy bucks” The saying was originally used in reference to abortion rights, but it has sometimes been applied to sexual permissiveness, to suicide, and to the refusal of certain medical interventions.

This is a clear indication that modern proverbs as well are characterized by their “polyfunctionality, polysemanticity, and polysituativity” [Mieder, 2004, p. 9]. But speaking of pregnancy, there is this disgusting anti-feminist proverb “A woman should be kept barefoot and pregnant” (1947, 279), unfortunately showing that the creation of misogynous proverbs is not over [Schipper, 2003]. Of interest from the 1940s is also the wisdom “You can’t be a little pregnant” (1942, 206) whose meaning has by now been broadened to include various impossibilities. Directly related to the woman’s body and a possible pregnancy is the anti-proverb “Better late than pregnant” (1995, 137) with its hidden reference to menstruation. It is not surprising that the traditional proverb “Better late than never” was transformed into this new proverb in an age of sexual freedom.

With sexuality playing such a dominant role in American culture, the proverb “If you’ve got it, flaunt it” (1968, 96) was bound to appear. Most frequently it refers to the open display of one’s own sexuality. The “perfect” body and fashionable as well as noticeable clothes are all part of this exhibitionism. Men and women are exercising to get their bodies in shape, including the build-up of muscles, thus the proverb “Hustle for the muscle” (2013, S3 in print). It can be found on T-shirts and has been used as a ready-made slogan for exercise establishments. This emphasis on physical exercise to the point of exhaustion has found its rationalizing proverb as well: “Pain is just weakness leaving the body” (1991, 187). And there is also the short proverb “Sun’s out, guns out” (2007, S2, 39) with its parallel structure. One would have to be in the folk group that enjoys exhibiting their muscles on a sunny day to understand it. The “guns”-term refers to upper-arm (or upper-torso) musculature, and the proverb is reminiscent of the idea of flaunting one’s body.

Little wonder that the American society with its problem of obesity also brought forth a number of proverbs dealing with weight gain to the point of being fat. Here are three cautionary proverbs explaining in basic language the widespread problem:

It is not what you like (want) that makes you fat, it is what you eat. (1917, 147)

Anything good (in life) is either illegal, immoral, or fattening. (1933, 106–107)

A moment (minute) on the lips, a lifetime (forever) on the hips. (1940, 168)

Folk wisdom does, however, not stop there but also presents advice on how to retain or attain the ideal thin figure:

You can’t be too rich or too thin. (1974, S1, 113)

Nothing tastes as good as thin feels. (1989, S1, 111)

It should, however, be recognized that the “fat lady” mentioned in the following three related proverbs is not necessarily a stereotype against corpulent women. It is an allusion to large female opera singers who might conclude a lengthy opera. The proverb “The opera isn’t over till the fat lady sings” (1976, 185) was coined by Ralph Carpenter, sports information director of Texas Tech University, on March 10, 1976 during his commentaries on a basketball game. During the same year the proverb “Church is not out till the fat lady sings (1976, 39–40) appeared. It may have started as a variant of the more generic modern proverb “Church is not out till they sing” (1966, 40) of ten years earlier. But then it might also be a conflation (based on wrong memory or intentional wit) of that proverb with “The opera isn’t over till the fat lady sings.” Finally, there is also the even more recent proverb from the sports world: “The game is not over till the fat lady sings” (1984, 91).

The key issue is that all three proverbs have their independent existence and that they do not refer to any particular woman and certainly do not mean to offend anybody with their metaphor.

There are also two related relatively new proverbs that emphasize the dominance of looking good in American culture, namely “It’s better to look good than to feel good” (1978, 150) and “It is better to look good than to be good” (1986, 150). A third proverb with its variants of “Feel good, play good” and “Look good, feel good, play good” (1987, S1, 95–96) states convincingly that an attractive or proper appearance can well translate into success. And as expected, there are several proverbs that stress quite directly how important the proper attire might be for getting ahead in the professional world in particular:

Dress for success. (1933, S2, 39)

Dress to impress. (1952, S2, 21)

Dress for the job you want. (1976, S1, 104–105)

Of course, some proverbs counter this wisdom about appearances. As is well known, proverbs are not universally true, and they can be as contradictory as life itself [Mieder, 2004, p. 134]. The proverb “A little powder and a little paint makes a woman look like what she isn’t” (1908, 205) seems to address the matter of an unnatural insistence on outside appearance. A bit more direct is the proverb “You can put lipstick on a pig but it’s still a pig” (1985, 148) with its animal farm imagery. A precursor to this proverb might well be “You can’t make a silk purse from a sow’s ear” from the 16th century. Similar proverbs are “A hog in armor [a person of strange appearance] is still a hog” (18th century) and “A hog in a silk waistcoat is still a hog” (19th century). From the 20th century there are also such variants as “A pig in a palace is still a pig,” “A pig with feathers behind its ears is still a pig,” “The pig may have a tuxedo on, but it is still a pig,” “A pig painted gold is still a pig,” and “A pig in a parlor is still a pig” [Mieder, Kingsbury, Harder, 1992]. Since the word “lipstick” dates only from about 1880, its appearance in proverbial language had to wait to more modern times, perhaps even until 1985 as its first written reference found thus far. But be that as it may, former President Barack Obama got himself into trouble for using it quite spontaneously at a campaign event on September 9, 2008, to argue against the economic plan of his Republican opponent John McCain:

John McCain says he’s about change too, and so I guess his whole angle is, “Watch out George Bush – except for economic policy, health care policy, tax policy, education policy, foreign policy and Karl Rowe-style-politics – we’re really going to shake things up in Washington. “That’s no change. That’s just calling something that’s the same thing something different. You know you can put lipstick on a pig, but it’s still a pig. You know you can wrap an old fish in a piece of paper called change, it’s still going to stink after eight years. We’ve had enough of the same old thing. [Mieder, 2009b, pp. 83–84] .

While it was clear that Obama was speaking about McCain, people claimed that he was referencing Sarah Palin, who was McCain’s running mate for the presidency. The result was that Obama had to defend himself against having made a slanderous and sexist statement regarding Palin who by chance had used the word “lipstick” at an earlier occasion. All of this shows that proverbs are never simple or sacrosanct and that they can be manipulated to serve various purposes.

This event caused President Obama a true proverbial pain in the back as he was running a superb campaign to become the first African-American President of the United States. He brought a fresh,

innovative, and humane attitude to his candidacy and had to endure at times vicious attacks that included racial slurs. The modern proverb “Pioneers get (take) arrows in their backs” (1972, 198) comes to mind here, and luckily the unfair attacks against him remained verbal. In other words, the proverb “There must be pioneers, and some of them get killed” (1928, 198) as was the case with some astronauts, did not become a terrible reality in his case. Instead Barack Obama had the welcome and appreciated opportunity to serve as a respected president for eight years. His opponents might well have thought of the proverb “If you must strike (hit) a man from behind, slap him on the back” (1955, 157) that appears to be a metaphorical rendering of the Bible proverb “Love your enemies” [Matthew 5:44] that was employed by Martin Luther King innumerable times in his valiant struggle for civil and human rights [Mieder, 2010, pp. 281–295]. One thing is for certain, the proverb “Strong back, weak mind” (1929, 11–12), often albeit unfairly applied to athletes or body builders, could not possibly apply to the intellectually inclined Barack Obama who, to his credit, was quite an accomplished basketball player.

There is another equally insulting proverb that unfortunately has maintained its currency since the early twentieth century: “No brain, no pain” (1917, 26–27). The implication is that an unintelligent person is not capable of sensing pain or is callous to serious injury. It is based on the popular structure “No X, no Y”, as can be seen from the somatic proverb “No body (corpse), no crime” (1947, 23–24) that appears with considerable frequency in detective novels. Regarding corpses, the following proverb is somewhat indicative of an American “carpe diem”-attitude towards life that must be experienced to the fullest at a fast speed: “Live fast, die young, leave a good-looking corpse” (1930, 44). It seems quite an absurd piece of wisdom, but in typical American spirit it leaves the decision to follow its advice up to the individual. Another “brain”-proverb also seems a bit extreme at first: “If you’re too open-minded, your brains will fall out” (1960, 26). But it obviously wants to argue that one should not go to extremes in accommodating questionable behavior or attitudes. Of course, there is excellent advice in the proverb “Use your brain before you open your mouth” (1960, 26).

Speaking of the mind or brain, it comes perhaps as somewhat of a surprise to find quite a few modern proverbs addressing that part of the body. One might have thought that the common folk as originators of proverbs would not occupy itself with this matter. But clearly there are people who have generalized thoughts about the human mind into proverbial wisdom that does, alas, usually lack any metaphorical elements. These proverbs are simply too intellectually inclined, something that is true for a little more than 50 % of the about 1400 proverbs included in the Dictionary of Modern Proverbs. It is not known how this relates to older proverbs, but they might well be at least somewhat more metaphorical in nature. Part of the reason might be that newer proverbs often have their start as slogans or aphorisms that are more cerebral as well as shorter and to the point. In any case, here are some straight-forward examples that lack the metaphorical charm of more folksy proverbs:

A mind is a terrible thing to waste. (1972, 167)

Simple minds, simple pleasures. (1957, S1, 108)

Minds, like parachutes, function only when they are open. (S2, 1927, 31–32)

A neat desk is a sign of a sick mind. (1973, 53)

A messy desk is a sign of a messy mind. (1974, 53)

Regarding the last proverb, there is also the independent variant “A messy (cluttered) desk is a sign of intelligence (brilliance, genius, creativity, productivity, a busy person, etc.)” (1973, 53) that smacks of a professorial excuse for an utterly disorganized office.

The last of these “brain/mind”-proverbs was clearly coined by an intellectual since it employs the term “erogenous zone” (1969, 285) that is somewhat alien to proverbial language. Here is what the Dictionary of Modern Proverbs says about it:

The most important (The most potent, The most) erogenous zone is the brain (mind). 1969 New York Times 7 Dec.: “Sometimes [David] Frost simply manages to bring out somebody in a small way, as when he coaxed out of a shy Raquel Welch ... the notion that ‘the mind is the most erogenous zone.’” 1974 Newsweek 83, no. 11 (18 Mar.) 43: “There cannot be winners in the battle of erectile tissues. Surely the most erogenous zone in both men and women lies not between the legs but behind the eyes.” 1977 Lawrence [KS] Daily Journal 24 Oct. (“Ann Landers” advice column): “The most erogenous zone in both male and female is located between the eyebrows and the hairline.” 1980 Mike Grace and Joyce Grace, *A Joyful Meeting: Sexuality in Marriage* (St. Paul MN: National Marriage Encounter) 26: “If there is competition from other things – distractions, other feelings – foreplay may have no erotic effect. This is why we emphasize that the most important erogenous zone is the brain.”

As can be seen, the dictionary contains plenty of contextualized references, listing the earliest found and a few later ones that exemplify the particular proverb’s use and meaning. Such statements are of particular importance for those proverbs that originated in the scholarly realm, as for example the scientific proverb “Genes are not (Genetics is not, Heredity is not) destiny” (1952, S2, 23) that indicate the existence of modern proverbs based on new knowledge. In comparison, such body related proverbs like “A clean cut heals soonest” (1913, 49) and “Coughs and sneezes spread diseases? (1918, 45) from the early twentieth century seem rather mundane. And yet, their simple health messages are of relevance regarding infections and viruses. Of interest is also this quite different proverb “When the United States (U.S., America, Wall Street, etc.) sneezes, the world catches a cold (pneumonia)” (1977, S3, in print). Even though it is a relatively new proverb expressing the unfortunate claim of exceptionalism that has taken a hold in the country, it is noteworthy that the references of it cited in the Dictionary of Modern Proverbs start with such introductory formulas as “it was once said,” “as the old adage goes,” and “the old saying” that are used to add traditional authority to it. Two matters are revealed here, namely that people think that proverbs have to be old and that they for the most part have no idea about the historical origin and dissemination of proverbs.

People with just a fleeting awareness of proverbs might also conclude from most proverb collections that there appear to be only very few sexual, obscene or scatological proverbs relating to the body and its functions. Although they have always existed, with a dominance in the late Middle Ages and the 16th century, they have to a large degree been suppressed by puritanical paremiographers of later times. However, today’s open discussion of sexuality as well as the prevalent occurrence of obscene and scatological words and phrases has led to a considerable number of modern proverbs of which at least a few might be mentioned here [Mieder, 2020]. In some instances, it is interesting to note that an old innocuous expression has been turned into a more sexually motivated proverb. Thus the old phrase “to take the bull by the horns” whose metaphor implies a certain measure of control over a strong challenge, has now become the proverb “Take

(Grab) the bull by the balls” (1954, 28–29) that most likely started as an anti-proverb to the “horn”-phrase. By now the proverb has become so popular that people employ it without at first thinking of the fact that the “balls” are the bull’s testicles. A decade later, during the war in Vietnam, an expanded variant of the proverb took a hold: “Grab them by the balls, their hearts and minds will follow” (1967, 12). It has been attributed to former President Lyndon Johnson who enjoyed using expletives and earthy expressions. The proverb satirizes the Kennedy administrations hope of winning “the hearts and minds” of the Vietnamese people. As it can be cited as a comment for other situations that need to be controlled by some force, the proverb has gained currency without being cited in “polite” society perhaps.

Once testicles made it into modern proverbial language, it is understandable that the penis found its way into modern proverbs as well. In the following two proverbs satirizing boisterous or show-off males, it is important to know that dick, prick, and pecker are slang words for penis: “Big car, small dick (prick)” (1991, 33) and “Big mouth, small pecker (dick, prick)” (1993, 173). Since penis size has been more openly discussed in medical journals and the media since the early twentieth century, a number of proverbs came into being that somewhat sub rosa state that penis size has nothing to do with sexual satisfaction:

Size doesn’t matter (it’s what you do with it, it’s how you use it). (1903, 233)

It’s not what you’ve got, it’s what you do with it (how you use it). (1934, 96–97)

It’s not the size of the boat but the motion of the ocean (that matters). (1968, 232)

From numerous contextualized references cited in the dictionary, it is clear that “it” refers to the penis, and even the third metaphorical text relates to the penis and male sexual proficiency in satisfying a woman. As expected, the counter-proverb “Size does matter” (1964, 232–233) to “Size doesn’t matter” has by now become current. Of course, it can also be employed to speak about something far removed from the penis, but there is a good chance that its use will evoke snickers or frowns on account of its perceived sexual allusiveness whether intended or not. Not surprisingly, female sexuality is also to be found in modern proverbs, albeit coined by aggressive males. In the proverb “Old enough to bleed, old enough to breed (butcher, stick)” (1971, 22–23) the verb “bleed” refers to menstruation, while the variant terms allude to dealings with livestock. There is no wordplay here but rather an obvious disrespect for women who are considered like breeding machines. A second metaphorical proverb “If there is grass on the field, (you can) play ball” (1998, 111) is also highly questionable in that it encourages premature sex just because pubic hair (grass) is starting to appear. “Ball” once again refers to the testicles and the phrase “to ball someone” signifies sexual intercourse. Unfortunately the disgusting male proverb coiners also came up with the proverbs “Close your eyes and think of England (the Empire, the queen, Old Glory)” (1943, 70) and the even more insensitive “You don’t fuck the face” (1984, 72) that reduce love making to a revolting act.

The word “ass” in the meaning of behind or rump and not donkey has become quite acceptable in American parlance. Thus the proverb “The sun doesn’t shine on (up) the same dog’s ass every day” (1976, 246) appears slightly varied as “The sun don’t shine on a sleepin’ dog’s ass” without any offense in Bruce Springsteen’s proverb song “My Best Was Never Good Enough” (1995) to express that one cannot be lucky every day. And the surprisingly long proverb “When you’re up to your ass in alligators, it’s hard to remember you’re there to drain the swamp” (1971, 8–9; Dundes

and Pagter, 1987) has gained more popularity in recent years due to the fact that President Trump likes to speak of cleaning out the swamp of Washington politics. Of course, he has not done so but rather has added to it by way of his uncontrolled behavior and aggressive tweets. Referring to people who exhibit unwelcome or ill-advised comments as “assholes” has become widespread as well, but not necessarily in all environments. Be that as it may, the befitting if somewhat direct proverb “Opinions are like assholes (armpits) – everybody’s got one (and they all stink)” (1972, 185) has become quite popular in its truncated version “Opinions are like assholes.” Based on the proverb, the variant “Excuses are like assholes (armpits); everybody has them (and most of them stink)” (1974, 69-70) came into existence two years later and it too is heard quite frequently in its shortened version. There is no doubt that modern proverbs, with some exceptions, are generally on the short side reflecting perhaps the fast-paced life of modernity.

If “asshole” has become somewhat acceptable in American social discourse, it can also be said that the word “shit” has lost much of its taboo character. Several proverbs in the Dictionary of Modern Proverbs bear witness of this fact, with the proverb “Shit or get off the pot” (1935, 204) being the most popular. While it also exists in the rare variant “Piss or get off the pot”, it has become quite acceptable and one can hear it used in oral discussion, notably at university committee meetings, when someone in utter frustration tries to impress upon people that some decision or action must be undertaken. Three equally short proverbs about this bodily function are so obvious in their meaning that they need no elaboration: “Don’t shit where you eat” (1953, 227), “Don’t shit on your own doorstep” (1967, 60), and “Everybody shits (pooops)” (1968, 227). Their literal meaning is clear enough, but there is at least some figurativeness to these somewhat crass pieces of wisdom. The first two obviously imply that one should not fowl one’s own nest that brings to mind the much older and “cleaner” proverb “It’s an ill bird that fowls its own nest “ (Mieder, Kingsbury, Harder, 1992, p. 52) from the thirteenth century. The two-word proverb “Everybody shits” with its topic and comment so characteristic of proverbs implies that all living creatures have this bodily need of excretion, i.e., they are basically all the same despite cultural and social differences. It functions as an equalizing bit of wisdom helping people to cope in a complex modern world.

But enough of these scatological matters by way of this metaphorical “body”-proverb that refers so fittingly to the ups and downs of the professional world with its careerism: “The toes you step on today may be attached (connected) to the ass you have to kiss tomorrow” (1999, 261). Sticking with “toes” for a moment, there is the somewhat rarely heard proverb “Never take more on your heels than you can kick off with your toes” (1925, 120). It is a fine example for the fact that some modern proverbs just as older ones are simply hard to understand without a context. In fact, proverbs in proverb collections that merely list them are often void of clear meaning. In this particular case, the proverb wants to give the reasonable advice that one should not claim or profess more than one can reasonably deliver. The generic proverb “Beware of a smiling man” (1952, 156) and the similar somatic proverb “Beware of a smiling face” (1955, 72) of three years later in origin present a bit of a problem as well. One might well be reminded of the classical proverb “Caveat emptor” that has been current in the English as “Let the buyer beware” or just “Buyer beware” since the sixteenth century [Mieder, Kingsbury, Harder, 1992, p. 78], but two contextualized references in the Dictionary of Modern Proverbs provide a semantic clue to be sure: “Beware of a smiling face: A frown could easily take its place” and “Beware of a smiling face, and what’s hiding behind it.” In other words, don’t place too much trust into appearances that can quickly change without warning.

The proverb “Don’t let your mouth write (Don’t write) a check that your ass (behind) can’t cash” (1966, 174) also presents a bit of a semantic challenge at first glance. This is where the dictionary with its contextual references provides a great service:

Don’t let your mouth write (Don’t write) a check that your ass (behind) can’t cash. 1966 Charles Portis, *Norwood* (New York: Simon & Schuster) 184: “Watch it now. You’re taking liberties. Don’t make things worse than they are. Don’t let your mouth write a check that your ass can’t cash, son.” 1980 Edith A. Folb, *Runnin’ Down Some Lines: The Language and Culture of Black Teenagers* (Cambridge MA: Harvard UP, 1980), 235: “Don’t let your mouth overload your ass; don’t let your mouth write a check your ass can’t cash” (with the gloss “Don’t talk too much, in such a belligerent manner, or there’s going to be a fight”).

Proverbs following the imperative “Don’t ...” pattern have long been popular, often making a proverb out of a proverbial expression that usually predates it. This is the case in the following two examples that first cite the phrase and then the proverb:

to stick one’s neck out.

Don’t stick your neck out. (1937, 177)

to shoot oneself in the foot.

Don’t shoot yourself in the foot. (1980, 84)

There is no difficulty in comprehending the proverb “Don’t ask a barber if you need a haircut” (1972, 13). As an astute businessman he will want to cut the hair, with the proverb trying to argue against asking questions whose answers are obvious. Perhaps the proverb has pretty much fallen out of use because it is too mundane for a society where barbers have become hair stylists and where barber shops have been turned into hair salons. But things are not always so straight forward, as can be seen from two examples that almost make no sense without contexts and explanation. The “chin”-text never gained great currency and was more or less restricted to the world of sports:

Don’t lead with your chin. 1931 *Washington Post* 26 May: “I believe in the silver lining, the rainbow after the storm, . . . the infallibility of the slogan ‘Never lead with your chin.’ . . . I believe the worst is over and that it never was as bad as it was advertised.” The proverb makes figurative and general a sentence of conventional advice from boxing.

Of special interest is doubtlessly this next proverb about what not to do to an innocent baby with its message of not taking suggestions literally:

Don’t put beans (peas) in the baby’s ears (up the baby’s nose). 1905 Martin G. Brumbaugh, *The Making of a Teacher* (Philadelphia: Sunday School Times) 295–96: “A very well-disposed mother, but not wise, on leaving her home one day, said to the older children, ‘Now be sure to put no beans in the baby’s ears.’ The children had never thought of such a thing, but when she returned the baby’s ears were well filled with beans!” The proverb warns about the power of suggestion.

The proverb “Loose lips sink ships” (1942, 148) makes a lot of sense if one knows that it originated during World War II when that proverbial slogan was literally used to realize that uncontrolled talk might give away secrets to the enemy. Today the proverb can be used in a general

way to discourage people from giving away a secret or sensitive information. One also wonders about the proverb “A ring on the finger is worth two on the phone” (1911, 218) that plays off the double meaning of the “ring” as in engagement or wedding ring on the finger and the proverbial phrase “to give someone a ring” on the telephone. In the modern age of cell phones and other electronic ways of communicating with a phone it is hard to imagine that the younger generations would use it any longer. It serves as another example for the fact that proverbs can wear out their usefulness as things change. This particular proverb has been around for a century and is probably on its last leg, as the proverbial expression goes.

Even though America is in love with the automobile, its modern proverbs do not pay particular attention to the car. But there is the delightful proverb “You can’t judge a car by its paint (job)” (1908, 33) from the early twentieth century that is modelled on the older proverb “You can’t judge a book by its cover.” Equally telling is the proverbial claim that “Nobody washes a rental car” (1985, 33). Be that as it may, modern proverbs prefer to zero in on the body and its feet when it comes to mobility that includes the need for rest as well [Senga, 1987]. The proverbs “It is better to die on your feet than to live on your knees” (1924, 84) and “Never miss a chance to sit down and rest your feet” (1951, 36) contain considerable wisdom for everyday life. Yet a proverb like “Move your feet, lose your seat” (1987, 84) is perhaps not immediately clear. It originated in the unfortunate world of the homeless who lose their resting place if they move for whatever reason. By now it also has the more general meaning of losing one’s occupied or claimed space anywhere if moving away temporarily. Of much interest is also the origin and meaning of the very recent proverb “Slow feet don’t eat” (2014, S3, in print). As the following references show, it began as a sports metaphor that can now also be applied to the necessity of action in general:

2014 *Telegram & Gazette [Worcester MA]*, 20 Sep.: “Coach . . . told me to trust my speed It’s footwork. Slow feet, don’t eat.” 2015 *Telegram & Gazette [Worcester MA]*, 25 Sep.: “You must have quick feet As they say, ‘Slow feet don’t eat.’” 2016 *Courier-News [Bridgewater NJ]*, 11 Jul.: “[Football player Andrew] Roberts said he loves two quotes The other is, ‘Slow feet, don’t eat,’ as in work hard or you won’t succeed.” 2017 Solae Dehvine, *Stupid Love 2: Vengeance Is Mine* (Hazelwood MO: Dehvine): “Closed mouths don’t get fed and slow feet don’t eat son.” 2017 *Hawaii Warrior World [Honolulu]*, 11 Apr.: “One of the catchiest phrases in this conditioning cycle is: Slow feet, don’t eat.” 2018 *Atlanta Journal-Constitution*, 8 Nov.: “Slow feet don’t eat in South Florida. And they especially don’t return punts.” 2018 (name of a company in Essex MD): “Slow Feet Dont [sic] Eat Racing, Inc.” 2019 *WM [Worcester MA]*, 7 Aug (quoting football player Dexter McCluster): “You have to have great feet. Slow feet don’t eat. If your feet can’t keep up with your mind, you’re not going to be a great running back.” The proverb appears frequently as a motto on the front of T-shirts.

Indeed, moving forward belongs to the American worldview (Dundes 1969), and it is surprising that the proverb “What you haven’t in your head, you have in your feet” (1933, 119) was only recorded in the early 1930s in America. It is actually a proverb known in a number of European languages but entered into English only later as a loan translation. It is thus not a homegrown American proverb and serves as an example for those proverbs that became current in the United States by way of immigrants. Of course, today such modern American proverbs as for example “The grass is always greener o the other side of the fence” (1913, 110–111), “One picture is worth a

thousand words” (1911, 196), and “It takes two to tango” (1952, 266) have found international distribution in English or as loan translations [Mieder, 2019b] by way of the mass media in particular.

And the move goes on, as can be seen from the advice about advancing without being too aggressive about it all: “Keep your head down and your feet moving” (1990, 118). Care must be taken not to be too bullish for “A hard head makes a soft (sore) behind (back, butt, ass, tail)” (1905, 118). But no matter what, people should use their head for good purposes and not rest: “Use your head for something besides a hat rack” (1910, 118). America being a country where religion continues to play a major role has also brought forth the proverb “When you pray, move your feet” (1936, 84-85) that tells practitioners that positive action must accompany praying. And if the prayer seems to no avail, there exists another proverb that warns against blaming God Almighty: “Your arms are too short (not long enough) to box (fight) with God” (1912, 7). The proverb is especially current among African Americans and is a wonderful somatic message to keep parishioners humble. It would most certainly do them no good to confront God with a proverbial chip on their shoulder since that would be futile behavior and showing no brain as it were. All of this is convincingly expressed in the somatic proverb “A chip on the shoulder is a good indication of wood higher up” (1926, 39). The second part of the proverb is a delightful metaphor for a head with a lack of brain power and as such can be employed in various situations.

In a more concise and direct way the proverb “Big mouth, small brain (mind)” (1958, 173) says something quite similar. And there is even a proverb that warns against rash speaking: “It is better to be thought a fool than to open your mouth and let the world know it” (1907, 83). As has been done with other proverbs as well, this text has been credited to President Abraham Lincoln but no corroborative evidence exists. And yet, silence is not always the best way to deal with life’s challenges, as stated by the proverb “A closed mouth does not get fed” (1989, 173) with the meaning that one must speak up in order to be effective or acknowledged. All of this amounts to yet another example for the fact that proverbs can give opposite advice and that the proverb that fits a particular situation will be cited. Finally, it makes a lot of sense that the pecuniary as well as somatic proverb “Put your money where your mouth is” (1913, 170) has been around for a hundred years. In its literal sense it encourages vocal people to give actual money to the political or social cause that they happen to believe in. By now, it can also be employed more generally to get people to make a commitment after having expressed a serious interest in a matter. In this sense it is remindful of the seventeenth-century proverb “Actions speak louder than words” [Mieder, Kingsburg, Harder, 1992, p. 7].

This proverb finds its highly positive modern equivalent in meaning as “Busy hands are happy hands” (1956, 115). The “hand” appears in several new proverbs, including the humane advice “Give a hand up, not a handout” (1938, 115) that started as a slogan to get people involved in effective welfare programs. Doing so by giving money and time, symbolically expressed by flowers, proves the following benevolent proverb true: “Flowers leave fragrance in the hand that bestows them” (1944, 82). The proverb “Two (Both) hands for beginners” (1910, 116), perhaps a bit perplexing on first encounter, is simply solid advice that using both hands is best when first learning to ride a bicycle, drive a car, play basketball, etc. That all makes sense, but one might well wonder what brought about the following two proverbs that probably started as anti-proverbs of the older “You can choose your friends, but you cannot choose your family” [Mieder, Kingsbury,

Harder, 1992, p. 240]: “You can pick your friends, and you can pick your nose, but you can’t pick your friend’s nose” (1975, 88) and “You can pick your nose, but you can’t pick your family (relatives)” (1997, 179). The motivation for these somewhat crass proverbs was most likely a bit of somatic folk humor to add some expressiveness to it all. In this regard it needs to be pointed out that the proverb “Keep your nose clean” (1903, 179) has nothing to do with picking or blowing one’s nose but is merely a somatic metaphor to admonish people to keep things in proper perspective. And there is also that short proverb “Your (The) nose knows” (1905, 179) that does not credit that organ any cerebral abilities but is just a metaphor for assuring people that they can figure things out in due time.

The main thing is that people adhere to the wisdom of the American proverb “Keep your eyes on the prize” that has been traced back to the seventeenth century [Doyle, 2017]. It was popularized in a “freedom song” during protest marches, sit-ins, freedom rides, and the many demonstrations during the Civil Rights movement of the 1960s with its refrain:

Hold on (hold on), hold on (hold on)

Keep your eyes on the prize, hold on

Hold on (hold on), hold on (hold on)

Keep your eyes on the prize, hold on

Congressman John Lewis, one of the major surviving African-American civil rights leaders, made this sociopolitical slogan his leitmotif during the past five decades, and he remains a most powerful voice in combatting racism and in fostering humaneness and civility in the United States [Mieder, 2019, pp. 145–181]. The somewhat modern proverb “Keep your eye on the donut and not on the hole” (1908, 71) is a more metaphorical albeit banal restatement, but it too gives the advice to remain focused on the essential matter at hand. The message is to be watchful and involved, as two short proverbs advise as well: “Every shut eye is not asleep” (1900, 70) and “The eyes do not lie” (1986, S3, in print). Regarding the modern computer world, there is now even the proverb “Given enough eyeballs (eyes), all bugs are shallow (Many eyes make all bugs shallow)” (1997, S3, in print) where the bugs are certainly not insects! It is a proverb current among technology experts, but it has a chance to become more prevalent in a general sense of saying that “Four eyes see more than two” [Mieder, Kingsbury, Harder, 1992, p. 190] as an older sixteenth-century proverb has it. For now, the *Dictionary of Modern Proverbs* provides a number of references as a welcome introduction for the layperson:

1997 John Udall, “Web Project: The Value of Free Software,” *Byte* 22, no. 12 (Dec.) 112: “What about Eric Raymond’s assertion that all bugs are shallow given enough eyeballs? [Rob] Kolstad counters that it’s not the number of eyeballs that matters; it’s the quality of the brains behind them.” 1998 *Birmingham [UK] Post*, 1 Aug.: “‘Given enough eyeballs, all bugs are shallow’ is a simple tenet of Open Source software.” 1999 *Sydney [Australia] Morning Herald*, 6 Apr.: “It is reassuring to know that just as many eyes ensure all bugs are shallow, many voices ensure the marketplace of ideas is a beautiful one.” 2000 Nicholas Thompson, “How Linux and Open-Source Development Could Change the Way We Get Things Done,” *Washington Monthly* 32, no. 3 (Mar.) 10: “There is a saying known as ‘Linus’ law’ that ‘given enough eyes, all bugs are shallow.’ In other words, given enough people working on them, all problems are solvable.” 2005 *Salt Lake City Tribune*, 20 Nov.: “Today, the open source

movement has realized the effectiveness of leaderless decision making. They have a saying that to many eyes all bugs are shallow” 2009 *Weekly Standard [Washington DC]*, 20 Jul.: “When you do computer programming there’s an old maxim that to 10,000 eyes all bugs are shallow.” 2011 *Guardian [London]*, 2 Mar.: “In the open-source world we have a saying: ‘Many eyeballs make all bugs shallow.’” The origin of the saying is attributable to a paper presented orally (and subsequently published in several versions) by Eric Steven Raymond, “The Cathedral and the Bazaar,” at the Linux Kongress, 22 May 1997, in Würzburg, Germany: “Given a large enough beta-tester and co-developer base, almost every problem will be characterized quickly and the fix obvious to someone. Or, less formally, ‘Given enough eyeballs, all bugs are shallow.’ I dub this: ‘Linus’s Law.’” (Linus Torvalde was a Finnish graduate student who, about 1991, invented the Linux computer operating system.)

Conclusion

After all of this, how about the “heart” [Gréciano, 1998] in modern American proverbs for some final remarks? Recognizing that such large cities as New York, Chicago, Los Angeles, and a few more are actually more the exception and that the United States is covered with small towns and even villages, it makes a lot of sense to have come up with the proverb “Small town, big heart” (1982, S1, 118) to describe the generally pleasant and comfortable life there. And despite the hustle and bustle of modern American lives there is the proverb “The heart has a mind of its own” (1960, 119) acknowledging the importance of emotions and heartfelt love. Yet it is the proverb “You can’t measure heart” (1967, 119) that can serve as a final piece of folk wisdom. It can relate to basically anything that people might put their heart into with commitment and conviction. Such professional or philanthropic efforts can well be immeasurable, but their positive results add up to a fair and compassionate society where the golden rule “Do unto others as you would have them do unto you” (Matthew 7:12) is the moral guidepost. Generally speaking, then, the somatic aspects of modern American proverbs help to express an American worldview of fairness, compassion, and also love in its various manifestations. A culture and society that might overcome its ridiculous emphasis on exceptionalism, that is a responsible partner in international concerns regarding the environment and immigration, and that makes this world a better and safer place for all humankind. One thing is for certain, traditional and new American proverbs [Mieder, 1989 and 2015] contain wisdom that can offer advice and guidance towards these laudable goals. It would most certainly be a big mistake to think or claim that proverbs have outlived their usefulness in the modern age. While some proverbs have survived for centuries, others have come and gone, but there will always be new ones as well [Mieder, 1993]. But there is no doubt that the meta-proverb “Proverbs are never out of season” with its claim that proverbs will always be part of human communication will always hold true.

References

1. Aroutunova B. Gesture and Word: A Semiotic Treatment of Russian Phraseologic Expressions and Proverbs // *Folia Slavica*, 3, nos. 1–2 (1979). P. 48–79.
2. Carter E. V. With an Open Heart?: Somatic Idioms in Nikita Khrushchev’s Political Discourse // *Linguo-Cultural Research on Phraseology*. Eds. Joanna Szerszunowicz, Bogusław Nowowiejski, Priscilla Ishida, and Katsumasa Yagi. Białystok: University of Białystok Publishing House, 2015. P. 347–360.

3. Čermák F. Somatic Idioms Revisited // *Europhras 95: Europäische Phraseologie im Vergleich: Gemeinsames Erbe und kulturelle Vielfalt*. Ed. Wolfgang Eismann. Bochum: Norbert Brockmeyer, 1998. P. 109–119.
4. Doyle Ch. C. On ‘New’ Proverbs and the Conservativeness of Proverb Dictionaries // *Proverbium*, 13 (1996). P. 69–84.
5. Doyle Ch. C. Keep Your Eyes on the Prize’: The background and Evolution of the Proverb // *Proverbium*, 34 (2017). P. 79–89.
6. Doyle Ch. C., Mieder W. The Dictionary of Modern Proverbs: Three Supplements // *Proverbium*, 33 (2016). P. 85–120; 35 (2018). P. 15–44; 37 (2020), in press.
7. Doyle Ch. C., Mieder W., Shapiro F. R. *The Dictionary of Modern Proverbs*. New Haven, Connecticut: Yale University Press, 2012.
8. Dundes A. Thinking Ahead: A Folkloristic Reflection of the Future Orientation in American Worldview // *Anthropological Quarterly*, 42 (1969). P. 53–72.
9. Dundes A. “Folk Ideas as Units of Worldview.” *Towards New Perspectives in Folklore*. Eds. Américo Paredes and Richard Bauman. Austin, Texas: University of Texas Press, 1972. P. 93–103.
10. Dundes A., Pagter C. *When You’re Up to Your Ass in Alligators ... More Urban Folklore from the Paperwork Empire*. Detroit, Michigan: Wayne State University Press, 1987.
11. Gordy M. *Somaticheskaia frazeologija i sovremennykh russkogo i pol’skogo iazykov*. Szczecin: volumina.pl Daniel Krzanowski, 2010.
12. Gréciano G. Zur Phraseologie des Herzens // *Europhras 97: Phraseology and Paremiology*. Hrsg. von Peter Ďurčo. Bratislava: Akadémia PZ, 1998. P. 144–150.
13. Guławska-Gawkoskwa M. *Somatische und emotionale Konzepte in der deutschen und polnischen Phraseologie*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2013.
14. Hakamies P. Proverbs and Mentality // *Myth and Mentality: Studies in Folklore and Popular Thought*. Ed. Anna-Leena Siikala. Helsinki: Finnish Literature Society, 2002. P. 222–230.
15. Litovkina A. T., Mieder W. *Old Proverbs Never Die, They Just diversify. A Collection of Anti-Proverbs*. Burlington, Vermont: The University of Vermont; Veszprém, Hungary: The Pannonian University of Veszprém, 2006.
16. Ly Th. T. Conceptualizing Human Body Parts in Proverbs: A Cross-Linguistic and Cross-Cultural Study // *Proceedings of the Eighth Interdisciplinary Colloquium on Proverbs, 2nd to 9th November 2014, at Tavira, Portugal*. Eds. Rui J. B. Soares and Outi Lauhakangas. Tavira: Tipografia Tavirense, 2015. 110–121.
17. Mellado Blanco C. *Phraseologismos somáticos del alemán. Un estudio léxico-semántico*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2004.
18. Mieder W. *American Proverbs: A Study of Texts and Contexts*. Bern: Peter Lang, 1989.
19. Mieder W. *Proverbs Are Never Out of Season. Popular Wisdom in the Modern Age*. New York: Oxford University Press, 1993; reprint New York: Peter Lang, 2012.
20. Mieder W. *Proverbs. A Handbook*. Westport, Connecticut: Greenwood Press, 2004; reprint New York: Peter Lang, 2012.
21. Mieder W. *International Bibliography of Paremiology and Phraseology*. 2 Bde. Berlin: Walter de Gruyter, 2009a.
22. Mieder W. “Yes We Can”: Barack Obama’s Proverbial Rhetoric. New York: Peter Lang, 2009b.
23. Mieder W. “Making a Way out of no Way”: Martin Luther King’s Sermonic Proverbial Rhetoric. New York: Peter Lang, 2010.
24. Mieder W. *International Bibliography of Paremiography. Collections of Proverbs, Proverbial Expressions and Comparison, Quotations, Graffiti, Slang, and Wellerisms*. Burlington, Vermont: The University of Vermont, 2011.

25. Mieder W. *Behold the Proverbs of a People. Proverbial Wisdom in Culture, Literature, and Politics*. Jackson, Mississippi: University Press of Mississippi, 2014.
26. Mieder W. "Different Strokes for Different Folks". 1250 authentisch amerikanische Sprichwörter. Bochum: Nobert Brockmeyer, 2015.
27. Mieder W. *Futuristic Paremiography and Paremiology: A Plea fo the Collection and Study of Modern Proverbs // Poslovitsy v frazeologicheskom pole: Kognitivnyi, diskursivnyi, spoostavitel'nyi aspekty*. Ed. T. N. Fedulenkova. Vladimir: Vladimirskii Gosudarstvennyie Universitet, 2017. P. 205–226.
28. Mieder W. *Life Is not a Spectator Sport. Proverbial Emotions about Modern Life // Emotsional'naia sfera cheloveka v iazyke i kommunikatsii: Sinkhroniia i diakhroniia*. Ed. E. R. Ioanesian. Moscow: Institut Iazykoznaniiia RAN, 2018. P. 7–17.
29. Mieder W. *Age Is Just a Number // American Proverbial Wisdom about Age and Aging.*" *Emotsional'aia sfera cheloveka v iazyke i kommunikatsii: Sinkhroniia i diakhroniia*. Eds. M. L. Kovshova, H. K. Riabtseva, and P. S. Dronov. Moskva: Instiutut Iazykoznaniiia RAN, 2019a. P. 7–23.
30. Mieder W. *Proverbs Are Worth a Thousand Words: The Global Spread of American Proverbs // Contexts of Folklore. Festschrift for Dan Ben-Amos on His Eighty-Fifth Birthday*. Eds. Simon Bronner and Wolfgang Mieder. New York: Peter Lang, 2019b. P. 217–229.
31. Mieder W. "Right Makes Might": Proverbs and the American Worldview. Bloomington, Indiana: Indiana University Press, 2019c.
32. Mieder W. *Love Is Just a Four-Letter Word. Sexuality and Scatology in Modern Anglo-American Proverbs // Proceedings of the 13th Interdisciplinary Colloquium on Proverbs, 3rd to 10th November 2019, at Tavira, Portugal*. Eds. Rui J. B. Soares and Outi Lauhakangas. Tavira: Tipografia Tavirense, 2020. (in press)
33. Mieder W., Stewart A. Kingsbury, and Kelsie B. Harder. *A Dictionary of American Proverbs*. New York: Oxford University Press, 1992.
34. Mokienko V. M. *Novaia russkaia frazeologiia*. Opole: Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej, 2003.
35. Niemi Jussi, Juha Mulli, Marja Nenonen, Sinikka Niemi, Alexandre Nikolaev, and Esa Penttilä. *Body-Part Idioms across Languages: Lexical Analyses of VP Body-Part Idioms in English, German, Swedish, Russian and Finnish // Korpora, Web und Datenbanken. Computergestützte Methoden in der modernen Phraseologie und Lexikographie*. Eds. Stefaniya Ptashnyk, Erla Hallsteinsdóttir, and Noah Bubenhofer. Baltmannsweiler: Schneider Verlag Hohengehren, 2010. 67–76.
36. Piirainen E. *The Human Body // E. Piirainen, Lexicon of Common Figurative Units. Widespread Idioms in Europe and Beyond*. New York: Peter Lang, 2016. P. 533–574,
37. Schipper M. "Never Marry a Woman with Big Feet": Women in Proverbs from Around the World. New Haven, Connecticut: Yale University Press, 2003.
38. Senga A. N. *Correspondences Between Hungarian and English Somatic Proverbialia with 'Leg' and 'Foot' // Ural-Altai Yearbook*, 59 (1987). P. 15–33.
39. Skrypnik I. *Interpersonal Relationships in Ukrainian and English: Similarities and Discrepancies (on the Material of the Somatic Phraseological Units) // Linguo-Cultural Competence and Phraseological Motivation*. Eds. Antonio Pamiés [Bertrán] and Dmitrii Dobrovol'skij. Baltmannsweiler: Schneider Verlag Hohengehren, 2011. P. 173–178.
40. Zhu K. *Lexikographische Untersuchung somatischer Phraseologismen im Deutschen und Chinesischen*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1998.

Мидер В.

Доктор филологических наук, профессор,
Департамент немецкого и русского языков,
Вермонтский университет, США

“NO BODY IS PERFECT”: СОМАТИЧЕСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ В СОВРЕМЕННОМ АМЕРИКАНСКОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В период, когда активно собирались и изучались соматические пословицы, исследовался преимущественно довольно старый языковой материал. О той роли, которую различные части тела играют в пословицах, придуманных в прошлом веке, известно очень мало. Основываясь на «Словаре современных пословиц» (2012), мы демонстрируем, что современные американские пословицы содержат многочисленные ссылки на такие слова, как глаз, нога, рука, голова, рот, нос и другие. Многие из них являются предложениями с прямым значением, но есть также многочисленные метафорические пословицы, комментирующие современную жизнь и ее многогранные проблемы, включающие озабоченность телом, красотой, здоровьем и сексуальностью. В определенной степени эти современные пословицы отражают нравы и мировоззрение американского общества.

Ключевые слова: американский английский, антипословица, тело, метафора, современность, нравы, происхождение, пословица, семантика, сексуальность, соматизм, мировоззрение.

УДК 811.581

Арекеева Юлия Евгеньевна

Ассистент кафедры романской филологии,
второго иностранного языка и лингводидактики,
Удмуртский государственный университет
426034, Удмуртская Республика, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1
Тел.: +7 (3412) 916179
E-mail: izh4yu@gmail.com

ЧЭНЬЮЙ В СИСТЕМЕ КИТАЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ И ПАРЕМИОЛОГИИ

Особое место в лексической системе китайского языка занимают фразеологизмы – единицы национально-культурной специфики, через которые наиболее ярко проявляются особенности народного менталитета, быта, исторические события. Многие из них появились давно, но до сих пор используются в первоначальной форме; создаются и занимают свое место в языке новые единицы. В статье представлен анализ становления и развития китайской фразеологии и паремиологии, а также рассмотрено место чэньюй среди типов фразеологических единиц китайского языка. Актуальность статьи определяется необходимостью более глубокого анализа типологии китайских фразеологических единиц, а также отсутствием монографических работ в области изучения китайских фразеологизмов и паремий. Объектом исследования выступили чэньюй как наиболее распространенный тип в системе китайской фразеологии и паремиологии. Предметом предлагаемого исследования является место чэньюй среди типов фразеологических единиц китайского языка. Цель работы – изучение концептуальных основ становления и развития китайской фразеологии и паремиологии. Материал – паремии и фразеологизмы китайского языка.

Ключевые слова: фразеология, паремия, китайский язык, чэньюй, классификация, паремиология.

Введение

Особое место в лексической системе китайского языка занимают фразеологизмы – единицы, отражающие национально-культурную специфику, в которых наиболее ярко проявляются особенности народного менталитета, быта, исторические события. Многие из них появились давно, но до сих пор используются в первоначальной форме; создаются и занимают свое место в языке новые единицы.

Несмотря на то, что китайские фразеологизмы были широко распространены и активно использовались с давних времен, их изучение как предмет научной дисциплины началось сравнительно поздно. Первая попытка исследования фразеологизмов в Китае была предпринята в словаре китайского языка «Шэн Пин» 1942 г., в котором фразеологизмы определялись как «гухуа» 古话 (букв. «древнее слово») – выражения, пришедшие из

древности [盛平]. Долгое время фразеология не выделялась в отдельную самостоятельную науку, ее рассматривали в рамках лексикологии и стилистики, но, невзирая на это, вопросы изучения фразеологизмов привлекали внимание многих китайских ученых (Вэнь Дуаньчжэн (温端政), Ма Гофань (马国凡), Ни Баюань (倪宝儿), Чжан Чжигуна (张志公), Яо Пэнцы (姚鹏慈) и других). Среди отечественных синологов, занимающихся вопросами фразеологии китайского языка, можно отметить И. В. Войцехович [Войцехович, 2007], В. И. Горелова [Горелов, 1984], А. М. Котова [Котов, 1977], Н. Н. Короткова [Коротков, 1963] и других.

Согласно В. И. Горелову, современная китайская лингвистика для определения фразеологии использует термин «шуйюй» 熟语 (shuyu) – «раздел языкознания, изучающий фразеологическую систему языка в ее современном состоянии и историческом развитии» [Горелов, 1984, с. 174]. Дословным переводом этого термина выступает фраза «готовое речение». П. П. Ветров отмечает, что некоторые китайские лингвисты в качестве собирательного понятия используют термин «сууйюй» 俗语 (suyu), переводимый как «расхожее речение». По мере развития фразеологии как науки в Китае, «шуйюй» получил статус общепринятого собирательного названия различных устойчивых единиц вообще, любой фразеологической единицы в широком смысле [Ветров, 2007, с. 15].

Фразеологический фонд китайского языка крайне разнообразен, в связи с этим необходимо тщательное изучение существующих классификаций китайских фразеологических единиц, разработанных зарубежными и отечественными синологами.

Основная часть

Существует множество вариантов классификаций фразеологизмов. Основываясь на экспрессивно-стилистических свойствах, Ма Лун приводит следующую классификацию:

- 1) собственно-выразительные (неметафорические) фразеологизмы;
- 2) фразеологизмы, в основе которых лежат яркие изобразительно-выразительные средства (метафорические фразеологизмы) [Ма Лун, 2011, с. 203].

Примерами неметафорических фразеологизмов могут служить следующие выражения:

坐享其成 zuo xiang qi cheng «Сидеть и пользоваться чужими плодами» – жить за чужой счет; чужими руками жар загребать [Готлиб, 2019, с. 595].

拭目而待 shi mu er dai «Протирать глаза и ждать» – ждать с нетерпением; верить, что ожидаемое обязательно произойдет [Там же, с. 396].

Метафорические свойства проявляются, в том числе, в следующих фразеологизмах:

使蚊负山 shi wen fu shan «Отправить муравья отнести гору» – давать непосильную работу; ставить задачи, изначально обреченные на невыполнение [Там же, с. 393].

澧兰沅芷 li lan yuan zhi «Орхидеи на реке Ли и Юань» – благородный дух, высокие моральные качества [Там же, с. 258].

Структурно-семантическая классификация предлагается отечественным синологом В. И. Гореловым:

1) фразеологизмы-словосочетания (фраземы), которые делятся на:

– фразеологические выражения (四字格 sizige) – это фразеологизмы, представляющие собой сочетания четырех иероглифов-слов, которые, в свою очередь, имеют собственные значения;

– фразеологические сочетания – фразеологические единицы, в составе которых один из компонентов содержит слово, обуславливающее фразеологическую единицу.

2) фразеологизмы-предложения – это фразеологизмы, похожие по своей форме на предложения, обладающие устойчивой структурой и устоявшимся неизменяемым лексическим составом [Горелов, 1984, с. 175].

Функционально-стилистическая классификация была также предложена В. И. Гореловым, он распределил фразеологические единицы по стилям речи и выполняемым функциям:

- фразеологические единицы разговорного стиля;
- фразеологические единицы публицистического стиля;
- фразеологические единицы научно-технического стиля;
- фразеологические единицы официально-делового стиля;
- служебные фразеологические единицы [Там же, с. 175].

Китайский языковед Вэнь Дуаньчжэн выделяет два класса фразеологических единиц в соответствии с их стилистикой:

1) фразеологические единицы разговорного стиля 俗语 суюй (suoyu – просторечные фразеологизмы / речения):

谚语 (yanyu – пословицы), 歇后语 (xiehouyu – недоговорки-иносказания), 惯用语 (guanyongyu – привычные выражения), 俗成语 (suchengyu – просторечные ченьюй);

2) 雅语 яюй (yayu – изящные речения): ченьюй высокого стиля, сохранившие в своем составе вэньянь, древний китайский язык [温端政中国歇后语大全辞海版, 2004, 页. 58–71].

Одним из наиболее авторитетных китайских исследователей фразеологизмов является Ма Гофань. В настоящее время его классификации, построенной прежде всего на основе происхождения и стилистических особенностей фразеологизмов, придерживаются многие синологи, сторонники так называемого «традиционного подхода» (Чжан Цюньсянь, Ван Лися, О. И. Калинин, И. В. Войцехович и другие). И. В. Войцехович приводит классификацию Ма Гофаня в своей работе [Войцехович, 2007, с. 17]:

1) 成语 chéngyǔ (чэньюй – идиомы):

老牛舐犊 lao niu shi du «Старая корова лижет теленка» – слепая родительская любовь; баловать своих детей [Готлиб, 2019, с. 252].

鳃脰鹤膝 fu jing he xi «Голень утки и колено журавля» – у всего есть свои плюсы и минусы [Там же, с.139].

2) 谚语 yànyǔ (яньюй – пословицы):

少壮不努力，老大徒伤悲 shào zhuàng bù nǚ lì , lǎo dà tú shāng bēi – не будешь учиться (стараться) смолоду, пожалеешь в старости; тот, кто в молодости неприлежен, будет каяться в старости; кто учится смолоду, не знает на старости голоду (Пер. – Ю. А.) [谚语大全].

良药苦口利于病，忠言逆耳利于行 liáng yào kǔ kǒu lì yú bìng, zhōng yán nì ěr lì yú xíng – лекарство горькое, но действенно при болезни, правдивые слова режут слух, но приносят пользу (Пер. – Ю. А.) [谚语大全].

3) 后歇语 xiēhòuyǔ (сехоуэй – недоговорки-иносказания):

火烧眉毛 – 只顾眼前 huǒ shāo méimáo – zhǐ guān yǎn qián «Огонь подпаливает брови – смотришь только перед собой» – заниматься только тем, что перед глазами; жить только непосредственными заботами [Прядохин, Прядохина, 2007, с.107].

汤罐里煨鸭 – 独出一张嘴 tāng guǎn lǐ wēi yā – dú chū yī zhāng zuǐ «Тушить утку в печном горшке – торчит лишь клюв» – сболтнуть (брякнуть лишнее) [Там же, с. 174].

4) 惯用语 guànyòngyǔ (гуаньёньюй – фразеологические сочетания):

揭盖子 jiē gāizi – приподнять завесу; вскрыть истинное положение вещей (букв. открыть крышку) [Кожевников, 2005, с. 149].

三寸不烂之舌 sān cùn bù lǎn zhī shé – хорошо подвешенный (привешенный) язык; дар красноречия; за словом в карман не полезет (букв. язык в три цуня и без изъяна) [Там же, с. 255].

5) 俗语 sùyǔ (суюй – поговорки):

初生牛犊不怕虎 chūshēng niúdú bú pà hǔ – новорожденный теленок тигра не боится (обр. в знач.: о молодежи, совершающей необдуманные и дерзкие поступки, не задумываясь над их последствиями; не имеющий опыта не боится нового дела) (Пер. – Ю. А.) [俗语大全].

江山易改，本性难移 jiāngshān yì gǎi, běnxìng nán yí – легче сдвинуть горы и реки, чем изменить характер человека (обр.: горбатого могила исправит; как волка ни корми, он все в лес смотрит) (Пер. – Ю. А.) [俗语大全].

Китайский исследователь Сунь Вэй Чжан также выделяет пять типов фразеологических единиц, объединяя пословицы и поговорки в один тип (янььюй) и включая новый тип 格言 gēyán гэянь (афоризмы, изречения) [孙维张, 页. 17].

Остановимся более подробно на самом распространенном типе фразеологических единиц – чэнььюй.

Чэнььюй 成语 – букв. «готовое выражение», считается самым главным и распространенным в ряду китайских идиом. 汉语成语大辞典 («Большой словарь чэнььюй китайского языка») содержит более 24 000 словарных статей [汉语成语大辞典]. По

определению Чэнь Шуана, китайские чэньюй – это фразеологические связанные, устойчивые лексико-синтаксические единицы современного китайского языка, которые в краткой отточенной форме четырехсложных (в основном) ритмических словосочетаний и предложений, насыщенных архаизмами, ярко, живо и выразительно отображают различные понятия реальной действительности китайского этноса [Чэнь Шуан, 页. 8].

История чэньюй уходит вглубь веков, воплощая народную мудрость, накопленную за все время существования китайской цивилизации. Большая часть фразеологизмов берет свое начало в китайской классической литературе, кроме того, существует множество чэньюй, связанных с историческими событиями, философскими и религиозными учениями, легендами и мифами. Приведем примеры:

叶公好龙 yè gōng hào lóng – Е-гун любит драконов (*обр. в знач.: любить лишь на словах; пустые слова, не подкрепленные делом, пустая болтовня*) [成语大全].

Данный чэньюй используется, когда кто-то демонстрирует притворную любовь к тому, чего он в действительности боится. История его происхождения связана с легендой о князе Е-гун, известным своей необычайной любовью к драконам. Драконы были нарисованы на всех стенах его дома, высечены из камня на колоннах. Драконы были вышиты на его одежде, и ими же был украшен его головной убор.

Слухи о такой любви достигли ушей настоящего дракона, который пожелал взглянуть на Е-гуна. Прилетев с небес и расположившись на крыше дома князя, дракон просунул в окно с южной стороны свою голову, а в окно с северной стороны – хвост. Увидев настоящего дракона, князь Е-гун задрожал от страха и поспешил спрятаться. Он любил только нарисованных на стенах и высеченных из камня драконов, а вовсе не настоящих.

水落石出 shuǐ luò shí chū «Вода ушла – камни выступили» – тайное стало явным; стать очевидным; выводить на чистую воду; проясниться; раскрывать; разоблачать [Готлиб, 2019, с. 401].

Источником происхождения данного чэньюй можно считать произведение «Заметки в Павильоне Старого Бражника» поэта Северной династии Сун Оуян Сю (1007–1072), в котором он излагает лирические мысли о том, как времена года изменили местный ландшафт: весна приносит чудесный аромат диких цветов, лето – зеленые деревья и пышные тени, осень – мерцающий мороз, а зима – изменения ландшафта, поскольку застывшая вода обнажает камни и валуны, лежавшие в русле реки. Метафорический смысл данного сюжета заключается в идее раскрытия доселе неизвестных истин. Как и камни на дне реки, правда постоянно присутствует и обязательно будет предана огласке, даже если она временно скрыта.

Следует отметить, что среди лингвистов до сих пор нет единого понимания границ типов фразеологических единиц, следовательно, они находятся как бы на периферии между типами. Вместе с тем многие учёные (Войцехович И. В., Кожевников И. Р., Ма Гофань и другие) полагают, что чэньюй в большей степени относятся к книжному, письменному стилю, чем, предположим, сехоуэй или яньюй.

Чэньюй являются наиболее экспрессивным средством китайского языка. Их особенность заключается в том, что краткая, лаконичная форма идиомы передает достаточно глубокий смысл, констатирует наблюдения, анализирует многовековой опыт. К основным признакам чэньюй, по мнению А. М. Корневой, можно отнести следующие:

- 1) Архаичность лексики – чэньюй строятся согласно грамматическим и лексическим нормам взъянъя, в основе которого лежит древнекитайский язык;
- 2) Семантическое единство – чэньюй как средство выразительности имеет переносное значение, благодаря чему отдельные его компоненты теряют свои обычные значения и выступают как семантически и грамматически цельная единица. В предложении чэньюй функционирует как отдельный член предложения;
- 3) Наличие добавочного экспрессивного значения – чэньюй выполняют еще и эстетическую функцию;
- 4) Структурно-грамматические особенности – чэньюй может состоять из разного количества знаков (от трех до четырнадцати), но подавляющая часть представляет собой четыре односложных слова. Подобное преобладание четырехсложных чэньюй обусловлено принципом языковой экономии [Корнева, 2014, с. 122–127].

В китайском языкознании, вследствие относительной новизны изучения вопросов фразеологии, пока не сложилось единое мнение относительно классификации чэньюй по структуре. Наиболее полной из представленных на сегодняшний день является, по нашему мнению, классификация, данная Ма Гофанем:

- 1) четырехсложные чэньюй, распадающиеся на два отрезка:
 - близких по смыслу;
 - противоположных по смыслу;
 - с числительными;
 - повторяющих один и тот же компонент.
- 2) четырехсложные чэньюй, не распадающиеся на два отрезка:
 - предложения;
 - словосочетания.
- 3) нечетырехсложные чэньюй [马国凡].

Отечественный лингвист П. П. Ветров разделяет чэньюй на две категории по лексико-грамматическим признакам: чэньюй параллельной и непараллельной конструкции.

Слова в параллельных конструкциях связываются попарно, таким образом, такие конструкции состоят из двух двучленных звеньев. Под чэньюй параллельной конструкции понимаются различные типы параллелизма, например:

- количественный (четырёхморфемный состав):

情急智生 qing ji zhi sheng «В безвыходном положении рождается мудрость» – беда ум родит; голь на выдумки хитра; найти выход в критический момент; проявлять находчивость в минуту опасности [Готлиб, 2019, с. 347].

- лексико-семантический (сходный лексический состав):

左顾右盼 zuo gu you pan «Посмотреть влево, посмотреть вправо» – держаться самодовольно; самодовольный; озираться по сторонам; нерешительно [Там же, с. 591].

– грамматический (идентичная синтаксическая структура):

手忙脚乱 shou mang jiao luan «Руки заняты, ноги путаются» – действовать бессистемно; суетиться; торопиться; суматошный [Там же, с. 397].

– фонетический (закономерные чередования «ровных» и «ломаных» тонов):

犀牛望月 xī niú wàng yuè «Носорог смотрит на луну» – не видеть целого; долго ждать [Там же, с. 452].

Чэньюй непараллельной конструкции нередко бывают четырехморфемными, однако среди них встречаются также чэньюй, состоящие из пяти и более морфем. Чэньюй этой группы допускают построения, самые разнообразные по своей синтаксической структуре и лексическому составу, в том числе использование служебных слов (союзы, частицы, отрицательные местоимения).

Примеры:

灵蛇之珠 ling she chi zhu «Жемчужина чудесной змеи» – бесценное сокровище; острый ум; остроумие [Там же, с. 265].

恬不为怪 tian bu wei guai «(Быть) спокойным, не считать удивительным» – невозмутимо, хладнокровно отнестись; с невозмутимостью [Там же, с. 417].

兵败如山倒 bīng bài rú shān dǎo «Армия разбита, как рухнувшая гора» – потерпеть сокрушительное поражение, быть разбитым в пух и прах (Пер. – Ю. А.) [黎弋, 页. 29].

Следует отметить, что наиболее распространенным типом чэньюй является параллельная конструкция, что обусловлено общей тенденцией китайского языка к парности и симметрии.

Заключение

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что в современной китайской лингвистике наблюдается этап становления самостоятельной научной дисциплины – «шуюй», занимающейся различными аспектами фразеологии и паремиологии. Вопросы классификации типов фразеологических единиц китайского языка и границ между ними, место чэньюй как самого распространенного типа фразеологизмов требуют пристального внимания со стороны отечественных и китайских исследователей.

Список литературы

1. Ветров П. П. Фразеология современного китайского языка: Синтаксис и стилистика. Москва: Восточная книга, 2007. 368 с.
2. Войцехович И. В. Практическая фразеология современного китайского языка. Учебник. Москва: АСТ: Восток–Запад, 2007. 509 с.
3. Горелов В. И. Лексикология китайского языка. Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. «Иностранные языки». Москва: Просвещение, 1984. 216 с.
4. Корнева А. М. Фразеологизмы как отражение мировоззренческой и культурной разницы между востоком и западом: Россия, Запад, Восток: диалог культур: сб. статей Первой Международной молодежной научно-практической конференции / Сб. ст. / Отв. ред. С. К. Гураль. Томск: Изд-во «Томский университет», 2014. 392 с.

5. Коротков Н. Н. Проблемы слова в китайском языке (о неоднородности словарного состава современного литературного языка) // Спорные вопросы грамматики китайского языка. Москва, Ленинград: РАН СССР, 1963. С. 53–73.
6. Котов А. М. Грамматические особенности научного стиля китайского языка. Дисс. ... к. филол. н. Москва, 1977. 132 с.
7. Ма Лун. Типы фразеологических единиц в русском и китайском языках // Витебский государственный университет. Ученые записки. 2011. Т. 12. С. 198–204.
8. Чэнь Шуан. Методика обучения студентов пониманию и интерпретации китайских идиом чэньюй на продвинутом этапе языкового вуза. Автореф ... к. п. н., Иркутск, 2007. 23 с.
9. 马国凡. 成语简论. /马国凡. 沈阳, 1959–1578 页.
10. 孙维张. 汉语熟语学 // 吉林: 吉林教育出版社, 1989. 395 页.
11. 温端政中国歇后语大全辞海版:上海辞书出版社 2004 年. 1293 页. (Вэнь Дуаньчжэн Полный свод недоговорок-сехоуюй Китая. Шанхай: Шанхайское лексикографическое издательство, 2004. 1293 с.).

Список словарей и справочников

12. Готлиб О. М., Му Хуаин. Китайско-русский фразеологический словарь. Около 3500 выражений. 2-е изд., стереотип. Иркутск: Изд-во «Иркутский государственный университет», 2019. 596 с.
13. Кожевников И. Р. Словарь привычных выражений современного китайского языка: более 1000 словосочетаний. Москва: АСТ: Восток-Запад, 2005. 333, [3] с.
14. Прядохин М. Г., Прядохина Л. И. Краткий словарь недоговорок-иносказаний современного китайского языка. 2-е изд. Москва: АСТ: Восток-Запад, 2007. 218, [6] с.
15. 盛平. 学生辞源. / 盛平、史礼心、傅爱兰、孟建华、张若玲 – 北京:青苹果数据中心, 1942. 5265 页.
16. 汉语成语大辞典. 上海世纪出版股份有限公司:上海辞书出版社, 2007年. 1249页。
17. 俗语大全. URL: <http://www.wentidayi.com/suyu/1704.shtml> (дата обращения: 20.02.2020).
18. 俗语大全. URL: <http://www.wentidayi.com/suyu/1724.shtml> (дата обращения: 20.02.2020).
19. 谚语大全. URL: <http://www.1juzi.com/new/13668.html> (дата обращения: 20.02.2020).
20. 黎弋. 简明成语词典. 北京大学出版社, 2000年. 844页. Li yi. Jianming chengyu cidian. Beijing daxue chubanshe, 2000 nian. 844 ye.
21. 成语大全. URL: <https://chengyu.911cha.com/Mm5qNg==.html> (дата обращения: 20.02.2020).

Arekeeva Yu. E.

*Teaching Assistant, Department of Romance Philology,
Second Foreign Language and Linguodidactics,
Udmurt State University*

CHENGYU IN THE SYSTEM OF CHINESE PHRASEOLOGY AND PAREMIOLOGY

A special place in the lexical system of the Chinese language is occupied by phraseological units – units of national-cultural specificity, through which the features of the national mentality, life, and historical events are most clearly manifested. Many of them appeared long ago, but are still used in their original form; new units are created and take their place in the language. The article presents an analysis of the formation and development of Chinese phraseology and paremiology, and also considers the place of chengyu among the types of phraseological units of the Chinese language. The relevance of the article is determined by the need for a deeper analysis of the typology of Chinese phraseological units, as well as the lack of monographic works in the study of Chinese phraseological units and paremias. The object of study is chengyu as the most common type in the system of Chinese phraseology and paremiology. The subject of the proposed study is the place of chengyu among the types of phraseological units of the Chinese language. The purpose of the work is to study the conceptual foundations of the formation and development of Chinese phraseology and paremiology. The material used is paremias and phraseological units of the Chinese language.

Key words: phraseology, paremia, Chinese language, chengyu, classification, paremiology.

УДК 811.163.3

Мирчевска-Бошева Биляна

Доктор филологических наук, професор кафедры славистики,
Филологический факультет им. Блаже Конеского,
Университет Св. Кирилла и Мефодия, Скопье
Македонија, г. Скопье, бул. Гоце Делчев, 9А
Тел.: 0038923240400
Email: dekanat@flf.ukim.edu.mk

**ЗА ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЈАТА НА ФРАЗЕОЛОГИЈАТА
(ВРЗ МАТЕРИЈАЛ ОД МАКЕДОНСКИОТ ЈАЗИК)**

Македонскиот јазик и култура се проткаени и збогатувани со повеќевоковни контакти со други јазици и културни традиции. Тоа влијание се одразува на сите јазични рамништа, па и на фразеолошкото. Иако фразеологијата традиционално се смета за ризница на националните специфики, на архаични зборови и структури поврзани со обичаите, традициите и верувањата на еден народ, последователните споредби на фраземите во повеќе јазици водат до заклучок дека повеќето од нив не се национално-специфични, туку интернационални. Целта на овој труд е анализа на фразеолошките калки како важен механизам за интернационализација врз основа на материјал од македонскиот јазик. Нивното проучување е пропратено со бројни тежокотии поврзани со разграничувањето на исконските од фраземите кои настанале под влијание на други јазици имајќи предвид дека станува збор за структури составени од домашни елементи со странски модел кој дал поттик за реализација. Ексцерпираниот материјал е класифициран според изворите или јазиците кои извршиле директно влијание на појавата на овие јазични единици. Покрај очекуваниот слој фраземи кои припаѓаат на опитоевропскиот фонд и кои се мотивирани од Библијата, митологијата, историските ликови и настани, опитопознати цитати и слично, овде се издвоени и фразеолошките калки кои во македонскиот јазик се појавуваат под влијание на турскиот, српскиот и англискиот јазик во различни периоди и при различни опитествени и политички услови.

Клучни зборови: фразеологија, калки, македонски јазик, културни традиции, интернационални.

Вовед

Почетна мотивација за разгледување на ова прашање беше значителната редукција на која во последно време подлежи традиционалното сфаќање на фразеологијата како ризница на националната специфичност. Многубројните студии покажуваат дека поголемиот дел од фразеолошкиот фонд на европските јазици е интернационален. Тоа беше поттик за анализа на македонската фразеологија со посебен акцент на калкирањето поради фактот дека правилното толкување на фразеолошките калки значително го зголемува интернационалниот слој во фразеологијата на секој јазик.

Материјалот е ексцерпиран од тритомниот „Фразеолошки речник на македонскиот јазик“ на Т. Димитровски и Т. Ширилов, „Македонска фразеологија со мал фразеолошки речник“ на С. Велковска, како и од статиите посветени на оваа тема. Дел од примерите се земени од интернет порталите и публицистиката бидејќи сè уште не се регистрирани во лексикографските трудови.

Основен дел

Меѓујазичните контакти, како и процесите и појавите поврзани со нив, често се наоѓаат во фокусот на интерес на лингвистите. Тие се разгледуваат на сите јазични нивоа, вклучително и на фразеолошкото. Во оваа сфера особено интересно е прашањето за калкирањето. Овој сегмент од фразеологијата се издвојува по тешкотиите за разграничувањето на фразеолошките калки од исконските изрази кои се појавиле без туѓојазично влијание. За разлика од директното позајмување, во фразеолошките калки се скриени сите траги кои би можеле да водат кон јазикот-извор. [Наумова, 2012, с.16] Надоврзувајќи се на таа мисла, Muhvić–Dimanovski [сп. Турк, 2013, с. 66] заклучува дека можноста за погрешна идентификација и проценка на калките е многу голема бидејќи станува збор за структури составени од домашни елементи со странски модел кој дал поттик за реализација. Ова лежи и во основата на тврдењето на Шански [1969] дека голем дел од фразеолошките калки претставуваат фрази во кои туѓојазичната структура воопшто не се чувствува. Тоа се должи на фактот што според синтаксичките врски и нивните семантички односи тие не се разликуваат од исконските фрази.

Од друга страна, Muljačić [1968] предупредува дека не треба да се заборави и можноста за полигенеза т. е. независен, паралелен развој на семантички и лексички исти структури во повеќе јазици. Причината за појава на вакви универзалии лежи не само во многувековниот контакт со различни јазици, туку и во заедничките карактеристики во развојот на човечката цивилизација, совпаѓање во човечко размислување или совпаѓањето на асоцијациите при создавањето сликовити фрази.

Овој факт дополнително ја потенцира неопходноста од објективни барања на соодветни еквивалентни единици во другите јазици со што попрецизно би се издделила националната фразеолошка слика од општоевропската [Eismann, 1999, с. 37].

Фразеолошки калки во македонскиот јазик

Јазиците на различни начини, во различен облик и интензитет и во различни временски периоди се во меѓусебен контакт. Овде се мисли на непосреден контакт, но географскиот допир не може да се смета за единствен важен критериум. Историски гледано, Балканскиот Полуостров бил извонредно динамичен простор во поглед на населувањето на различни народи, на меѓусебни влијанија, контакти и интерференции. Оттука, очекувано е заедничките, општоевропски фраземи да пополнуваат значаен слој во македонската фразеологијата. Само кај дел од нив мотивацијата е јасна, а тоа се најчесто фраземи со библиско потекло, фраземи мотивирани од митологијата, историски настани или личности, од литературни дела и јунаци, од цитати на познати личности и сл.

За илустрација овде може да наведеме дел од нив:

– фраземи со библиско потекло: *алфа и омега; неверен Тома; камен на сонување; го носи својот крст; од Адам и Ева; око за око, заб за заб; прв меѓу еднаквите; забрането–овошје; Содома и Гомора* и др.

– фраземи мотивирани од митолошка личност, историска личност или настан: *ахилова пета; Бартоломејска ноќ; гордиев јазол; сизифов труд; танталови маки; тројански коњ* и др.

– цитати на познати личности послужиле како основа за настанување на следниве изрази: *да се биде или не* (to be or not to be – Shakespeare), *државата – тоа сум јас* (l' Etat, c'est moi – Luj XIV), *Нешто е труло во државата Данска* (something is rotten in the state of Denmark – Shakespeare), *во виното е вистината* (in vino veritas), *во здраво тело здрав дух* и др.

Под влијание на латинскиот јазик настанати се следниве калки: *болна точка* (punctum dolens), *фрла бисери пред свињи* (margaritas ante porcos mittere), *крокодилски солзи* (crocodili lacrimae), *речено-сторено* (dictum-factum), *сега или никогаш* (nun aut nunquam), *седи на две столици* (duabus sellis sedere) и др.

Во секој период од развојот на македонскиот литературен јазик се јавува еден доминантен извор на јазична европеизација и интернационализација. Така, директниот контакт кој датира од втората половина на XIV век кога започнуваат османлиските освојувања на Балканскиот Полуостров, како и неколкувековното заедничко живеење на македонскиот и турскиот народ, не можеле а да не остават видни траги и кај двата народа скоро во сите области на духовниот и материјаниот живот, макар што ни културата ни верата, ни јазикот ни обичаите, ни степенот на развојот немале многу заеднички компоненти. [Јашар Настева, 2001, с.18]

И покрај мислењето дека турското влијание надвор од лексиката е безначајно, истражувањата на Јашар-Настева [2001] покажуваат дека фразеолошките калки се дури почести од лексичките. Иако со сигурност не може да се тврди кој јазик послужил како образец за калкирањето Јашар-Настева издвојува повеќе од 70 изрази, поздравни и зборовни состави за кои смета дека се калкирани од турскиот јазик. Базирајќи се на значењето, начинот на изразување, употребата таа смета дека од турскиот јазик доаѓаат следниве изрази:

едно време (според тур. *bir zaman*) со значење ‘некогаш, одамна’¹;

му сече умот (според тур. *aklı kesmek*) се употребува во значење ‘разбира, расудува’. Покрај тоа се употребува и варијантата: *толку му сече умот* – ‘не разбира, нема капацитет за да разбере’;

му останува окото (според тур. *gözü kalmak*) со значење ‘многу му се допаѓа, посакува, завидува’;

му фаќа окото (според тур. *göz tutmak*) со значење ‘се допаѓа некому, оценува/ проценува нешто’. Често се употребуваат и изразите *не ми фати окото, ако ми фати окото*;

зема збогум (според тур. *selâm almak*) со значење се поздравува на разделба, се збогува;

фаќа место (според тур. *yer tutmak*) со значење ‘кажува или прави нешто умно, разумно, паметно’;

падна болен (според тур. *hasta düşmek*) со значење ‘се разболе’;

му излегува името (според тур. *adı çıkmak*) со значење ‘човек да не му излезе името’;

¹ Со оваа фраза често започнуваат народните приказни, како што наведува Јашар Настева од 99 приказни запишани од Веркович само една (приказната бр. 99) не започнува со *едно време*. (2001: 140). Во прилог на своето тврдење таа ги наведува и полукалките *еден вакат* и *еден заман*.

му пукна афионот (според тур. *afyonu patlatmak*) со значење ‘се разлуту, налуту, изнервира’;

тие цигари (според тур. *çigara içmek*) со значење ‘пуши’ (*içmek* со значење 1. пие, 2. пуши) и др.

Сепак и Јашар-Настева ја остава отворена можноста дека во некои случаи се работи за паралелни форми кои се заеднички за повеќе балкански јазици.

Непосредниот јазичен контакт, но и влијанието од позиција на престижен и официјален јазик на СФРЈ на српскохрватскиот јазик врз македонскиот се забележува на различни јазични рамништа, вклучително и на фразеолошкото. За илустрација овде ќе наведеме неколку изрази кои преку српскиот како посредник добиваат масовна употреба во македонскиот јазик.

На пример, изразот *подобро нешто отколку ништо* (според срб. *bolje išta nego ništa*) се употребува со значење ‘подобро да имаш барем малку од нешто добро, отколку да немаш ништо’. Се работи за латинската пословица *Potius sero quam nunquam* која е преведена во повеќе јазици *meglio tardi che mai* (it.) *better late than never* (eng), *лучше поздно, чем никогда* (рус.) во српскиот и хрватскиот јазик веројатно поради рима „доцна“ се заменува со „некогаш т. е. *ikad*“ и се добива изразот – *bolje ikad nego nikad* (hrv/srb). Оваа линија ја прати и македонскиот јазик каде се употребува изразот *подобро некогаш, отколку никогаш*.

Освен тој израз, доста фреквентни се и следниве примери:

испечи, па речи (според срб. *ispesi, pa reci*) со значење ‘добро размисли пред да кажеш нешто, т. е. не пуштај си го јазикот пред умот’;

од небо, па во ребра (s neba pa u rebra) со значење ‘сосема неочекувано’;

кој сака, нека повели (според срб. *ko voli, nek izvoli*) како израз кој често се употребува како поттик, понуда, покана да се проба нешто;

чиста сметка, долга љубов (според срб. *čist račun, duga ljubav*) што води потекло од латинскиот јазик – *Clara pacta boni amici*.

Освен преземањето или приспособувањето на ваквите фразеолошки единици, кои се резултат на непосредниот јазичен контакт што се одвивал во подолг временски период на разни општествени рамништа, влијанието од српскиот јазик се согледува и на планот на т. н. новинарски клишеа, кои се од релативно понов датум: *На сцената станува системот „повлечи-потргни, држи не давај“* (povuci-potegni, drž – ne daj); *што е тука е (šta je, tu je); за тоа потоа* (o tom potom). [Трневски, 2002, с. 247]

Доминацијата на англискиот јазик е глобален процес на кој не останал имун ни македонскиот јазик. Неговото влијание се забележува во следниве примери:

Банана република (според англ. *Banana Republic*) со значење ‘зависна, непостојана држава’. Самото потекло на изразот е од САД и се однесувал на јужноамериканските нестабилни или марионетски влади, а како асоцијација на големото производство на банани во тие држави;

железна завеса (според англ. *iron curtain*) со значење ‘(политичка) изолација’. Појвата на овој израз се поврзува со 80-тите години на 18 век кога во Лион (Франција) театарската бина била одделена од гледалиштето со железна завеса како заштита од евентуален пожар. Винстон Черчил на 5.3.1946 ја изрекол реченицата: *„From Settin in the Baltic to Trieste in the Adriatic an iron curtain was descended across the continent“* во врска со тогашната политичка ситуација и од тој момент изразот добива на популарност;

жешки браќа (според англ. hot brothers) со значење хомосексуалци;

закопана секира (според англ. to bury the hatchet) води потекло од индијанската цивилизација и се користи со значење политика на помирување. По аналогија е скована и фразата откопана секира со значење – заострување на политичката ситуација.

зона на самракот (според англ. twilight zone) според фантастичните раскази на Martin Greenberg, R. Matheson и Ch. Waugh адаптирани и прикажани како серија. Во македонските медиуми се користат за означување на економски или политички мрак (длабока криза).

сапунска опера (според англ. soap opera) потекнува од американските серии финансирани од компаниите кои произведуваат средства за чистење и перење во домаќинството и дека се емитуваат најчесто дење кога домаќинките се дома и ги користат тие средства.

студена војна (според англ. cold war) за означување заладени односи меѓу две страни, а употребена е во 1947 кога Волтер Липман на својата книга за односите САД-СССР и дал наслов – The Cold War.

За разлика од минатото, кога уметничката литература била еден од основните извори на фразеолошки калки, во последно време тој примат го има јазикот на медиумите. Социјалните мрежи, блоговите, форумите, електронските изданија на весниците и сл. станаа моќен канал со чија помош се врши интензивна интернационализација на фразеологијата. Благодарение на интернетот, со молскавична брзина во сите јазици влегуваат голем број нови изрази. Дел од нив, калки и полукалки, кои се издвојуваат по својата популарност се издвоени и прикажани во продолжение:

црн петок (според англ. Black Friday) се користи за означување на првиот ден по Денот на благодарноста (последниот четврток од ноември) и е поврзана со шопинг треската на почетокот на сезоната на попусти за Божиќ;

сајбер понеделник (според англ. Cyber Monday) е термин кој го опишува понеделникот по Денот на благодарноста кога компаниите го стимулираат купувањето online со нудење на разни поволности, попусти, подароци и најразлични иновативни промоции;

црн понеделник (според англ. Black Monday) се користи за означување на важни и тешки историски настани со негативна конотација кои се случиле во понеделник. Во Македонија тоа се поврзува со 24 декември 2012 година и со скандалозната седница во Собранието на Р. Македонија кога опозицијата и новинарите беа насилно исфрлени од собраниската сала;

пеперутки во стомак (според англ. butterflies in a one's stomach) припаѓа на фразеосемантичкото поле љубов, заљубеност, симпатија додека во англискиот јазик има пошироко значење;

ми го направи денот (според англ. to make one's day) значи да го направи нешто убаво, пријатно со што ќе го поправи расположението;

капсулна гардероба (според англ. capsule wardrobe) се користи за означување делови од облеката кои никогаш е излегуваат од мода и кои може да се комбинираат со парчиња актуелни за конкретната сезона;

трча за (според англ. run for) е често употребуван израз во кој македонскиот глагол трча добива ново преносно значење во комбинација со предлогот за.

Во разговорниот стил се користат и прагматичните т. е. рутински формули како на пр. *Имајте убав ден* (Have a nice day); *скрши нога* (brake a leg); *земи или остави* (take it or leave it) и др.

Заклучок

Сите досега наведени примери докажуваат дека фразеолошкото калкирање претставува продуктивен механизам за интернационализација на македонскиот јазик. Во оваа статија е прикажан само еден мал сегмент од вкупниот број фразеолошки калки кои се регистрирани во лексикографските трудови или се актуелни во виртуелното пространство. За дел од нив се знае точниот извор и патот на ширење, за дел само јазикот-посредник. Кај некои од примерите (*железна завеса*) гледаме дека во македонскиот јазик дошле не од јазикот-извор (во случајот тоа е францускиот каде се употребува од 18 век), туку од јазикот-посредник (англискиот каде станува популарен во 20 век). Исто така, останува отворена можноста дел од нив автохтоно и автономно, паралелно да се создале во повеќе јазици. Овој труд не претендира да даде конечни и сигурни потврди за потеклото на сите наведени примери, туку да ја потврди теоријата на Мокиенко [Мокиенко, 2009, с. 168] дека меѓујазично контрастирање на фразеолошкиот фонд дава можност да се елиминираат субјективните национализирани интерпретации и покажува дека наспроти ставот за национална маркираност на фразеологијата, поголем дел од неа е интернационален.

Список на литература

1. Бабамова Е. Калките од англиско потекло во современиот македонски јазик // Годишен зборник 1995, № 20/21. С. 93–100.
2. Јашар-Настева О. Турските лексички елементи во македонскиот јазик. Скопје: Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“, 2001.
3. Ковшова М. Л. Культурно-национална специфика фразеологизмов и вопросы экспликации их культурных смыслов // Вопросы психолингвистики. 2016. № 4 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturno-natsionalnaya-spetsifika-frazeologizmov-i-voprosy-eksplikatsii-ih-kulturnyh-smyslov> (дата обращения: 05.02.2020).
4. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок. Антропонамический код культуры. Москва: ЛЕНАНД, 2019. 400 с.
5. Ковшова М. Л. Словарь собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах. Москва: ЛЕНАНД, 2019. 352 с.
6. Мокиенко В. М. Загадки русской фразеологии. Санкт-Петербург: Авалон, 2005. 256 с.
7. Мокиенко В. М. Почему так говорят. Санкт-Петербург: Норинт, 2006.
8. Мокиенко В. М. Языковая картина мира в зеркале фразеологии // *Frazeologia a językowe obrazy świata przełomu wieków*. Red. W. Chlebda. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego. С. 49–66.
9. Мокиенко В. М. В глубь поговорки. Санкт-Петербург, Авалон, 2007. 253 с.
10. Мокиенко В. М. Фразеологические кальки в славянских языках // *ACTA UNIVERSITATIS WRATISLAVIENSIS, Slavica Wratislaviensia* 150. С. 167–181.
11. Наумова И. О. Фразеологические кальки английского происхождения в современном русском языке (на материале публицистики). Харьков: ХНАГХ, 2012. 213 с.
12. Треневски Т. Туѓојазични влијанија во печатените медиуми // Македонски социолонгвистички и филолошки теми. Совет за македонски јазик на Република Македонија, Скопје, 2002.
13. Смирнова М. Что нового в македонской фразеологии (К вопросу об англо-американизмах в современном македонском языке) // Зборот збор отвора, Филолошки факултет „Блаже Конески“, Скопје, 2017. С. 289–294.

14. Солодухо Э. М. Проблемы интернационализации фразеологии (на материале языков славянской, германской и романской групп). <https://www.booksite.ru/fulltext/soloduhu/text.pdf>
15. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. Москва: Высшая школа, 1969.
16. Eismann W. Phraseologie. Handbuch der sprachwissenschaftlichen Russistik und ihrer Grenzdisziplinen. Wiesbaden: Harrasowitz-Verlag, 1999.
17. Muljačić Ž. Tipologija jezickog kalka. Radovi, Razdio filoloskis znanosti, Zadar, VII, 5-6
18. Turk, M. Naznake o podrijetlu frazema // FLUMINENSIA, 1994, 6, br. 1–2, 37–47.
19. Turk M. Jezično kalkiranje u teoriji i praksi: prilog lingvistici jezičnih dodira. Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada, 2013.

Mirchevska-Bosheva B.

*Grand Ph.D. (Philology), Slavistics Department,
Sts. Cyril and Methodius University, Skopje*

INTERNATIONALIZATION OF PHRASEOLOGY (BASED ON MACEDONIAN LANGUGAE MATERIAL)

Macedonian language and culture are interwoven and enriched with centuries-long contacts with other languages and cultural traditions. This influence is reflected in all linguistic levels, including phraseological. Although phraseology has traditionally been considered a treasure trove of national specifics, of archaic words and structures related to the customs, traditions and beliefs of a nation, subsequent comparisons of phrases in many languages lead to the conclusion that most of them are not nationally specific but rather international. The purpose of this paper is to analyze the phraseological calques as an important mechanism for internationalization based on Macedonian language material. The analyze of the calques is accompanied by a number of difficulties in distinguishing between primeval and phrasemes that have been influenced by other languages, having in mind the fact that they are structures made of domestic elements with a foreign model that has given impetus to realization. Material is classified according to the sources or languages that directly affected the appearance of these linguistic units. In addition to the expected layer of phrasemes belonging to the general European fund and motivated by the Bible, mythology, historical characters and events, well-known quotations, we find also the phrasemes that appear in the Macedonian language under the influence of Turkish, Serbian and English in different time periods and under different social and political conditions.

Key words: phraseology, calques, Macedonian language, cultural traditions, internationalization.

УДК 811.222.8

Нагзибекова Мехриниссо Бозоровна

Доктор филологических наук, профессор
кафедры перевода и межкультурной коммуникации,
Таджикский национальный университет
734025, г. Душанбе, пр. Рудаки, д. 17
Тел.: + (992) 915146877
E-mail: mnagzibekova@mail.ru

Шарипова Саодат Сайдуллаевна

Старший преподаватель кафедры общего языкознания
и сопоставительной типологии,
Таджикский национальный университет
734025, г. Душанбе, пр. Рудаки, д. 17
Тел.: + (992) 919011470
E-mail: Sh.saodat@mail.ru

**СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ
В ТАДЖИКСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ**

Функциональный потенциал, структурно-семантическая характеристика единиц лексико-семантической группы глаголов движения таджикского языка являются малоизученными в аспекте сопоставительных особенностей. Сопоставительный анализ приставочных глаголов движения в русском и таджикском языках способствует более глубокому проникновению в сущность категории пространства. Выявленные дифференциальные семантические признаки, а также правила соответствий русских приставочных глаголов движения и их таджикских эквивалентов могут послужить основой дальнейших изысканий в этом направлении. В статье предпринята попытка комплексного анализа и сопоставления приставочных глаголов движения русского языка и их соответствий в таджикском; раскрываются дифференцирующие семантические признаки глаголов движения при экспликации процесса перемещения в русском и таджикском языках; вырабатываются и формулируются правила соответствий русских приставочных глаголов движения и их таджикских эквивалентов. На основе бытующих на сегодняшний день точек зрения относительно дифференцирующих признаков глаголов движения нами выделены для рассмотрения следующие семантические признаки: однонаправленность / разнонаправленность, кратность / не кратность, совместность / несовместность, а также скорость, способ, среда, средство передвижения. Следует отметить, что для русских глаголов движения присущи все перечисленные дифференциальные признаки. Дифференциальными признаками глаголов движения в таджикском языке являются признаки «скорость движения» и «совместность движения».

Ключевые слова: глаголы движения, приставочные глаголы, русский язык, таджикский язык, сопоставление, семантические признаки, эквиваленты.

Введение

Вопросы образования, функционирования, структурно-семантической характеристики единиц лексико-семантической группы (далее – ЛСГ) глаголов движения таджикского языка являются малоизученными, тогда как сопоставительный анализ приставочных глаголов движения в русском и таджикском языках обуславливает расширенное и углублённое изучение категории пространства; отмеченные дифференциальные семантические признаки, а также определённые правила соответствий русских приставочных глаголов движения и их таджикских эквивалентов могут послужить основой дальнейших изысканий в этом направлении. Так, отдельные аспекты исследования данной проблемы затронуты, в частности, в монографии С. Иброхимова «Русские глаголы движения и их русские соответствия в таджикском языке» [Иброхимов, 1990], где автор рассматривает проблемы способов экспликации категории направленности и кратности глаголов типа *ходить-идти* в русском языке и приводит соответствия из таджикского языка.

В сопоставительном ключе данную проблему затрагивают в своих исследованиях М. Э. Азизова [Азизова, 2014] и Н. И. Каримова [Каримова, 2006]. М. Э. Азизова в одном из разделов своей диссертационной работы «Приставочные глаголы русского языка в сопоставлении с таджикским (структурно-семантический аспект)» рассматривает отдельные проблемы описания и анализа русских приставочных глаголов с пространственно-направительным значением и их таджикских аналогов.

В диссертационной работе Н. И. Каримовой «Лексико-семантическая классификация некоторых групп глаголов в русском и таджикском языках в сопоставительном плане» наряду с другими группами глаголов даётся лексико-семантическая характеристика глаголов движения в русском и таджикском языках (см., также [Нагзибекова, Шарипова, 2019, с. 35–41]).

Основная часть

Для развернутого анализа глаголов движения в таджикском языке целесообразно определить границы данной лексико-семантической группы, опираясь на данные исследований русского языка. В русском языке традиционно выделяются глагольные лексемы, объединённые в лексико-семантическую группу по общему признаку «перемещение в пространстве».

Данная группа репрезентирована 18-ю парами глаголов, обнаружение эквивалентов которых является следующим этапом нашего исследования. Основным иллюстративным материалом в таджикском языке послужили данные, извлечённые из Русско-таджикского словаря под редакцией М. С. Асимова, а также из романа таджикского писателя Джалола Икрами «Духтари оташ» (Дочь огня) и его перевода на русский, язык, выполненный В. С. Смирновой. Метод сплошной выборки и количественный анализ позволили выявить около 400 лексических единиц, которые можно объединить в ЛСГ «глаголы движения таджикского языка». Ядро данной ЛСГ, на наш взгляд, составляют глаголы-эквиваленты 18-ти пар бесприставочных глаголов русского языка. Вследствие этого ядерный состав ЛСГ «глаголов движения» можно представить в виде следующей таблицы, где в первых двух колонках приводятся пары глаголов русского языка, а в третьей – их эквиваленты в таджикском (табл. 1).

Сопоставительный анализ показал, что зачастую один и тот же глагол таджикского языка выступает эквивалентом нескольких глаголов русского языка. Так, глагол **расидан** соответствует одновременно нескольким глаголам русского языка: *дойти* – *доходить*, *подойти* – *подходить*, *нагнать* – *нагонять*, *догнать* – *догнать*, *приехать* – *приезжать*, *доехать* – *доезжать*, *прийти* – *приходить*. В сочетании с другими компонентами данный глагол приобретает ещё ряд дополнительных значений, например, *хазида расидан* – *приползти*, *доползти*; *шино карда расидан* – *доплыть*, *приплыть*; *парида расидан*, *парвоз карда расидан* – *прилететь*, *долететь*; *давида расидан* – *добежать*; *гашта-гашта расидан* – *выбрести*; *ба азоб (ба зур) омада расидан* – *прибрести* и другие. Рассматриваемый нами глагол имеет 6 значений, лишь одно из которых обозначает движение: 1. *Прибывать*, *приходить* *приезжать*.

Таблица 1. Глаголы движения в русском и их эквиваленты в таджикском языке

бежать	бегать	давидан, тохтан
брести	бродить	гаштан
везти	возить	бурдан, кашондан (савора)
вести	водить	бурдан, ьамроь бурдан
гнать	гонять	рондан, ьай кардан
гнаться	гоняться	таькиб кардан
ехать	ездить	рафтан, сафар кардан (савора)
идти	ходить	рафтан, гаштан
катить	катать	ѓелондан, ѓелонда бурдан
катиться	кататься	ѓелида (ѓельида) рафтан
лезть	лазить	(часпида) баромадан
лететь	летать	паридан, парвоз кардан
нести	носить	бурдан, бардошта бурдан
нестись	носиться	давидан, зуд рафтан
плыть	плавать	шино кардан
ползти	ползать	хазидан, гавак кашидан
тащить	таскать	кашондан, кашола кардан
тащиться	таскаться	кашола шудан, оворагард будан

Другим примером может послужить глагол **рафтан**, которому, соответствуют следующие русские эквиваленты: 1) *идти*; *отправляться*, *уходить*, *уезжать*, *ходить*, *ездить*. Сочетаясь с различными компонентами, данный глагол приобретает ещё ряд значений, например, «движение вниз» (*опускаться*, *сходить*), а также «достижение конечной цели движения»: а) *доходить*, *доезжать*, *достигать*; *добираться*; б) *догонять*. В приведённом нами перечне глаголов перемещения, спектр значений глагола **рафтан** в сочетании с другими компонентами, то есть в составе составных глаголов в качестве вспомогательного, ещё более расширяется: *гавак кашида рафта* – *ползти*; *гелида рафтан* – *катиться*, *докатиться*, *укатиться*; *гузашта рафтан* – *пронестись*, *давон рафтан* – *нестись*; *даромада рафтан* – *заехать*; *дур рафтан* – *отъехать*, *кўчида рафтан* – *выехать*, *оьниста-оьниста рафтан* – *тащиться*; *парвоз карда рафтан* – *вылететь*, *покашол роь рафтан* – *брести*, *тез рафтан* – *нестись* и другие.

Следует отметить ещё одну отличительную особенность таджикских глаголов движения, а именно: в таджикском языке им свойственно отчётливое противопоставление центробежности / центростремительности, например, на семантическом уровне глаголов **рафтан** / **омадан**, где глагол **рафтан** указывает перемещение от исходной точки, а значение глагола **омадан** – перемещение к конечной точке.

Как и в русском языке, глаголы движения в таджикском языке характеризуются некоторыми дифференциальными признаками. Вследствие чего возможно разграничение лексем по следующим признакам.

1. По признаку «скорость движения» – быстро → обычно (нормально) → медленно:

а) быстро (**давидан**, **тохтан** *бежать – бегать*, *несть* – *носиться* → обычно);

б) нормально (**омадан**, **рафтан** *ехать, идти*);

в) медленно (**гаштан**, **гаштугузор кардан** – *брести – бродить*, **сарсарй гаштан**, **овора шуда гаштан** *тащиться – таскаться*; **хазидан**, **хазида рафтан**, **гавак кашидан** *ползти – ползать* и глагольных сочетаний идентичных глаголам)

Гуруснагї ва фалокат дар гирди хонаи мо мегашт. Дар кўчаҳои кишлок аъал аспакї метохт. – Беда бродила вокруг нашего дома, смерть на коне мчалась по улицам кишлака...

2. По признаку «совместности» действия (**бурдан**, **овардан**, **кашондан** *везти – возить*, *вести – водить*, *нести – носить*, *тащить – таскать*).

Однако дифференцирующие признаки русских глаголов движения, характеризующие направленность, кратность, способ и среду передвижения, не свойственны таджикским глаголам.

Как было отмечено ранее, для русских бесприставочных глаголов ЛСГ «глаголы движения» характерна дифференциация по следующим признакам: направленность, многократность, определенность, среда, средства, скорость, совместность. Так, разнонаправленность и многократность движения в русском языке эксплицируется глаголами типа *ходить*, тогда как однонаправленность и однократность действия выражаются посредством семантики глаголов типа *идти*. Однако в таджикском языке перечисленные признаки могут быть репрезентированы одним глаголом. Сравним следующие примеры:

Ба ӯамаи ин суолҳои вай ӯавобҳои пухта ва қаноатбахшӣ меод ва ӯар тӯе, мавриде маросиме, к и бо иштироки вай мегузаиш, бо тартиб, бамаъни ва камхарӣ мешуд ва бе исроф мегузаиш. – На все вопросы Дилором давала обстоятельный ответ, каждый праздник, обряд, проведенные с ее помощью, проходили как полагается, прилично и без лишних трат.

ӯамин тавр, ӯарчанд сахт бошад ӯам, рӯз мегузаиш ва Истад аз боғбон хеле хурсанд ва миннатдор буд. – Так шли дни, и, хоть нелегко приходилось, Истад все же был доволен и признателен Рузибаю. (проходили – шли → мегузаиш)

Бинобар он дар муддати як сола хизматаш, вай чандин бор бойро аз хонаи Рӯзибой ӯай кард... – Несколько раз в первый год работы у бая он гонял хозяина из сторожки Рузибая.

...ба кўча баромада, қиморбозҳоро то ба худи сари растаи дарвозаи Қароқўл ӯай кард – Потом она пустилась следом за картежниками и гнала их до торговых рядов у Каракульских ворот. (гонял – гнала → ӯай кард)

Анализ фактического материала свидетельствует о том, что таджикские глаголы движения, называя действие, не разграничивают направленность и кратность движения. Исключение составляют глаголы **рафтан** – **омадан**, **бурдан** – **овардан**, в семантике которых заключена идея направленности движения: **рафтан** (*идти*) и **бурдан** (*нести*) выражают

значение «двигаться в сторону от говорящего», **омадан** (приходить) и **овардан** (приносить) – «двигаться в сторону говорящего».

Однонаправленность русских глаголов движения можно передать на таджикский язык несколькими способами.

1. С помощью различных элементов контекста (например, сочетанием предлога с существительным или выражающими движение обстоятельственными словами):

Барои ӯро ба зери дасти худ гирифта кор фармудан, бойъо ва устокоръои бисёре тараддуд кардаанд..., вале вай ба хизмати онъо нарафтааст. – Многие баи стремились завербовать его, обещали ему деньги и другие блага, лишь бы он работал на них. Но он не шел к ним:

Баъд камтир ба Фирӯза гуфт, ки ба мактаб равад, аз вай парво накунад. – Потом Дилором сказала внучке, чтобы та шла в школу и не беспокоилась о ней.

В приведённых примерах значение однонаправленности действия передано синтаксическим элементом *ба хизмати* и *ба мактаб* в сочетании с глаголами движения *нарафтааст* и *равад*.

В связи с этим необходимо отметить, что в таджикском языке значимым критерием экспликации однонаправленности движения являются контекстуальные средства со значением направленности движения, тогда как самому глаголу предоставляется роль лишь номинации действия. В других контекстах в окружении иных единиц данные глаголы могут выражать и разнонаправленность движения.

Гуруснагӣ ва фалокат дар гирди хонаи мо мегашит. Дар кӯчаъои кишлоқ аъвал аспакӣ метохт. – Беда бродила вокруг нашего дома, смерть на коне мчалась по улицам кишлака... Здесь глаголы **гаштан** (бродить-брести) и **тохтан** (бежать-мчаться) в сочетании с обстоятельственными словами **дар гирди хона** (вокруг дома) и **дар кӯчаъо** (по улицам) используются в значении разнонаправленного движения.

2. Другой способ выражения семантики однонаправленности глаголов движения заключается в использовании указанных ранее глаголов **рафтан** (идти), **бурдан** (нести) (двигаться в сторону от центра) – **омадан** (приходить), **овардан** (приносить) (двигаться в сторону к центру), как в качестве самостоятельных глаголов, так и в роли глагольных компонентов. В них заложен признак «направление движения», поэтому, выступая в роли вспомогательных глаголов с конкретными дополнительными компонентами (помимо основного), указывают и на направление движения (*омадан* «прийти», *рафтан* «уйти»; *хазида омадан* «приползти», *парида рафтан* «улететь» и т. д.).

– *Агар нӯшдору меовардӣ, ман мегуфтам, ки бале! – гуфта монд Элмурод.* – Лучшие бы ты привез хорошее лекарство, – заметил Эльмурад (овардан – привезти).

Ин пагоъ ӯамин, ки Бибизағора омад, оими хурдӣ давида пешвоз гирифтун ӯро ба хонааш бурданӣ шуд. – А когда Бибизагора пришла утром, младшая хозяйка выбежала ей навстречу и хотела увести ее к себе в комнату (бурданӣ – увести).

Вақти намози аср буд, ки ба сари вай, ба сари Истади маъруъ ва бемадор як зане омад. – В час послепоуденной молитвы к измученному Истаду подошла одна женщина. (омад – подошла)

Боз камтар шинем, замини харбуза об хӯрда мешавад, баъд ба хона меравем. – Еще немножко посидим, пусть наши посадки еще попьют водички – и пойдём домой... (меравем-пойдем)

В приведённых ниже предложениях идея однонаправленности передаётся сложно-деепричастными глаголами, то есть сложными глагольными образованиями, состоящими из двух глаголов, первый из которых ставится в форме деепричастия прошедшего времени, а второй – в спрягаемой: *оварда буданд, гирифта бурданд, гирифта бурд, давида омаданд, давида рафта биёр.*

Аз тарафи кудоно лаълию дастурхон оварда буданд, шумо набудед, гашта гирифта бурданд. – Сваты прислали поднос, а вас не было, они обратно унесли.

Сӯфӣ кампирро гирифта ба хонааш бурд. – Муэдзин увел старуху к себе.

Овози доду фарёди бойро шунида Чӯра-Каровулбегӣ ва сарбозно давида омаданд. – На крик прибежали Джура-караулбеги с солдатами...

– Ёй Истад, давида рафта кӯрпача биёр! – Эй, Истад, беги-ка принеси курпачу.

Как можно наблюдать, в приведённых примерах признак направленности движения к говорящему или от него заключается в самой семантике таджикского глагола, а использование дополнительных компонентов контекста способствует конкретизации исходного или начального пункта движения.

3. Третьим и наиболее распространённым способом передачи значения однонаправленности в таджикском языке является использование глаголов – главным образом, приставочных, которые обозначают определённое направление движения. К ним можно отнести такие глаголы, как **гузаштан** (проходить), обозначающий «движение мимо кого-либо, чего-либо», **бозгаштан, баргаштан** (возвращаться), обозначающий «движение в обратную сторону», **фуромадан** (спускаться), **фуровардан** (спускать), несущих в себе семантику «движение сверху вниз»; **баромадан** (выходить и подниматься вверх) со значением «движение наружу или вверх»; **даровардан** (вносить), обозначающий «движение вовнутрь». Данные значения они выражают как в качестве самостоятельных глаголов, так и в функции вспомогательных.

Кампир ва духтар ӯавли тангро гузашта, ба хонаи бедахлезе дохил шуданд. – Старуха с девочкой, **пройдя** дворик, вошли в комнату.

Ҳамон рӯз кампир нав аз кадом тӯе баргашта омада, чой нӯшида менишаст. – Старуха Дилором только что вернулась с какого-то тоя и пила чай.

*Нињоят, Истад ва Рӯзибой, ки дар назди хонаи худ, бари сабзањо сӯњбат карда менишастанд, якбора фањмида монданд, ...ки бой аз суфа **фуромада**, ба сӯи онњо меояд.* – Вдруг Рузибай и Истад, сидевшие возле сторожки, услышали шум, громкий разговор и споры и увидели, что бай **спустился** с суфы и идет к ним.

*Як ваќт асп истоду оќсаќол аз асп **фуромад**, маро ӯам ба поён **фуровард**.* – Я опомнилась, когда лошадь остановилась, аксакал **слез** сам и **снял** меня с лошади.

*Баъд оина **дароварданду** рӯ ба рӯи келину домод ниғањ доштанд.* – **Принесли** зеркало и, просунув его за полог, поднесли к лицу жениха и невесты.

Контекстуальным окружением дополняются все остальные семантические признаки, которые можно включить в разряд дифференциальных и потенциальных.

Рассмотрим в сопоставлении дифференциацию глаголов движения по признаку «средство передвижения» в русском и таджикском языках.

Анализ большого фактического материала позволил выявить и другие особенности употребления таджикских глаголов движения в пространстве. Так, специфика

функционирования данных глаголов заключается в отсутствии семантической дифференциации средства перемещения – на воздушном, наземном или водном транспорте, пешим ходом, с опорой, рядом, в руках и прочих. Другими словами, в глаголе типа **овардан** отсутствует семантическая граница между лексемами *приводить, привозить, приносить*. Так, глагол движения **рафтан** может передавать значения таких русских глаголов, как *ехать – ездить, летать – лететь, плыть – плавать, идти – ходить*, а способ передвижения и среда передвижения в таджикском языке обозначаются дополнительными лексическими средствами. То есть предположить, о каком именно средстве передвижения идёт речь можно только контекстуально при переводе на русский язык. В таджикском языке нет необходимости в разграничении значения по способу передвижения, поскольку основным является идея доставки, а не её способ, сравните:

*Машикоб дарвозаро пушониду рост ба сӯи ӯавлии оқсақоли гузар **рафт**. – Водонос закрыл ворота и **пошел** к аксакалу квартала.*

*Хабари марги бойро шунида, ӯама ба шаър **рафт**ем. – Узнав о смерти бая, все **поехали** в город.*

Несмотря на то, что в таджикском языке признак «среда» не всегда определяется глаголами движения и в текстах отсутствуют какие-либо показатели, определяющие среду передвижения, существуют непроезжие и сложно-именные глаголы, выступающие полными эквивалентами русских глаголов *летать и плыть – паридан, парвоз кардан и шино кардан*. При использовании данных лексем возможна дифференциация глаголов движения по признаку «среда».

*Желтые кувшинки плавали в стоячей воде [Шолохов, Они сражались за Родину] – Гульӯои зарди нилуфар дар рӯи оби ором **шино мекарданд**. Черепаха **ползет (ползает)** по траве. – Сангпушт ба болои алафхо **хазид**а истодааст.*

Для более точной передачи смысловой нагрузки в некоторых случаях возможно лексическое варьирование в рамках семного набора лексемы **овардан**, то есть для той или иной семы находится русская лексема, являющаяся дифференцирующим эквивалентом со стороны русского языка.

Как было отмечено ранее, ЛСГ глаголов движения в русском языке, объединяет глаголы с общей архисемой «перемещение». Вместе с тем, каждому глаголу рассматриваемой группы свойственно наличие определённого набора сем, характеризующих способ перемещения.

К примеру, передвигаться на транспорте, по воздуху, по земле, быстро, медленно, легко, с трудом, пешком: *идти, брести, бежать, тащить, мчаться* и т. п.

Подобная дифференциация глаголов движения, то есть разграничение по признаку «способ», в таджикском языке невозможна.

Признак способа передвижения определяется составными глаголами, в которых основная часть может быть представлена какменной частью – существительным, прилагательным, наречием, так и глагольной – причастием и деепричастием. Например: *Духтарро **кашон-кашон** ба ӯавлии дарун **бурданд**, модари нимбеъуширо ба кӯча **бароварда партофтанд**. – Девушку **утащили** во двор, мать почти в обмороке **бросили** на улице.*

Заключение

В нашей статье за основу взято мнение авторов «Русской грамматики 80», насчитывающих 18 пар указанных глаголов [Русская грамматика, 1980]. На основе бытующих на сегодняшний день точек зрения относительно дифференцирующих признаков глаголов движения нами выделены для рассмотрения следующие семантические признаки: однонаправленность / разнонаправленность, кратность / не кратность, совместность / несовместность, а также скорость, способ, среда, средство передвижения. Следует отметить, что для русских глаголов движения присущи все перечисленные дифференциальные признаки. Дифференциальными признаками глаголов движения в таджикском языке являются признаки «скорость движения» и «совместность движения». По признаку «скорость движения»: *быстро – давидан, тохтан; нормально – омадан, рафтан; медленно – гаштан, хазидан*. По признаку «совместность движения»: **бурдан, овардан, кашондан** (*везти – возить, вести – водить, нести – носить, тащить – таскать*).

Однако дифференцирующие признаки русских глаголов движения, характеризующие направленность, кратность, способ и среду передвижения, не свойственны таджикским глаголам.

Анализ фактического материала свидетельствует о том, что таджикские глаголы движения, называя действие, не разграничивают направленность и кратность движения. Исключение составляют глаголы **рафтан – омадан, бурдан – овардан**, в семантике которых заключена идея направленности движения. В иных случаях идея однонаправленности передаётся другими способами:

1) сложно-деепричастными глаголами, то есть сложными глагольными образованиями, состоящими из двух глаголов, первый из которых ставится в форме деепричастия прошедшего времени, а второй – в спрягаемой форме: **оварда буданд, гирифта бурданд, гирифта бурд, давида омаданд, давида рафта биёр**.

2) приставочными глаголами, обозначающими определенное направление движения: **бозгаштан, баргаштан** (возвращаться), **фуромадан** (спускаться), **фурувардан** (спускаться), **баромадан** (выходить и подниматься вверх), **даровардан** (вносить). Данные значения они выражают как в качестве самостоятельных глаголов, так и в функции вспомогательных.

Признак «способ передвижения» определяется составными глаголами, в которых основная часть может быть представлена как именной частью – существительным, прилагательным, наречием, так и глагольной – причастием и деепричастием: *кашон-кашон бурдан – тащить, тохта омадан – прибежать, хазида омадан – приползать, шинокунон даромадан – плыть*.

Специфика функционирования таджикских глаголов движения заключается в отсутствии семантической дифференциации **средства** и **среды** перемещения. Так, предложение *Вай ба хонааш рафт* имеет несколько вариантов соответствия в русском языке, а именно: *Он уехал на транспорте (улетел на самолете, ушёл пешком, уплыл на лодке) домой*.

Список литературы

1. Азизова М. Э. Приставочные глаголы русского языка в сопоставлении с таджикским (структурно-семантический аспект). Дисс. ... д. филол. н. Душанбе, 2014. 389 с.
2. Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой. Том 1. Москва: Наука, 1980. 784 с.

3. Ибрагимов С. Русские глаголы движения и их таджикские соответствия. Душанбе: Дониш, 1990. 128 с.
4. Каримова Н. И. Лексико-семантическая классификация некоторых глаголов в русском и таджикском языках в сопоставительном плане. Дисс. ... к. филол. н. Душанбе, 2006. 218 с.
5. Нагзибекова М. Б., Шарипова С. С. Семантика, валентность и передача русских глаголов движения с приставкой под- (подо-) на таджикский язык // Евразийский гуманитарный журнал. 2019, № 2. С. 35–41.

Источники

1. Джалол Икрами. Дочь огня. URL: <https://www.livelib.ru> (дата обращения: 19.02.2020).
2. Икромчи Ч. Духтари оташ (роман). Душанбе: Адиб, 2014. 560 с.
3. Русско-таджикский словарь / Под ред. М. С. Асимова. Москва: 1985. 1280 с.
4. Шолохов М. Тихий Дон. В 2-х т. Москва: Дрофа; Вече. 2002.
5. Шолохов М. Дони ором / Пер. Э. Муллокандова. Душанбе: Адиб, 1975.

Nagzibekova M. B.

*Grand Ph.D. (Philology), Professor,
Department of Translation and Intercultural Communication,
Tajik National University*

Sharipova S. S.

*Senior Lecturer, Department of General Linguistics and Comparative Typology,
Tajik National University*

COMPARATIVE ANALYSIS OF VERBS OF MOVEMENT IN TAJIK AND RUSSIAN LANGUAGES

The functional potential, structural and semantic characteristics of the units of the lexical and semantic group of the verbs of movement in the Tajik language movement are poorly studied in the aspect of comparative features. A comparative analysis of prefixed verbs of movement in the Russian and Tajik languages contributes to a deeper penetration into the essence of the category of space. The revealed differential semantic features, as well as the rules of correspondence of Russian prefixed verbs of movement and their Tajik equivalents can serve as the basis for further research in this direction. The article attempts to comprehensively compare the prefixed verbs of movement of the Russian language and their correspondences in Tajik; differentiating semantic features of verbs of movement are revealed during the explication of the process of movement in Russian and Tajik; rules for the correspondence of Russian prefixed verbs of movement and their Tajik equivalents are developed and formulated. Based on the current points of view regarding the differentiating features of verbs of motion, we have identified the following semantic features for consideration: unidirectionality / multidirectionality, multiplicity / non-repetition, compatibility / incompatibility, as well as speed, method, environment, vehicle. It should be noted that for the Russian verbs of movement, all of the listed differential features are inherent. Differential characteristics of the verbs of movement in the Tajik language are the characteristics "speed of movement" and "compatibility of movement."

Key words: verbs of motion, prefixes, Russian, Tajik language, juxtaposition, semantic attributes, equivalents.

УДК 811.111

Назаренко Елена Николаевна

Старший преподаватель кафедры германской филологии

факультета иностранных языков,

Донецкий национальный университет

83000, г. Донецк, ул. Университетская, 24

Тел.: +380 623020924

E-mail: o.boii@yandex.ua

**СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА ПРОИЗВОДНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ
В СРЕДНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКИЙ ПЕРИОД
(НА МАТЕРИАЛЕ СУФФИКСАЛЬНЫХ ДЕРИВАТОВ)**

В статье рассматривается проблема семантико-словообразовательного потенциала средневерхненемецких (свн) лексических единиц в сфере имени прилагательного, а именно выявление и описание структурно-семантических особенностей суффиксальных адъективных лексем на материале трехтомного «Словаря средневерхненемецкого языка» («Mittelhochdeutsches Handwörterbuch»). Недостаточная изученность средневерхненемецкого периода (1050–1350) – важной эпохи в становлении всей словообразовательной системы немецкого языка – дает основание для всестороннего анализа. Наиболее актуальным направлением исследований в области словообразования является изучение словообразовательной семантики. Вопрос о создании наиболее полной картины существующих на данном хронологическом срезе словообразовательных и семантических возможностей имен прилагательных является очень актуальным. Лексикографический материал не даёт исчерпывающей информации обо всём множестве производных прилагательных в средневерхненемецком языке, однако, отобранный корпус единиц довольно репрезентативен и может считаться надёжным для решения поставленных задач. Работа интересна тем, что предоставляет возможность заглянуть в историческое прошлое современного немецкого языка, углубиться в этимологию имен прилагательных, что приведет к более осмысленному восприятию семантики и словообразовательных механизмов создания словарных единиц. Практическая ценность исследования заключается в том, что его результаты, а именно описание конкретного лексического материала, его анализ и представление в таблицах и формулах могут быть использованы в изучении курса истории немецкого языка, лексикологии, различных спецкурсов по словообразованию и семантике, а также в сравнительном плане в дальнейших научных исследованиях по данной проблематике.

Ключевые слова: хронологический срез, семантика, производные слова, суффиксация, имена прилагательные, средневерхненемецкий период, значение.

Введение

Первые обобщения относительно системы имени прилагательного немецкого языка в средневерхненемецкий (далее – свн.) период были сделаны автором статьи ещё в 1998 г. [Назаренко, 1998, с. 85–94] в результате участия в совместном научном проекте кафедры немецкого языка Донецкого государственного университета и учёных Рурского университета (ФРГ, г. Бохум). В данной статье речь пойдёт о количественных, структурных и семантических особенностях производных адъективных лексических единиц в синхроническом аспекте.

Системно-структурный подход к изучению природы значений лексических единиц любого языка позволяет «... получить наиболее адекватную ретроспективную интерпретацию происхождения, динамики избранного материала, объяснить принципы функционирования, внутреннего строения, мотивации на современном этапе в плане синхронии, выявить релевантную картину путей развития» [Комина, 1991, с. 17].

Наиболее актуальным направлением исследований в области словообразования является изучение словообразовательной семантики. Имя прилагательное, как знаменательная часть речи, уже неоднократно подвергалась анализу в научной литературе по лингвистике (например, работы: [Zutt, 1977; Kühnhold, Wellmann, 1978; Erben, 1983; Fleischer, 1983; Wegera, 2000 и т. д.]). Отдельные аспекты этой проблемы рассматривались в ряде работ как отечественных, так и зарубежных авторов (например: [Henzen, 1965; Paul, 1982; Саванкова, 2004]).

Однако недостаточная изученность средневерхненемецкого периода (1050–1350) – важной эпохи в становлении всей словообразовательной системы немецкого языка [Калиущенко, 1996, с. 15] – даёт основание для её всестороннего анализа. Некоторые исследователи продлевают этот временной период вплоть до 1500 г., поэтому следует говорить даже о расширении анализируемого временного пространства, а значит, и фактического материала. Эта эпоха характеризуется возникновением единой нормы в языке, а также множеством радикальных перемен в фонологическом и морфологическом строении словарных единиц, что требует тщательного практического анализа. Лексикографический материал не даёт исчерпывающей информации обо всём множестве производных прилагательных в средневерхненемецком языке, однако, отобранный корпус единиц достаточно репрезентативен и может считаться надёжным для решения поставленных задач.

Вопрос о создании наиболее полной картины существующих на данном хронологическом срезе словообразовательных и семантических возможностей имён прилагательных является весьма актуальным. Значение настоящей работы заключается в том, что в ней обобщаются взгляды ведущих ученых на проблему семантико-словообразовательного потенциала адъективных лексических единиц средневерхненемецкого периода. Исследование валентностных свойств их производящих основ позволяет представить словообразовательную структуру этих прилагательных в виде упорядоченных деривационных парадигм, формируемых основами субстантивов и адъективов, а адекватное описание словообразовательных значений производных прилагательных невозможно без знания их смысловой структуры. Она же, в свою очередь, определяется двумя взаимосвязанными величинами – источником деривации и преобразующей его в необходимом направлении формальной операцией. Применение диахронного подхода позволяет представить становление и развитие структуры прилагательных исследуемого периода.

Основная часть

Целью данной работы является выявление и описание структурно-семантических особенностей суффиксальных адъективных лексем на материале трехтомного «Словаря средневерхненемецкого языка» («Mittelhochdeutsches Handwörterbuch») М. Лексера [Lexher, 1974, S. 1–245]. Толкование семантики исследуемых единиц предполагает оригинальную орфографию, в частности, написание мотивирующих основ – имён существительных – со строчной буквы, а также с латинскими дефинициями. Для уточнения объекта исследования привлекался также этимологический словарь Ф. Клуге [Kluge, 1995, S. 20–921], универсальный словарь Дудена [Drosdowski, 1996, S. 1–816], словарь Г. Варига [Wahrig, 2000, S. 1–1451] и другие.

В работе выделяются семантические группы прилагательных средневерхненемецкого языка в зависимости от их производящей основы и значения самого прилагательного, а деривационный суффикс именуется соответственно, как *-in¹*, *-in²*, *-in³*, *-aht¹*, *-aht²*, *-aht³*, *-isch¹*, *-isch²*, *-isch³* и т. д. Порядковый номер обозначает количество адъективных лексем, которые образованы с помощью данного суффикса и входят в семантическую группу по убыванию. Установление семантических групп производится на основе определения характера мотивационных отношений между исходным и производным словами в «формуле толкования» (в дальнейшем ФТ) [Kaliuščenko, 1986, S. 36], где мотивирующее слово обозначается на основе его частеречной принадлежности как S (субстантив) или как A (адъектив).

«Суффиксация является наиболее продуктивным способом словообразования прилагательных в немецком языке на всем протяжении его истории» [Степанова, Фляйшер, 1984, с. 128] По формальному признаку суффиксы прилагательных могут быть подразделены на 2 группы:

а) суффиксы, которые уже с древневерхненемецкого периода самостоятельно не употребляются (*-în*, *-aht*, *-ec*, *-isch* и варианты);

б) суффиксы, образовавшиеся из вторых компонентов сложных слов, омонимы которых функционируют в средневерхненемецком языке как свободные морфемы (*-lich*, *-haft*, *-sam*, *-baere* и варианты).

Суффиксы *-în*, *-aht*, *-ec*, *-isch* и варианты следует считать так называемыми «чистыми» суффиксами [Шелест, 1990, с. 24] уже в средневерхненемецкий период по ряду причин:

- 1) полный семантический отрыв от значений исходных лексем, иначе говоря, омонимии с основами самостоятельно существующих морфем и приобретение абстрактного значения;
- 2) «связанное» употребление и позиционная закреплённость;
- 3) определенная ограниченность в дистрибуции;
- 4) высокая продуктивность / серийность [Степанова, 1953, с. 143].

Многовариантность суффиксов связана с определёнными фонеморфологическими ограничениями, такими как редукция с последующим выпадением гласных и начинающимся в связи с этим переходом от трехморфемной структуры слова к двухморфемной, опрощением основ, фонологизацией умлаута, чередованием гласных и согласных. Следует отметить, что в силу подобных причин варьируются также производящие основы, о чём свидетельствует следующий пример: *birîn* 'ursinus' 'из груш', 'грушевый' ← *bir*, *bire* 'груша'

+ *-in*. Таким образом, становится очевидной сложность объекта исследования, так как характер значений у производных слов по сравнению с простыми во многом специфичен.

«Семантика производного слова представляет собой один из компонентов словообразовательного механизма, связанного с разными отношениями. Описание словообразовательной структуры производного слова предполагает установление его связи с производящей (мотивирующей) единицей и только через ее логико-семантическое содержание с неязыковым явлением, которое это производное называет» [Уфимцева, 1974, с. 68].

«Производное слово вовлекается в оппозицию к первичному (синхронно непроизводному слову), поскольку оно опосредовано самой действительностью и на ней замыкается» [Янценецкая, 1991, с. 33]. Будучи членимыми структурами, адекватные дериваты могут изучаться по крайней мере в двух аспектах:

- 1) качественная и количественная характеристики словообразовательных формантов;
- 2) частеречная принадлежность и семантическое содержание производящих основ.

Исследование производных прилагательных проводилось с учётом прямых (основных) значений, сохраняющих мотивационные отношения с исходными именами существительными и прилагательными, то есть таких значений, которые определяются не контекстом, а парадигматически и синтагматически, в то время как остальные – частные – значения прибавляют к элементам главного ещё и элементы контекста [Курилович, 1962, с. 134].

В свою очередь каждый суффикс обладает своей собственной семантикой, которая может быть как яркой, чётко выраженной, так и совсем неясной, «размытой». На это непосредственным образом влияет характер основы, к которой он присоединяется, то есть «... семантическая сторона словообразовательных элементов предполагает их избирательность на тот или иной вид основ» [Шелест, 1990, с. 146]/ Значит, правомерно говорить о валентности суффиксов, то есть об их способности сочетаться с различными производящими основами (внутренняя) и с присоединяемыми к ним другими суффиксами (внешняя), если иметь в виду, что словообразовательные морфемы взаимодействуют друг с другом и производящими основами, как своими формами, так и содержанием. В ходе исследования необходимо, однако, исходить из тезиса о неравноценности семантических потенциалов мотивирующих основ и суффиксов [Архипов, 1990, с. 54].

1. Мотивирующие основы – нарицательные единицы. Степень самостоятельности значений некоторых из них, вне зависимости от контекста столь велика, что они могут быть эксплицированы отенсивно, то есть с помощью указания на соответствующий предмет. Содержание любого суффикса всегда зависело и выводилось, прежде всего, в связи со значениями мотивирующих основ.

2. Коммуникативная значимость основ и суффиксов также неравноценна. Это подтверждается данными, свидетельствующими о том, что значения многих суффиксов, входящих в состав производных слов (ПС) дублируются иными языковыми средствами.

3. Нельзя также сбрасывать со счетов ведущую роль лексико-грамматических, генетических и структурных свойств мотивирующих основ в феномене продуктивности и активности словообразовательных моделей, которая была продемонстрирована в работах Т. М. Беляевой [Беляева, 1979, с. 25] и т. д.

В полисемии основ реализуются возможности теоретически бесконечного развития номинативных значений, соответствующего бесконечности форм, отражающейся в них материи. Им противостоят форманты, значения которых, напротив, предназначены для сведения разнообразных лексических значений основ к легко усваиваемому и непротиворечивому ряду грамматических и / или лексических категорий.

Вопрос о производящих (мотивирующих) основах тесно связан с понятием корневой морфемы, критериями которой являются:

1) возможность создать с ее помощью – без словообразующего аффикса – базу для самостоятельно функционирующей лексической единицы – слова;

2) отсутствие мотивированности, обоснованное закономерной связью с какой-либо производящей основой [Степанова, 1953, с. 78].

В отличие от словообразовательных формантов, корневые морфемы представляют собой «открытый» класс, в том смысле, что полная регистрация их фактически невозможна из-за огромного количества и многообразия употребления, о чем упоминалось выше.

Объектом анализа данного исследования послужили средневерхненемецкие отсубстантивные и отадективные производные прилагательные, образованные с помощью различных суффиксов по типу «исходное слово + деривационный суффикс ← производный адектив», а именно:

1) с суффиксом *-în* и вариантов *-en*, *-erîn*, *-elîn* в количестве 136 единиц, например *arrazîn* 'von arraz' 'из легкой шерстяной ткани', *beinîn* 'von knochen' 'изготовленный из кости', *birkîn* 'von der birke' 'из березы, березовый'; *kembelîn* 'vom kamele gefertigt' 'изготовленный из верблюжьей шерсти', *nüzzelîn* 'von nuz, nütze gefertigt' 'изготовленный из орехов', *tüechîn* 'vom tuoch gefertigt' 'изготовленный из сукна, суконный', *viurîn* 'aus feuer bestehend, feurig' 'из огня, огненный', *swëbelîn* 'sulfureus' 'серный, сернистый'; *wifelîn* 'aus frauen bestehend, frauen gehörend', '[состоящий] из женщин, принадлежащий женщинам', *tiuvelîn* 'vom teufel abstammend' '[про] исходящий от дьявола';

2) с суффиксом *-aht* и вариантов *-oht*, *-eht*, *-ëht*, *-lot*, *-loht*, *-lëht*, *-at*, *-ot* в количестве 117 единиц, например *sëwëht* 'seeig, seeartig' 'озерный, как озеро'; *bartloht* 'bärtig, bart habend, mit bart versehen' 'усатый, бородатый, с усами, с бородой', *ôreht* 'mit ohren versehen' 'с ушами' *sprinkelëht* 'mit flecken; gefleckt, gesprenkelt' 'в пятнах; в крапинку, рябой', *locherëht* 'mit löchern versehen' 'с отверстиями, с дырками; дырявый, продырявленный', *phlasteroht* 'pflastrot, gepflastert' 'заклеенный пластырем, зацементированный';

3) с суффиксом *-isch* и вариантов *-arisch*, *-erisch* в количестве 112 единиц, например *keiserisch* 'kaiserlich, des Kaisers' 'кайзеровский', 'императорский', 'принадлежащий кайзеру'; *troianisch* 'trojanisch, aus Troja' 'из Трои' 'троянский'; *priuzisch* 'preussisch, aus Preusse' 'пруссский'; *bernîsch* 'von Berne, Verona' 'веронский'; *schelmîsch* 'mit pest ergreifend' 'зачумленный'; *türmîsch* 'schwindelig, von schwindel erfassend' 'головокружительный'.

Полученные данные по прилагательным средневерхненемецкого периода с суффиксом *-aht* могут быть сведены в следующую таблицу (табл. 1).

Таблица 1. Семантика производных прилагательных с суффиксом *-aht* в средневерхненемецком языке

№	Семантика производных прилагательных	Мотивирующая основа	Деривационный суффикс и варианты	Кол-во производных лексем	
				Абс.	%
1	«содержащий, имеющий S; оснащенный S»	субстантив	<i>-aht¹</i>	54	46,4
2	«такой же, как S; подобный S»	субстантив	<i>-aht²</i>	46	39,2
3	«быть немного A»	адъектив	<i>-aht³</i>	10	8,5
4	«быть A»	адъектив	<i>-aht⁴</i>	7	5,9
Итого				117	100

Из данных таблицы видно, что наибольшее количество прилагательных с суффиксом *-aht* и вариантами образуется от основ имен существительных разнообразной семантики, приобретая при этом значения обладания тем, что названо мотивирующим словом. Всего 54 лексем (46,4 %). Прилагательные с суффиксом *-aht* и вариантами образуются также от основ имен существительных широкой семантики получая при этом значения подобия тому, что названо мотивирующей основой. Таких единиц насчитывается 46, что составляет 39,2 %. В качестве мотивирующей основы выступают также сами прилагательные различного характера, к которым присоединяется этот суффикс придавая производным лексемам значения наличия признака в ослабленной форме. В целом их число достигает 10 словарных единиц (8,5 %). Были зафиксированы также случаи, а именно 7 слов (5,9 %), когда производные прилагательные с суффиксом *-aht* и вариантами полностью совпадали по своей семантике с мотивирующими основами.

Кроме того, суффикс *-aht* и варианты присоединяется к основам прилагательных, имеющих разнообразные характеристики без изменения семантики нового адъективного деривата, который может быть представлен в виде формулы «*dasselbe, was A*» «быть таким, что и A», где A обозначает мотивирующее имя прилагательное. Именно в таких случаях имеет место явление так называемого «лишнего суффикса», например: *tunkelëht* 'dunkel, trübe' 'темный, мрачный, пасмурный' ← 'tunkel, dunkel' 'темный, мрачный, пасмурный' + *-ëht*; *wesëht* 'was, wasse, wesse' 'schneidend, scharf' 'режущий, острый' ← was, wasse, wesse' 'schneidend, scharf' 'режущий, острый' + *-ëht*; *salbehtic* 'unctuosus, salbeching' 'натертый мазью / маслом, пропитанный жиром' ← *salbeht* 'selbechting' 'покрытый мазью / маслом, умащенный' + *-ic*; *stumpfëht* 'verstümmelt, abgestutzt, stumpf' 'изуродованный, изувеченный, подрезанный' ← stumpf 'verstümmelt, abgestutzt, stumpf' 'изуродованный, изувеченный, подрезанный' + *-ëht*. В подобных случаях речь идет не о семантической дифференциации между производящей базой и производным прилагательным, а о так называемом явлении “лишних” суффиксов, которые в терминологии известных, немецких лингвистов В. Фляйшера и И. Барц именуется «weglaßbare Suffixe» [Erben, 1993, S. 21]. Суть этого явления заключается в том, что какой-либо адъективный суффикс, соединяясь либо с корневым,

либо с производным прилагательным, образует новый дериват из состава вновь созданной адъективной единицы без изменения её семантического наполнения. Вышеописанное явление некоторые исследователи именуют «словообразовательной конкуренцией» [Мейеров, 1985, с. 35].

Г. Цутт замечает, в частности, что «...ещё сильнее, чем у производных субстантивов конкурируют различные суффиксы при адъективах..., поэтому следует проверить, возникло ли это многообразие из-за диалектного употребления или специфического территориального» [Zutt, 1985, S. 76].

Полученные данные по *свн.* прилагательным суффиксом *-in* могут быть сведены в следующую таблицу (табл. 2).

Таблица 2. Семантика производных прилагательных с суффиксом *-in* в средневерхненемецком языке

№	Семантика производных прилагательных	Мотивирующая основа	Деривационный суффикс и варианты	Кол-во производных лексем	
				Абс.	%
1	«[изготовленный, состоящий] из S»	субстантив	<i>-in¹</i>	129	95,5
2	«[состоящий] из S принадлежащий S»	субстантив	<i>-in²</i>	6	4,5
Итого				136	100

При подведении итогов следует констатировать, что наибольшее количество прилагательных с суффиксом *-in* и вариантами образуется от основ одушевленных и неодушевленных вещественных существительных, приобретая при этом значения «изготовленности» из того, что названо мотивирующим словом. Всего 129 лексем или 95,5 %. Прилагательные с суффиксом *-in* и вариантами образуются от основ одушевленных имен существительных разнообразной семантики, получая при этом значения принадлежности тому, что названо мотивирующей основой. Таких единиц насчитывается 6, что составляет 4,5 %.

Полученные данные по прилагательным с суффиксом *-isch* могут быть сведены в следующую таблицу (табл. 3).

Таблица 3. Семантика производных прилагательных с суффиксом *-isch* в средневерхненемецком языке

№	Семантика производных прилагательных	Мотивирующая основа	Деривационный суффикс и варианты	Кол-во производных лексем	
				Абс	%
1	"подобный (тому, что обозначено исходным словом) S "	субстантив	<i>-isch¹</i>	16	14,2
2	"принадлежащий / относящийся к (тому, что обозначено исходным словом) S "	субстантив	<i>-isch²</i>	10	9

№	Семантика производных прилагательных	Мотивирующая основа	Деривационный суффикс и варианты	Кол-во производных лексем	
				Абс	%
3	"относящийся / принадлежащий (тому, что обозначено исходным словом) S " либо "происходящей из (того места, которое обозначено исходным словом) S "	субстантив	<i>-isch</i> ³	55	49,4
4	"состоящий / изготовленный из (того, что обозначено исходным словом) S "	субстантив	<i>-isch</i> ⁴	18	16
5	"испытывающий состояние (которое обозначено исходным словом) S "	субстантив	<i>-isch</i> ⁵	12	10,5
6	"находящийся / расположенный в (том месте, которое обозначено исходным словом) A "	адъектив	<i>-isch</i> ⁶	1	0,9
Итого				112	100

Относительно семантико-словообразовательных характеристик суффикса *-isch* и вариантов можно сказать, что он известен как словообразовательное средство еще с древневерхненемецкого периода и не имеет четкой семантики.

В средневерхненемецком языке с его помощью образованы 112 словарных единиц, которые в свою очередь входят в 6 семантических групп. Наибольшее количество прилагательных с этим суффиксом образовано от основ существительных, а именно 111 лексем; от основы прилагательного одна лексема. 12 лексем имеют двойственную мотивацию, что позволяет выделить их в особую группу.

Суффикс *-isch* и его варианты прибавляются к основам существительных, характеризующих состояние, склонности человека (часто с пейоративной окраской), придавая производным единицам значение подобия, соответствия. Суффикс *-isch* и варианты тяготеет также к основам существительных, обозначающих лиц, по их принадлежности к к-л. идеологии, религии, роду деятельности, положению в обществе, придавая производным единицам значение притяжательности, принадлежности. Помимо этого, суффикс *-isch* и варианты присоединяются к основам имен существительных – географических наименований, обозначений государственной или национальной принадлежности, придавая адъективным дериватам значение отнесенности, принадлежности. Суффикс *-isch* и варианты соединяется также с основами вещественных существительных, придавая при этом производным единицам значение наличия вещественного признака.

Что касается явления "двойственной мотивации", то качественный и количественный анализ прилагательных, образованных при помощи суффикса *-isch* и его вариантов позволяет утверждать, что 12 лексических единиц имеют двойное толкование, то есть более чем одну мотивирующую (производящую) основу, что составляет 2,7 % от общего количества адъективных дериватов такого рода. Они часто совпадают по основным значениям с

семантикой адъективов на *-aht* и вариантами, а в единичных случаях на *-in* и вариантами, что делает возможным выделение подобных прилагательных в особую группу среди остальных производных от основ субстантивов и адъективов.

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Самыми продуктивными типами основ при образовании изученных прилагательных стали имена существительные широкой семантики для универсальной характеристики живой и неживой природы (236 единиц или 93,3 % от общего корпуса рассмотренных лексем). На базе мотивирующей основы имени прилагательного с разнообразными значениями образовано всего 17 единиц или 6,7 % от общего числа.

2. Подавляющее число прилагательных с суффиксом *-aht* и вариантами образуется также от имен существительных (100 единиц или 85,6 %), при этом небольшая их часть образована от имен прилагательных (17 единиц или 14,4 %) (см. таблицу 1).

3. Прилагательные с суффиксом *-aht* и вариантами образуют 4 семантические группы. Наиболее продуктивными являются прилагательные, образованные от имен существительных и описываемые формулой «содержащий, имеющий S; оснащенный S» и «такой же, как S; подобный S» (100 единиц или 85,6 %). Зафиксированы также прилагательные, образованные от имен прилагательных, описываемые формулой «быть немного A» и «быть A» (см. таблицу 1).

4. В самую многочисленную группу прилагательных с суффиксом *-in* и вариантами входят лексемы, базисной основой которых являются имена существительные – 136 единиц или 100 % (см. таблицу 2).

5. Прилагательные с суффиксом *-in* и вариантами образуют 2 семантические группы. Наиболее продуктивными являются прилагательные, образованные от имен существительных и описываемые формулой «[изготовленный, состоящий] из S» и формулой «[состоящий] из S принадлежащий S» (см. таблицу 2).

6. Прилагательные с суффиксом *-aht* и вариантами в отличие от суффикса *-in* и вариантов имеют в единичных случаях то же содержание, что и корневые прилагательные, а именно 7 единиц или 5,9 % от общего количества имен прилагательных с суффиксом *-aht* и вариантами и 2,8 % от общего корпуса исследованных адъективных дериватов.

7. Большая часть прилагательных с суффиксом *-isch* и его вариантами образуется также от имен существительных (111 единиц или 85,6 %) (см. таблицу 3). Наиболее продуктивными являются прилагательные, образованные от имен существительных, которые можно описать формулой «относящийся / принадлежащий (тому, что обозначено исходным словом) S» либо «происходящей из (того места, которое обозначено исходным словом) S» (55 единиц или 49,4 %) (см. таблицу 3).

Заключение

Имена прилагательные в целом являются специфическим классом слов с наличием множества интересных фактов, затрагивающих как их словообразовательную, так и семантическую структуру. Словообразование средневерхненемецкого языка представляет собой гибкую систему взаимосвязанных явлений, поэтому большое значение имеет пристальное наблюдение за колебаниями продуктивности того или иного средства способа

словопроизводства в процессе развития языка, за изменениями словообразовательной потенции адъективной лексики, в частности.

Практическая ценность исследования заключается в том, что его результаты, а именно описание конкретного лексического материала, его анализ и представление в таблицах и формулах могут быть использованы в изучении курса истории немецкого языка, лексикологии, различных спецкурсов по словообразованию и семантике, а также в сравнительном плане в дальнейших научных исследованиях по данной проблематике.

Отличительной особенностью прилагательных, выражающих своими значениями свойства предметов, оценки их качеств людьми и т. д. является их «... непомерно широкий смысловой объем ...» [Янценецкая, 1991, с. 16], что делает исследование этой части речи трудным, но более интересным, поэтому освещение и разработка вышеставленной проблемы в сфере имени прилагательного относится к числу особо актуальных, так как понять внутренние законы, ход развития и совершенствования всего словообразовательного строя немецкого языка и адъективного словообразования, как его составляющей, невозможно без опоры на факты истории.

Таким образом, настоящая работа представляет возможность заглянуть в историческое прошлое современного немецкого языка, углубиться в этимологию имен прилагательных, что в конечном счете приведет к более осмысленному восприятию семантики и словообразовательных механизмов создания словарных единиц.

Список литературы

1. Архипов И. К. К вопросу о внутренней форме производных слов // Словосочетания, словосложение и аффиксация как способы словообразования: Сб. науч. трудов АН СССР. Владивосток, 1990. С. 23–44.
2. Беляева Т. М. Словообразовательная валентность глагольных основ в английском языке. Москва: Высшая школа, 1979. URL: <https://www.livelib.ru/book/1000825961/readers> (дата обращения: 28.12.2019)
3. Калиущенко В. Д. О состоянии изученности системы словообразования средневерхненемецкого языка. Тезисы докладов юбилейной региональной научно-методической конференции. Донецк: Изд-во «Донецкий университет», 1996. С. 179–182.
4. Комина Е. В. О способе лексико-графического описания семантических отношений в лексике: на материале русских имен прилагательных. Автореф. ... д. филол. н. Киев, 1991. 39 с.
5. Курилович Е. Заметки о значении слова // Очерки по лингвистике. Москва: Изд-во 1962. 180 с.
6. Мейеров В. Ф. Семантическая структура производного слова и ее отражение в словарях // Семантика и системность языковых единиц. Новосибирск, 1985. 234 с.
7. Назаренко Е. Н. Имена прилагательные в средневерхненемецком языке (на материале суффиксных дериватов) // Типология языковых значений в диахроническом и сопоставительном аспектах: сб. науч. трудов / Отв. ред. В. Д. Калиущенко. Донецк, 1998. Вып. 1: Словообразование в средневерхненемецком языке. С. 85–94.
8. Назаренко О. М. Середньовісньонімецькі похідні прикметники (структура та семантика) // Матеріали наукової конференції професорсько-викладацького складу, наукових співробітників і аспірантів Донецького національного університету за підсумками науково-дослідної роботи за період 2009–2010 рр. Донецьк: ДонНУ, 2010. С. 67–72.
9. Саванкова Е. В. Семантические процессы в слово- и фразеобразовании в диахронии (на материале древне- и средневерхненемецкого периодов). Автореф... к. филол. н. Москва, 2004. URL:

<http://www.dissercat.com/content/semanticheskie-protsessy-v-slovo-i-frazeoobrazovanii-v-diakhronii-na-materiale-drevne-i-sred> (дата обращения: 28.12.2019)

10. Степанова М. Д., Фляйшер В. Теоретические основы словообразования в немецком языке. Москва: Высш. шк., 1984. 265 с.

11. Степанова М. Д., Зуев А. Н. Словарь словообразовательных элементов немецкого языка. Москва: Высшая школа, 1979. 264 с.

12. Степанова М. Д. Словообразование современного немецкого языка. Москва: Издательство литературы на иностранных языках, 1953. 376 С.

13. Уфимцева А. А. Типы словесных знаков. Москва: Наука, 1974. 206 с.

14. Шелест А. В. Проблема перехода полнозначных слов в словообразовательные форманты (На материале полусуффиксов прилагательных современного немецкого языка): Автореф. ...д. филол. н. Киев, 1990. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-sostav-perehodnoy-zony-v-slovoobrazovanii-nemetskogo-yazyka> (дата обращения: 30.12.2019).

15. Янценецкая М. Н. Семантические основы словообразования. Производное слово. Томск, 1991. URL: <http://www.twirpx.com/file/1569482/>

16. Duden Deutsches Universalwörterbuch / [hrsg. u. bearb. vom Wissenschaftlichen Rat u. den Mitarbeitern der Dudenredaktion; unter der Leitung von G. Drosdowski. [3., völlig neu bearb. u. erw. Aufl.]. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1996. 1816 S.

17. Erben J. Einführung in die deutsche Wortbildungslehre / von Johannes Erben. 3., neubearb. Aufl. Berlin: E. Schmidt, 1993. 137 S.

18. Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. 5. Aufl. Leipzig: Bibliogr. Inst., 1983. 363 S.

19. Fleischer W., Barz I. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen: Max Niemeyer Verlag 1995. 381 S.

20. Henzen W. Deutsche Wortbildung. 3. Aufl. Tübingen: Niemeyer, 1965. 314 S.

21. Kaliuščenko V. D. Deutsche denominalen Verben // Studien zur deutschen Grammatik. Bd. 30. Tübingen, 1987.

22. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache / bearb. von E. Seebold.; erweiterte Aufl. Berlin; New York; Walter de Gruyter, 1995. 921 S.

23. Kühnhold I., Wellmann H. Deutsche Wortbildung. Typen und Tendenzen in der Gegenwartssprache. Das Adjektiv. Dritter Hauptteil. Düsseldorf, 1978. 536 S.

24. Lexer M. Mittelhochdeutsches Handwörterbuch. 3 Bd. Reprografischer Nachdruck der Ausgabe Leipzig 1872–1878. Stuttgart, 1974. 1735 S.

25. Paul H. Mhd. Grammatik. 5. Band. 22 durchges. Auflage (von H. Moser). Tübingen: Niemeyer, 1982. 237 S.

26. Wegera K.-P. Grundlagenprobleme einer mittelhochdeutschen Grammatik / Klaus-Peter Wegera // Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung: in 2 Teilbänden. [2., vollständig neu bearb. u. erw. Aufl.] / [hrsg. von W. Besch, A. Betten, O. Reichmann u. a.]. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2000. Tbd. 2. S. 1304–1320.

27. Wahrig, G. Deutsches Wörterbuch / Neu hrsg. von Dr. Renate Wahrig-Burfeind. Mit einem "Lexikon der deutschen Sprachlehre." Bertelsmann Lexikon Verlag, Gütersloh / München 2000. 1451 S.

28. Zutt H. Wortbildung des Mittelhochdeutschen / Herta Zutt // Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung: in 2 Halbbänden / [hrsg. von W. Besch, O. Reichmann, S. Sonderegger]. Berlin; New York : Walter de Gruyter, 1984–1985. Hbd. 2, 1985. S. 1159–1164. MIT

Nazarenko E. N.

Senior Lecturer, Chair of German Philology,
Faculty of Foreign Languages,
Donetsk National University

**STRUCTURE AND SEMANTICS OF ADJECTIVE DERIVATIVES
IN THE MIDDLE HIGH GERMAN PERIOD
(ON THE MATERIAL OF SUFFIX DERIVATIVES)**

The article discusses the problem of the semantic and word-formation potential of German adjective derivatives in the Middle High German period, namely the identification and description of structural and semantic features of suffix adjective lexemes on the material of the three-volume Dictionary of the Middle High German Language (Mittelhochdeutsches Handwörterbuch). The insufficient knowledge of the Middle High German period (1050–1350), which is an important era in the formation of the entire word-formation system of the German language, provides the basis for its comprehensive analysis. The most relevant area of research in the field of word formation is the study of word formation semantics. The lexicographic material does not provide exhaustive information about the whole set of derivative adjectives in the Middle High German language, however, the selected corpus of units is quite representative and can be considered reliable for solving the tasks. The question of creating the most complete picture of the word-forming and semantic possibilities of adjective names existing in this chronological section is very relevant. The practical value of the study lies in the fact that its results, namely the description of a specific lexical material, its analysis and presentation in tables and formulas can be used in studying the course of the history of the German language, lexicology, various special courses in word formation and semantics, as well as in comparative terms in further research on this issue. This work is interesting in that it provides an opportunity to look into the historical past of the modern German language, to delve into the etymology of adjectives, which ultimately will lead to a more meaningful perception of semantics and word-formation mechanisms for creating vocabulary units.

Key words: chronological section, semantics, derivative words, suffixation, adjectives, Middle High German period, meaning.

УДК 811.222.8

Рузиева Лола Толибовна

Доктор педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой
общего языкознания и сравнительной типологии,
Таджикский национальный университет
Республика Таджикистан, 734025, г. Душанбе, пр. Рудаки, д. 17
E-mail: akila.ru@mail.ru

**УПОТРЕБЛЕНИЕ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК
КАК НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ**

Изучение прецедентного текста-феномена в отличие от субъективно отобранных топиков имеет огромное лингвокультурное значение, в особенности для реализации общения на межкультурном уровне. По сути, это проявляется в адекватном взаимопонимании участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национально-культурным сообществам. Констатация и устойчивое применение в дискурсе пословиц и поговорок с национально-культурной окраской обосновывает возможность широкого использования прецедентных текстов-феноменов при обучении русскому языку студентов таджикоязычной аудитории в неязыковом вузе. Следует помнить, что в каждой языковой системе существует своя линия расположения лингвокультурных элементов в составе прецедентного текста и прецедентного высказывания. Поскольку лексический состав языка вступает в разные системные связи и отношения (парадигматика, синтагматика, деривация), использование словарных единиц с национально-культурным компонентом в семантике прецедентного текста-феномена предполагает серьезную работу над их восприятием и воспроизведением. Для представления русских прецедентных текстов-феноменов в таджикоязычной аудитории существует прочная лингвокультурная база, которая создает возможности для формирования умений и навыков межкультурной коммуникации. Это универсальные признаки и атрибуты жанрового своеобразия, тематики и функционирования прецедентного феномена в таджикском и русском языках. Существенную позицию в этом плане должны занимать сами носители родного языка и культуры, ибо в межкультурной коммуникации далеко не последнюю роль играют особенности менталитета коммуникантов, специфика эмоционального настроения, национальные черты когнитивно-познавательных способностей.

Ключевые слова: прецедентный текст-феномен, русский язык, лингвокультурология, межкультурная коммуникация, таджикоязычная аудитория, художественное произведение, когнитивно-познавательные способности.

Введение

В таджикском языке тексты художественных произведений содержат прецедентные феномены. Для выражения своих идей и стремлений персидско-таджикские поэты использовали газели, маснави, касыды и рубаи. В газелях говорилось о духовной любви; в

маснави излагались суфийские и нравственно-дидактические идеи; в касыдах давались наставления мудрости; в рубаи выражались чувства и ощущения. Существует множество прозаических произведений (*хикоя* – рассказ и *кисса* – легенда), отличающихся особой простотой стиля, философской глубиной и восточной назидательностью. В русском языке в фокусе внимания исследователей находится актуализация лингвокультурного кода в паремиях, котооые также могут быть рассмотрены как прецедентные тексты-феномены [Завгороднева, Шустова, 2019, с. 5–9; Розенкова, Шустова, 2017, с. 101–104]

Основная часть

В XII в. успешно развивались все жанры персидско-таджикской поэзии, за исключением героического эпоса. Хайям прославился своими рубаи, Аттар – суфийскими маснави, Анвари, Хакани, Захири Фараби, Асириддин Ахсикати, Муиззи – касыдами, таркиббандами и китъа, Низами – лиро-эпическими поэмами, Саъди Шерози – уникальными дидактическими произведениями «Гулистон» и «Бустон» на персидском (таджикском) языке.

Первым поэтом, установившим определённые законы в персидской поэзии, был Абуабдулло Рудаки. Он разработал такие поэтические формы и жанры, как *достан* (поэма), *газель*, *мадх* (ода), *мавъиза* (наставление), *марсия* (элегия). Он был талантливейшим поэтом того времени и первым, кто составил из своих стихотворений диван, включающий два тома.

Одно из самых известных стихотворений Рудаки – это марсия (элегия), написанное по случаю смерти сына одного из видных деятелей того времени. В этом стихотворении он призывает к терпению и отмечает бесполезность рыданий и тяжелых переживаний в случае потери дорогого человека; поэт использует многочисленные прецедентные имена, прецедентные высказывания и прецедентные ситуации:

*Печальный друг, достойный уваженья,
Ты, втайне льющий слезы униженья.
Ушел ушедший, и пришел пришедший,
Кто был, тот был – к чему же огорченья?
Ты хочешь сделать этот мир спокойным,
А мир желает лишь круговращения.
Не злись: ведь мир твоей не внемлет злости,
Не плачь: к слезам он полон отвращенья.
Рыдай, пока не грянет суд вселенский,
Но прошлому не будет возвращенья.*

Анализ, произведенный в русле исследуемой проблематики, показал, что в таджикском языке встречаются прецедентные тексты-феномены, представляющие собой уникальный «дидактический жанр», разнообразный по стилю и по способам выражения. К ним, прежде всего, относятся *панду хикмат* (наставление), *рубоиёт* (особый жанр в четырех строках с мудрыми изречениями), олицетворяющие ораторское искусство, величайшее красноречие с огромным количеством крылатых слов, пословиц, поговорок, слов с национально-культурным компонентом.

Обратимся к описанию жанров, включающих прецедентные тексты (устный народно-поэтический стиль; «дидактический жанр»). *Рубаи* – жанр поэзии; четверостишья, впервые появившиеся в персидской поэзии в IX в. В древнем иранском фольклоре и в арабо-персидской поэзии основной единицей строфики являлся *бейт*. Наиболее распространённой формой использования бейта является четверостишье, которое получило название *рубаи* или *дубайтихои халки* (народное двустишие), а также *тарона* – народные песни в виде рубаи. Обычно *бейт* выделяется в стихотворном произведении любого жанра и делится на два полустишья (*мисраъ* – строка) с одинаковым количеством слогов. С точки зрения смысла, *бейт* должен содержать в себе законченную мысль. Как правило, в первом бейте даётся посылка, а в третьем полустишье второго бейта – вывод, закреплённый афористической сентенцией четвертого полустишья.

Каждый из этих дидактических жанров обладает своими прецедентными феноменами. Например, назидательные стихотворные *панду хикмат* (*назидания*) состоят из цепочки нравственных наставлений. В них без определённого порядка и строгой логической последовательности приводятся сентенции, назидания, жизненные наблюдения.

*Хеч шоди нест андар ин чахон.
Бартар аз дидори рӯи дустон.
Хеч талхи нест бар дил талхтар
Аз фироки дӯстони пурхунар.*

Перевод:

*Нет в этом мире радости сильней,
Чем лицезренье близких и друзей.
Нет на земле мучительнее муки,
Чем быть с друзьями славными в разлуке (А. Рудаки).*

*Қонеъ ба як устухон чу каргас будан
Беҳ з-он ки туфайли нони нокас будан.
Бо нони ҷавини хеш, хаққо, ки хуш аст,
К-олуда ба полудаи ҳар кас будан!*

Перевод:

*Чтоб мудрым стать, мой друг, знать надобно немало,
Ты две из всех наук запомни для начала;
Голодным лучше быть, чем что попало есть
И лучше быть одним, чем вместе с кем попало (О. Хайям).*

Назидания в виде *панду хикмат* специфичны с точки зрения выражаемых прецедентных высказываний. Они представляют собой форму четверостишия или нескольких куплетов.

Самым известным и любимым литературно-дидактическим жанром является *рубоиёт* (*рубаи*) – прецедентные поэтические тексты, мудрые высказывания, произнесённые в связи с конкретными жизненными ситуациями и событиями. Первым создателем стихов в стиле

рубаи был Рудаки. Как-то во время игры он услышал рифмованные строки, произнесённые ребенком, и был настолько поражен свежестью и новизной стиха, что вскоре создал новый стиль стихосложения. Омар Хайям развил этот поэтический стиль, выявил внутренние законы слога, и, максимально используя форму рубаи, наполнил её глубинным философским смыслом. На протяжении всей жизни О. Хайям много путешествует, пишет несколько трактатов по математике, занимается наукой. Но всемирную славу ему приносят именно четверостишия, которые он сам не воспринимал всерьез. Рубаи Омара Хайяма передавали из уст в уста его ученики, последователи и просто ценители меткого слова. По разным подсчётам О. Хайяму приписывается авторство нескольких тысяч четверостиший.

*Афсус, ки сармоя зи каф берун шуд
В-аз дасти аджал баче джигархо хун шуд.
Кас н-омад аз он чахон, ки орад хабаре
Ахволи мусофирон бигуяд, чун шуд.*

*Перевод:
Жизнь уходит из рук, надвигается мгла,
Смерть ломает сердца и кромсает тела,
Возвратившихся нет из загробного мира,
У кого бы мне справиться, как там дела? (О. Хайям)*

*Или у Саъди Шерози:
Бани одам аъзои якдигаранд,
Ки дар офариниши зи як гавхаранд,
Чун узверо ба дард овард рузгор,
Дигар узвхоро намонад карор.*

*Перевод:
Все люди на свете – одной колыбели сыны,
Как части единого тела они созданы,
И если один заболевает болезнью злой,
Тотчас же должны и другие утратить покой.*

К прецедентному тексту так называемого дидактического жанра с нравственно-культурным пафосом и национальными идеалами относятся поэтико-прозаические высказывания с большим количеством использования пословиц и поговорок. Они отражают морально-нравственные постулаты, ценности материального и духовного плана в жизни таджикского народа. Поговорка (*макол*) – это просторечное, но образное выражение, связанное с мудрыми наставлениями, лаконично отражающее житейский опыт и народные назидательные традиции. В поговорках же не наблюдается нравоучение, они представляют собой остроумное или достойное насмешки слово, адресованное или высказанное по какому-либо случаю, событию и поводу. Для поговорок характерно широкое обобщение, образность, интерпретация мудрых народных высказываний в контексте конкретных жизненных реалий и ситуаций.

Содержание большинства таджикских поговорок в структуре прецедентного текста и высказывания чаще всего отражает исключительные случаи, смешные положения, высмеивание недостатков. Например: *Бедняка и на верблюде собака укусит; Бежал от грязи, попал в трясины; Бесплезно наносить узор на воду; Вели дураку принести чалму – он принесет её вместе с головой* и другие.

Поговорки прецедентного текста и прецедентного высказывания славятся не выводами и суждениями, как это происходит в пословицах, а народной образностью, что отчётливо проявляется при употреблении их в конкретном тексте-феномене.

Пословицы и поговорки таджикского языка являются эталонными и образными суждениями и умозаключениями, продуктом устного народного творчества, отражением огромного жизненного опыта народа. Проходят годы, столетия, однако их смысл, связанный с духовно-нравственными идеалами, не претерпевает изменений. Пословицы и поговорки живы, обогащают яркость и эмоциональный пафос каждого прецедентного текста и прецедентного высказывания. Они – источник фоновых прецедентных ситуаций и представлений, основа художественно-нравственного воображения и фантазии лингвокультурного сообщества. Испокон веков пословицы и поговорки служили в качестве народной нравственно-культурной программы и свода национальных традиций, законов и правил.

Прецедентные тексты таджикского языка практически невозможно представить без пословиц и поговорок. Особенно их много в сказочных текстах, легендах и баснях. Так, известная таджикская пословица *«Раз прыгнула саранча, два прыгнула саранча, наконец, попала саранча»* – концовка популярной сказки «Саранча». Из сказок выделились и пословицы: *«Поедая виноград, не спрашивай, из чьего он сада»* («Хасанак»); *«Сначала спроси, потом суди»* («Чалма и халат раиса»); *«Если человек безгрешен, то и сабля палача становится деревянной»* («Хасанак»); *«Умная жена и глупого мужа сделает умным»* («Умная девушка и лентяй»); *«Верная дружба сильнее падишахского гнева»* («Стрелок и его друзья»). Немало пословиц связано со сказками о Мушфики и Ходже Насриддине.

В пословицы превратились множество поэтических строчек представителей классической таджикско-персидской литературы Рудаки, Носира Хусрава, Омара Хайяма, Саъди Шерози, Абдурахмона Джами и многих других. Им принадлежат также крылатые слова, которые встречаются в таджикском языке и употребляются носителями данного языка:

*Царь – дерево, а подданные – корни,
Чем крепче корни, тем ветвям просторней.
Не утесняй ни в чём народ простой,
Народ обидев, вырвешь корень свой.
Путём добра и правды, в божьем страхе,
Иди всегда, дабы не пасть во прахе.
Любовь к добру и страх перед миром зла,
С рождения природы нам дала (Саъди Шерози).
Прелесть смоляных, вьющихся кудрей,
От багряных роз кажется нежней.
В каждом узелке – тысяча сердец,
В каждой завитке – тысяча скорбей (Рудаки).*

Широко употребляются и используются в качестве пословиц прецедентные выражения: *Пока вы там были, и мы подоспели; Яблочко и ножка курочки лежат на полочке: кто раньше встанет, тот возьмет и съест!*; («Музаффар и его конь»); *Вы были здесь, а мы были там, ели жирный плов и кишмиш с сахаром* («Сандаловое деревце»).

В современных учебниках таджикского языка и таджикской литературы активно включаются тексты нравственно-дидактического жанра, апелляция к истокам национальной культуры. Считаем, что школьная практика в обучении родному языку и родной литературе позволяет совершенствовать навыки работы с разными литературными жанрами для последующей проработки в условиях работы с русскими прецедентными текстами-феноменами.

В ходе исследования мы выяснили, что значения некоторых таджикских афоризмов имеют эквивалентные значения с соответствующими русскими прецедентными феноменами. Так, выражение *«Где честный должен восседать, там восседает мерзкий плут, Почетом окружен осёл, в пренебрежении – верблюд»* (А. Рудаки) синонимично по смыслу прецедентному высказыванию *«Мне хочется, невеждам не во гнев, Весьма старинное напомнить мненье: Что если голова пуста, То голове ума не придадут места»* (И. А. Крылов «Парнас»). Или известный прецедентный текст *«Молчание-золото»* можно соотнести с высказыванием Носира Хусрава *«Язык его таит и зло и грех. Молчанье – вот сокровище для всех!»*.

Таких примеров множество; они позволяют констатировать, что существующие в таджикском языке поговорки, пословицы, афоризмы с известной долей осторожности можно соотнести с русскими прецедентными феноменами по характерным для них параметрам.

В целом, русско-таджикские прецедентные феномены в русле нравственно-дидактического жанра одинаково знакомы членам соответствующего лингвокультурного сообщества. Они сохраняют статус когнитивного компонента культуры народа и актуальны для носителей данных языков. В дискурсе представителей этих двух лингвокультурных сообществ употребление пословиц и поговорок как национального прецедентного феномена имеет частный и активный характер.

Констатация и устойчивое применение в дискурсе пословиц и поговорок с национально-культурной окраской обосновывает возможность широкого использования прецедентных текстов-феноменов при обучении русскому языку студентов таджикоязычной аудитории в неязыковом вузе. Следует помнить, что в каждой языковой системе существует своя линия расположения лингвокультурных элементов в составе прецедентного текста и прецедентного высказывания. Поскольку лексический состав языка вступает в разные системные связи и отношения (парадигматика, синтагматика, деривация), использование словарных единиц с национально-культурным компонентом в семантике прецедентного текста-феномена предполагает серьёзную работу над их восприятием и воспроизведением.

Проведённый анализ показывает наличие аналогий в жанровой отнесенности, тематике, функционировании прецедентного феномена в русском и таджикском языках. Это позволяет говорить о некоем инварианте восприятия этого феномена, создающем основу для положительного переноса (транспозиции).

Возвращаясь к значению прецедентных текстов-феноменов при обучении русскому языку в неязыковом вузе, отметим их способность расширить фоновые знания и представления студентов таджикоязычной аудитории. Особенность процесса состоит в том, что прецедентные феномены активно вводят в когнитивный мир обучаемого ценные словарные единицы с национально-культурным компонентом, развивают его лингвокультурный потенциал и способности, являясь носителями культурно-эстетической информации.

Заключение

Для представления русских прецедентных текстов-феноменов в таджикоязычной аудитории существует прочная лингвокультурная база, которая создает возможности для формирования умений и навыков межкультурной коммуникации. Это универсальные признаки и атрибуты жанрового своеобразия, тематики и функционирования прецедентного феномена в таджикском и русском языках. Существенную позицию в этом плане должны занимать сами носители родного языка и культуры, ибо в межкультурной коммуникации далеко не последнюю роль играют особенности менталитета коммуникантов, специфика эмоционального настроения, национальные черты когнитивно-познавательных способностей.

Список литературы

1. Завгороднева М. П., Шустова С. В. «Wald» как природно-ландшафтный код немецкой культуры // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. 2019. № 5. С. 5–9.
2. Розенкова Х. Е., Шустова С. В. Лингвокультурный код: определение, проблемы классификации // Евразийский гуманитарный журнал. 2017, № 2. С. 101–104.
3. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. Москва: Изд-во «МГУ», 2008, 352 с.
4. Хайке В. Комплексный подход к художественному тексту в обучении русистов Германии: к постановке проблемы // Разноуровневые единицы языка и их функционирование в тексте. Теоретические и методические аспекты. Сборник научно-методических статей. Санкт-Петербург, 1992. С. 133–140.

Ruzieva L. T.

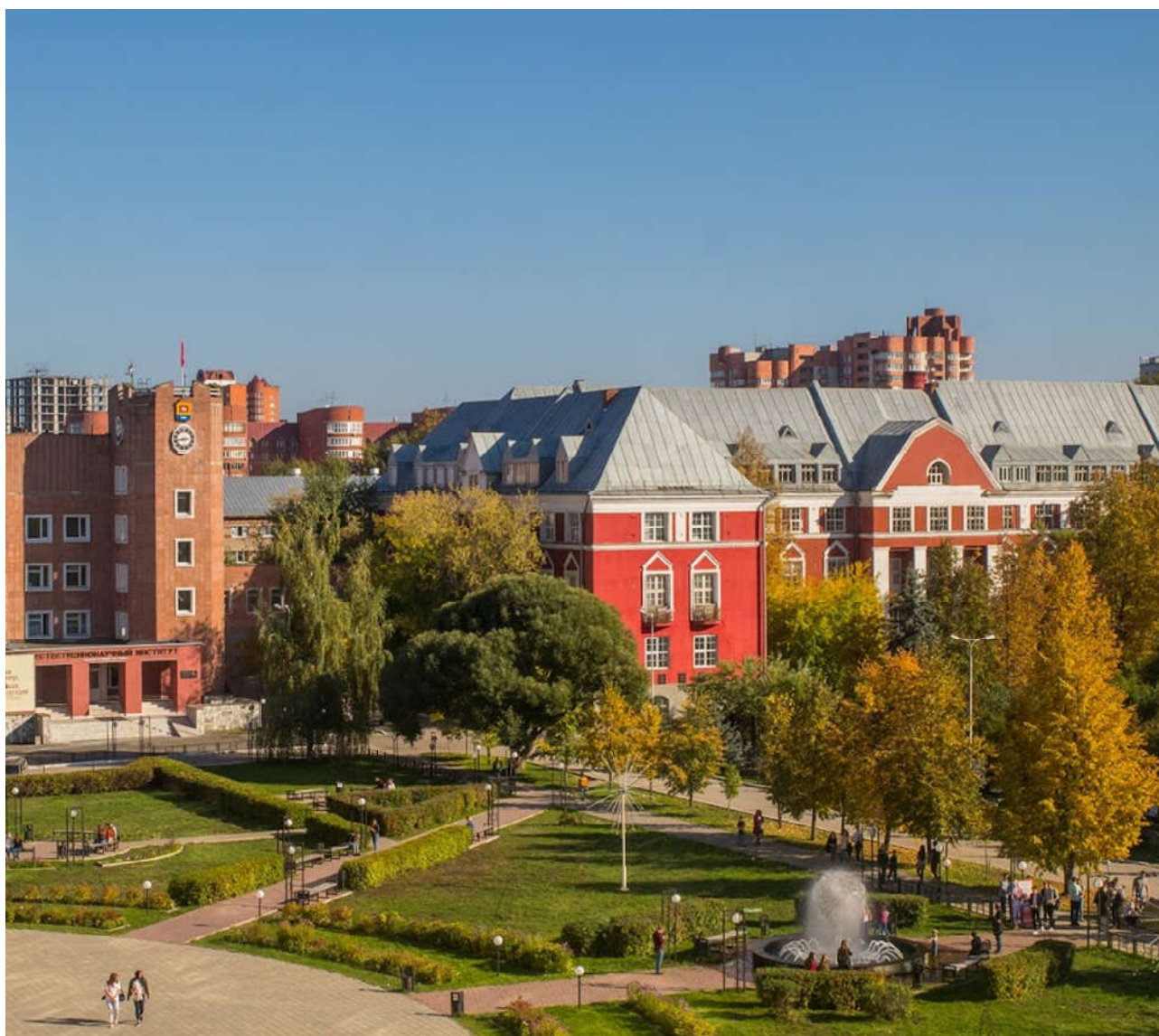
*Grand Ph.D. (Education),
Tajik National University*

THE USE OF PROVERBS AND SAYINGS AS A NATIONAL PRECEDENT PHENOMENON

The study of the precedent text phenomenon, in contrast to subjectively selected topics, is of great linguistic and cultural importance, especially for the implementation of communication at the intercultural level. In fact, this is manifested in an adequate understanding of the participants of the communicative act belonging to different national and cultural communities. The steady use of proverbs and sayings with national and cultural overtones in the discourse substantiates the possibility of widespread use of precedent texts-phenomena when teaching Russian to Tajik-speaking students in a non-linguistic University. It should be noted that each language system has

its own location of linguistic and cultural elements in the precedent text and precedent statement. Since the lexical structure of a language enters into different system connections and relations (paradigmatics, syntagmatics, derivation), the use of dictionary units with a national-cultural component in the semantics of a precedent text-phenomenon requires serious work on their perception and reproduction. There is a strong linguistic and cultural base for presenting Russian precedent texts-phenomena in a Tajik-speaking audience, which creates opportunities for the formation of intercultural communication skills. These are universal signs and attributes of a genre originality, themes and functioning of a precedent phenomenon in Tajik and Russian languages. Native speakers and bearers of culture themselves should occupy a significant position in this regard, because in intercultural communication the characteristics of the communicants mentality, the specificity of the emotional mood, and the national features of cognitive abilities play an important role.

Key word: text-phenomenon, the Russian language, linguoculturology, intercultural communication, Tajik-speaking audience, artwork, cognitive ve abilities.

© Пресс-служба Пермского государственного национального исследовательского университета

УДК 811.112.2.

Шустова Светлана Викторовна

Доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и перевода,
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
Тел.: +7 (342) 2396283
E-mail: lanaschust@mail.ru

Назаренко Елена Николаевна

Старший преподаватель кафедры германской филологии
факультета иностранных языков, Донецкий национальный университет
83000, г. Донецк, ул. Университетская, д. 24
Тел.: +380 623020924
E-mail: o.boi@yandex.ua

**КЛАССИФИКАЦИОННЫЕ ОСНОВАНИЯ НЕМЕЦКОЙ
ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ ПО АСПЕКТУАЛЬНЫМ ПРИЗНАКАМ**

В статье представлен анализ различных классификаций глагольной лексики, разработанных в отечественной и зарубежной лингвистике XX–XXI вв. и базирующихся на разных аспектуальных признаках. Описаны теории, касающиеся категории аспектуальности в сфере немецкого глагола, которых придерживаются отечественные лингвисты – В. Г. Адмони, О. И. Москальская, Е. Г. Гулыга, В. П. Недялков, Р. З. Мурясов, Е. В. Боднарук и зарубежные исследователи – Г. Хельбиг, Й. Буша, Х. Бринкман, в частности, средств выражения способов действия в современном немецком языке. Утверждается, что основополагающим является первичное деление глаголов на предельные / непредельные. Среди последних следует выделять более мелкие разряды глаголно-носителей аспектуальных признаков. При этом лексическое значение глагола всегда неразрывно связано с различными видовыми оттенками. В итоге делается вывод о том, что несмотря на безграничное количество способов действия практические потребности изучения системы глагола накладывают на лингвистов определённые ограничения, что подтверждает тезис о нестабильности и вариативности инвентаря этих способов. Основополагающим является первичное деление глаголов на предельные и непредельные. Лингвисты, изучающие систему глагола в различных языках, не располагающих грамматической категорией вида, рассматривают способ действия главным образом сквозь призму словообразовательных формантов, тогда как славистов способы действия интересуют также и со стороны их взаимодействия с видами глаголов.

Ключевые слова: аспектуальность, глагол, модальность, способ действия, языковые средства, словообразовательные средства, лексическое значение, видовой оттенок.

Введение

В немецком языке категория аспекта в том виде, как она представлена в русском языке, отсутствует. По мнению Р. З. Мурясова [Мурясов, 2001, с. 96], экстраполяция терминов русской аспектологии в немецкую глагольную систему повлекла за собой их ошибочную интерпретацию. Известно, что в основе способов действия лежит признак предельности-непредельности. Понятие предельности-непредельности пересекается с понятием перфективности-имперфективности, но они не покрывают друг друга. Аспектуальность рассматривается, как функционально-семантическая категория без грамматического ядра.

Согласно А. М. Пешковскому, аспектуальность понимается как семантический категориальный признак – «характер протекания и распределения действия во времени» [Пешковский, 2013]. В. Я. Мыркин уточняет, что аспектуальность как языковая категория обозначает характер существования предметов во времени, будь то движение, свойство, состояние, отношение, превращение и другие темпоральные предикаты объектов [Мыркин, 1993, с. 15–16]. Но вместе с тем аспектуальность понимается и как группировка функционально-семантических полей, объединённых этим признаком. Исходя из этого, А. В. Бондарко даёт следующее определение этому понятию: аспектуальность – это функционально-семантическое поле, конституируемое взаимодействующими языковыми средствами (морфологическими, синтаксическими, словообразовательными, лексико-грамматическими, лексическими и их разнообразными сочетаниями), объединёнными общностью семантических функций, принадлежащих к области аспектуальных отношений, то есть отношений, содержание которых заключается в передаче характера протекания и распределения действия во времени [Бондарко, 1983, с. 76].

Данное определение аспектуальности, базирующееся на полевом, функционально-семантическом подходе к анализу категорий русского языка, можно признать корректным и по отношению к одноимённой категории в других языках, хотя смысловая глубина, формально-языковая маркированность и удельный вес каждого из уровней, участвующих в её языковой объективации, будут варьироваться в разных языках в зависимости от их внутреннего строения и языковой «техники» [Мурясов, 1991, с. 74].

Основная часть

При описании категории аспектуальности в немецком языке следует дифференцировать три взаимосвязанных явления: 1) классификацию глаголов на основе аспектуального признака в его инфинитивной форме, вне зависимости от контекста (лексико-центрический подход); 2) аспектуальные признаки, получаемые глаголами благодаря своим синтагматическим свойствам, прежде всего объектам и обстоятельственным актантам; 3) выражение аспектуального значения перфективности (совершенного вида) и имперфективности (несовершенного вида) как сопряжённых категориальных созначений временных форм [Мурясов 2001, с. 97; Боднарук, 2019, с. 99–105; Язык как система, 2015].

Обратимся к классификации глагольной лексики, базирующейся на различных аспектуальных признаках. По способу протекания действия из общей массы глаголов О. И. Москальская выделяет группу так называемых *предельных глаголов* (*terminative Verben*). Эти глаголы выражают такие действия, которые по самому своему характеру

направлены на достижение известной цели (предела). Таким пределом может являться переход в другое состояние субъекта либо объекта действия, достижение определённого результата, например: *kommen, erwachen, sterben, stellen, verbessern, werden, finden, bringen, erraten, verblühen, aufstehen, stehenbleiben* и другие.

Наряду с этим очень многие глаголы не содержат в своём лексическом значении такого указания на предел действия – на завершение его изменением состояния субъекта или объекта действия, на достижение какого-либо результата. Такие глаголы О. И. Москальская причисляет к группе неопредельных глаголов (*kursive, imperfektive Verben*), которые представляют действие в его протекании, не указывая даже на предполагаемую конечную цель (конец действия). Это глаголы типа *wachen, leben, wohnen, sitzen, stehen, aussehen, regnen* и т. п.

Существуют также и *нейтральные глаголы*, у которых нет ярко выраженной предельности или неопредельности, например: *essen, trinken, sich erinnern* и т. д. Однако, проводить такое подразделение вряд ли целесообразно, так как установить чёткую границу между ними очень трудно [Москальская, 1983, с. 61].

В. Г. Адмони разделяет глаголы в немецком языке по семантико-грамматическим критериям: на *курсивные или имперфективные (kursive, imperfektive Verben)* и на *терминативные или перфективные (terminative, perfektive Verben)* [Адмони, 1986, с. 175].

В своей работе Е. В. Гулыга и М. Д. Натанзон отмечают, что «лексическое значение глагола неразрывно связано с различными видовыми оттенками, в некоторых случаях играющими определённую роль при использовании временных форм» [Гулыга, Натанзон, 1956].

Исследователи различают следующие оттенки значения глагола:

1. Характер некоторых действий (состояний) связан с понятием предела (обрыва или конца действия), иначе говоря, действие представляется либо моментным, в котором начало и конец действия совпадают, либо глагол обозначает начало, конец или результат действия, либо перемену состояния, смену положения в пространстве, например: *entbrennen, verbrennen, erreichen, kommen, bringen, werden, versiegen, aufstehen, sich setzen* и т. д. Глаголы с таким видовым оттенком лексического значения называются предельными или глаголами предельного действия.

2. Некоторые глаголы обозначают действия (или состояния), не связанные с пределом, обрывом действия, то есть указывают на действия только в их протекании, например: *leben, wohnen, schlafen, sitzen, stehen, lieben, achten, schätzen* и т. д. Глаголы, имеющие данное лексическое значение, называются неопредельными или глаголами неопредельного действия.

3. Значительное количество глаголов в немецком языке могут пониматься как предельные и как неопредельные, например: *schreiben, bauen, lernen, helfen, schweigen, sehen, hören* и т. д. Глаголы с таким неопределённым оттенком значения называются нейтральными или потенциально предельными [Гулыга, Натанзон, 1956, с. 150–151].

В словаре Duden способы глагольного действия выделяются при изучении глагольной лексики, указывают на характер, то есть на то, как протекает действие. Речь идёт о темпоральном протекании действия (о протекании действия во времени, о повторении того или иного действия, о большей или меньшей степени интенсивности происходящего) [Duden, 1995, S. 83–84].

1. Протекание действия во времени (*die zeitliche Verlaufsweise eines Seins oder Geschehens*).

1.1. Глаголы, которые выражают временное ограничение действия являются *перфективными*, например, *besteigen, entnehmen, erfrieren, verblühen, vollenden*, или терминативными (*perfektiv oder terminativ*). Перфективные глаголы, с помощью которых обозначается начало или конец события, могут быть названы инхоативными или ингрессивными (*inchoativ oder ingressiv*), а также результативными или эгрессивными (*resultativ oder egressiv*). К инхоативным (ингрессивным) относятся *erblühen, aufbrechen, erblassen, entbrennen, losrennen, aufstehen, abmarschieren, erklingen*. К результативным (эгрессивным) относятся *verblühen, verblassen, aufessen, verklingen, verbrennen, durchschneiden, vollenden, ausklingen*. Выделяются также пунктуальные или моментальные глаголы (*punktuelle oder momentane Verben*), которые обозначают действия точно: *erblicken, finden, treffen, ergreifen, erschlagen, fassen*.

1.2. Глаголы, в семантике которых нет темпорального ограничения, обозначают незаконченное, акциональное действие. Данный класс обозначается как *имперфективные* или *дуративные глаголы* (*imperfektive oder durative Verben*): *schlafen, wachen, frieren, essen, wohnen, blühen, sein, bleiben, andauern*.

1.1. *Повторение события (die Wiederholung eines Geschehens)*.

Существуют глаголы, которые обозначают непрерывное повторение действий (событий). Такие глаголы являются *итеративными* (*iterative Verben*): *fliegen (ständig mit den Flügeln schlagen), graben (ständig mit dem Spaten in die Erde stossen und die Erde umwerfen), sticheln (immer wieder stechen, flattern, krabbeln, grübeln)*.

2. *Наличие интенсивности действия (события) (Der Grad, die Intensität eines Geschehens)*.

В некоторых случаях необходимы глаголы, которые обозначают большую или незначительную степень интенсивности действия. Такие глаголы являются *интенсивными* (*intensiv*): *schnitzen (kräftig schneiden), schwenken (hastig schwingen), schluchzen (heftig schlucken), liebeln (oberflächlich lieben)*.

В свою очередь немецкие лингвисты Г. Хельбиг и И. Буша, говоря о том, что глаголы могут указывать на процессуальность (акциональность) или результативность происходящего, предлагают классифицировать способы действия глаголов с учётом времени (начало, конец...) или с учётом содержания (повод) [Helbig, Buscha, 1986, S. 72].

Г. Хельбиг и И. Буша различают следующие виды способов действия.

1. Глаголы, обозначающие акциональное действие (*Verben der Dauer*) (дуративные, имперфективные глаголы – *durative, imperfektive Verben*). Они обозначают действие, не указывая на его границы: *schlafen, leben*. К дуративным глаголам относятся также глаголы многократного действия (итеративные глаголы – *iterative Verben*): *flattern, tropfen*.

2. Глаголы, обозначающие интенсивность действия (*intensive Verben*): *brüllen, sausen*.

3. Уменьшительные, диминутивные глаголы (*diminutive Verben*): *tröpfeln, tänzeln*.

4. Глаголы, обозначающие предел события (происходящего), а также глаголы, обозначающие переход от одного события к другому (перфективные глаголы – *perfektive Verben*). Такие глаголы в некоторых случаях классифицируются с учетом времени или содержания. Временное ограничение выражают ингрессивные, инхоативные

(начинательные) глаголы (*ingressive oder inchoative Verben*): *aufblühen, loslaufen*; и эгрессивные (результативные) глаголы (*egressive Verben*): *verblühen, erjagen, platzen, zerschneiden*.

Говоря о дифференциации глаголов с учётом содержания, различаются каузативные или побудительные (*kausative oder faktitive Verben*), которые обозначают причину, побуждение, переход в другое состояние: *beugen, öffnen, senken, verschwenden*.

Кроме этих групп есть и другие, из которых следует назвать мутативные глаголы (*mutative Verben*), которые обозначают переход из одного состояния в другое без ограничения во времени: *rosten, reifen* [Einführung, 1988, S. 66–67].

Дифференциация способов действия В. Юнга представлена с учётом времени и с учётом модальности (*nach dem zeitlichen Verlauf des Geschehens und nach der modalen Differenzierung*). С учётом времени В. Юнг выделяет дуративные или имперфективные глаголы (*durative oder imperfektive Verben*) и недуративные или перфективные глаголы (*nichtdurative oder perfektive Verben*).

А также В. Юнг различает:

- ингрессивные или инхоативные глаголы (*ingressive oder inchoative Verben*), обозначающие начало действия: *auffagen, abfahren, einschlafen, erblicken, entbinden, loslaufen*;
- мутативные глаголы (*mutative Verben*), обозначающие переход из одного действия в другое: *grünen, reifen, rosten, faulen, erkranken, erkälten, gesunden*;
- результативные глаголы (*resultative Verben*), обозначающие конец, завершение действия: *finden, erjagen, erreichen, gewinnen, verblühen, ausschlafen, sterben*.

С учётом модальности В. Юнг разделяет глагольную лексику на

- каузативные или фактитивные глаголы (*kausative oder faktitive Verben*), выражающие причину, побуждение: *fallen (zu fallen): veranlassen, bewirken, machen, dass etwas fällt*;
- интенсивные глаголы (*intensive Verben*), обозначающие усиление или ослабление того или иного действия: *bucken (zu biegen), endigen (zu enden), hochschätzen (statt schätzen), brüllen, saufen*;
- диминутивные глаголы (*diminutive Verben*), обозначающие малую интенсивность действия: *lächeln (leicht lachen), husteln (leicht husten), streichen (sanft streichen), tänzeln (zu tanzen), trippeln*;
- итеративные или фреквентативные глаголы (*iterative oder frequentative Verben*), обозначающие повторяющееся действие: *betteln (mehrfach bitten), klingeln (zu klingen), tröpfeln (zu tropfen), klappern (zu klappen), plätschern (zu platschen), schnitzeln (zu schnitzen), sticheln (zu stechen)*.

Но при разграничении вышеуказанных способов действия В. Юнг обращает внимание на то, что если рассматривать интенсивные, диминутивные и итеративные глаголы во временном аспекте, то данные глаголы будут принадлежать к дуративному способу действия [Jung, 1982, S. 236–238].

Й. Эрбен предлагает делить глаголы на следующие группы.

1. Пунктуальные (точечные) глаголы (*punktuelle Verben*): *finden, treffen, fassen, platzen*.
2. Глаголы воздействия (*Bewirkungsverben*): *teilen, töten, öffnen, fallen, sprengen*.
3. Дуративные глаголы (*durative Verben*).
4. Перфективные глаголы (*perfektive Verben*) [Erben, 1965, S. 135].

Способ действия может быть выражен при помощи словообразовательных средств, например, ингрессивные глаголы характеризуются наличием приставок: *er-, ent-, ge-, auf-, ein-, ab- an-* (*erbleichen, erheben, entflammen, gefrieren, abfahren, anlaufen, anschieben, aufblühen, einschlafen, losgehen, wegkommen*).

Результативные глаголы образуются путём присоединения приставок *be-, er-, ge-, ver-, zer-* и адвербиальных элементов *tot, voll*: *bereinigen, beleuchten, erklimmen, gebären, gefrieren, verblühen, verbluten, zerbrechen, zerbröckeln, totschiagen, vollziehen*.

При помощи суффиксов *-eln*, который близок диминутивному суффиксу *-el*, и *-ern*, выражается короткое (короткосрочное) повторение, ослабление или увеличение интенсивности. Данные суффиксы можно обнаружить у многих итеративных и диминутивных глаголов: *betteln (bieten), lächeln (lachen), grübeln (graben), klappern (klappen), hüsteln (husten), liebeln (lieben), tänzeln (tanzen)*.

Интенсивный способ действия часто обозначается суффиксами *-igen, -sen, -zen(tschen), -chen, -ieren*: *kündigen (zu kunden), grausen (zu grauen), grinsen (zu grienen), horchen (zu hören), spendieren (zu spenden), endigen (zu enden), schluchzen (zu schlucken), rutschen (zu rücken), hopsen (zu hoppen), schnarchen (zu schnarren), sinnieren (zu sinnen)*.

В некоторых случаях для выражения интенсивного способа действия важным является возвратное местоимение *sich*. В книжном языке у некоторых глаголов может отсутствовать, либо присутствовать возвратное местоимение. Порой это усиливает значение глагола: *Er irrt (sich). Der Betrunkene fand (sich) nicht mehr nach Hause*. В разговорном языке часто употребляется возвратное местоимение в тех случаях, где в книжном языке оно не употребляется: *Er badet sich gerade. Da hört sich doch alles auf*.

Способ действия может быть выражен при помощи дополнительных лексических средств, например, сочетания глаголов *beginnen, anfangen, pflegen, fortfahren, fortsetzen, aufhören* с инфинитивом: *Es begann zu regnen* (ингрессивный способ действия); *Es hörte auf zu regnen* (эгрессивный способ действия); *Er fuhr fort zu arbeiten* (дуративный способ действия); *Er pflegte abends spazierenzugehen* (итеративный способ действия).

В качестве своеобразного средства выражения способов действия в современном немецком языке выступают предложные конструкции с дательным и винительным падежом: *Der Kosak wanderte in der Steppe. Der Kosak wanderte in die Steppe* [Крашениникова, 1963, с. 101].

В приведённом выше примере глагол, управляющий винительным падежом, имеет дело с перфектным способом действия.

Способ действия может быть актуализирован с помощью адвербиальных элементов: *wieder, immer, plötzlich, weiter, schon, endlich, eben, langsam, ab und zu, oft* и других: *Er putzt täglich zweimal die Zähne* (итеративный способ действия); *Er machte das endlich* (эгрессивный способ действия).

Имена существительные с предлогом и без предлога, выполняющие в предложении функцию обстоятельства времени, также могут выступать в качестве экспликаторов способа действия, сравните: *im Augenblick, im Fluge, Stunde auf Stunde, Schlag auf Schlag, den ganzen Tag, von Fall zu Fall, vom Morgen bis zum Abend, während des Tages, während des Treffens*. Или, например: *Er machte das während des Abends* (дуративный способ действия); *Sie übte vom Morgen bis zum Abend* (дуративный способ действия).

Значение способа действия может быть продемонстрировано на примере существительного с прилагательным, выполняющих в предложении функцию обстоятельства времени: *lange Zeit, den ganzen Tag*, например, *Er arbeitete die ganze Nacht*, а также существительного с неопределенными местоимениями *jeder, alle, einige, viele*, которые служат для выражения дуративного способа действия, например: *Jeden Tag geht sie in die Schule*.

Использование сравнительной степени прилагательного может способствовать актуализации способа действия, например: *Er lernt fleissiger und fleissiger* (дуративный способ действия); *Du antwortest besser und besser* (дуративный способ действия).

Заключение

Для систематизации способов действия в немецком языке основополагающим является первичное деление глаголов на предельные и непредельные. Среди последних можно выделить более мелкие разряды глаголов-носителей аспектуальных признаков. Несмотря на то, что в принципе количество способов действия безгранично, практические потребности изучения системы глагола накладывают на исследователя определённые ограничения. Лингвисты, изучающие систему глагола в различных языках, не располагающих грамматической категорией вида, рассматривают способ действия главным образом сквозь призму словообразовательных формантов, тогда как славистов способы действия интересуют также и со стороны их взаимодействия с видами глаголов.

Список литературы

1. Адмони В. Г. Теоретическая грамматика немецкого языка: Строй немецкого языка. Москва: Просвещение, 1986. 334 с.
2. Боднарук Е. В. Глагольная категория времени в современном немецком языке: подходы к интерпретации // Евразийский гуманитарный журнал, 2019, № 2. С. 99–105.
3. Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Ленинград: Наука, 1983. 208 с.
4. Гулыга Е. В., Натанзон М. Д. Теория современного немецкого языка: Грамматика. Москва: Наука, 1956. 200 с.
5. Крашенинникова Е. А. Новое в немецкой грамматике. Москва: Учпедгиз, 1963. 160 с.
6. Москальская О. И. Грамматика немецкого языка. Москва: Высшая школа, 1983. 344 с.
7. Мурашов Р. З. Некоторые проблемы контрастивной аспектологии // Вопросы языкознания. 2001. № 5.
8. Мурашов Р. З. Номинализация и аспектология // Вопросы языкознания. 1991, № 2. С. 74–91.
9. Мыркин В. Я. Трудные вопросы аспектологии и темпорологии. Архангельск: Изд-во «Поморский государственный педагогический университет имени М. В. Ломоносова», 1993. 135 с.
10. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Москва: URSS, 2013. 434 с.
11. Язык как система, деятельность и пространство мысли. Коллективная монография памяти профессора В. Я. Мыркина. Архангельск: Изд-во «КИРА», 2015. 349 с.
12. Admoni W. Der deutsche Sprachbau. Москва: Просвещение, 1986. 338 S.
13. Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. 5 völlig neu bearbeitete und erw. Auflage. B. 4. Dudenverlag. Mannheim-Leipzig-Wien–Zürich. 1995. 864 S.
14. Erben J. Abriß der deutschen Grammatik. 8. Aufl. Berlin: Akademie, 1965. 316 S.

15. Helbig G., Buscha J. Deutsche Grammatik: Ein Handbuch für den Ausländerunterricht. Aufl. Leipzig: Einzyklopädie, 1986.

16. Jung W. Grammatik der deutschen Sprache. Aufl. Leipzig: Bibliographisches Inst., 1982.

17. Einführung in die Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Aufl. Leipzig: Bibliographisches Inst., 1988.

Shustova S. V.

*Grand Ph.D. (Philology), Professor,
Linguistics and Translation Department,
Perm State University*

Nazarenko E. N.

*Senior Lecturer, Chair of German Philology,
«Donetsk National University*

CLASSIFICATION OF GERMAN VERBS ON THE BASIS OF ASPECTUAL ATRIBUTES

The article presents an analysis of various classifications of verbal vocabulary developed in native and foreign linguistics of the XX – XXI centuries and based on different aspectual attributes. There are theories of Russian linguists (Admoni V. G., Moskalskaya O. I., Gulyga E. G., Nedyalkov V. P., Muryasov R. Z., Bodnaruk E. V.) and theories of foreign researchers (Helbig G., Bush J., Brinkmann H.) on the category of the aspectuality related to German verbs, means of expressing modes of action in modern German. In particular it is argued that the primary division of verbs into terminative / non-terminative is fundamental. Among the latter, one should single out smaller categories of verb-carriers of aspectual attributes. Moreover, the lexical meaning of the verb is always inextricably linked with various species nuances. As a result, it is concluded that despite the unlimited number of methods of action, the practical needs of studying the verb system impose certain restrictions on linguists, which confirms the thesis of the instability and variability of the inventory of methods of action. Fundamental is the primary division of verbs into terminative and non-terminative. Linguists studying the system of a verb in various languages that do not have a grammatical category of an aspect consider the mode of action mainly through the prism of word-formation formants, while Slavists are also interested in the mode of action expressed by verb aspect.

Key words: aspectuality, verb, modality, mode of action, language means, word-formation means, lexical meaning, aspectual shade.

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА

УДК 811.112.2'36

Архипова Ирина Викторовна

Кандидат филологических наук, профессор кафедры французского и немецкого языков,
Новосибирский государственный педагогический университет

630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, д. 28

Тел.: +7 (383) 2441368

E-mail: irarch@yandex.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДЕВЕРБАТИВОВ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ

*Настоящая статья посвящена описанию функционального потенциала девербатов, актуализирующих в составе предложных конструкций таксисные значения одновременности и разновременности. Функциональный потенциал предложных девербатов реализуется в определенном контекстуальном окружении, а прототипические элементы контекста позволяют описать различные таксисные категориальные ситуации (итеративно-таксисные, инструментально-таксисные, медиально-таксисные, модально-таксисные, кондиционально-таксисные и др.). В статье рассмотрены различные варианты таксисных категориальных ситуаций одновременности и разновременности (итеративно-таксисные, модально-таксисные, инструментально-таксисные, медиально-таксисные и кондиционально-таксисные), а также прототипические элементы контекста, позволяющие предложным девербатам актуализировать свой таксисный потенциал. При актуализации итеративно-таксисных значений одновременности и разновременности прототипический характер имеют итеративные девербаты со значением генетической или словообразовательной кратности, глаголы итеративной семантики (собственно итеративные, мультипликативные, дистрибутивные), а также итеративные квантификаторы (адвербиалы и атрибуты). При репрезентации таксисных значений разновременности к доминантным элементам контекста относятся «таксисообразующие» предлоги *vor, nach, seit, bis*, эксплицирующие таксисную семантику предшествования или следования, а также дуративные квантификаторы и временные делимитаторы. При актуализации секундарно- или обстоятельственно-таксисной категориальной ситуации одновременности (модальной, инструментальной, медиальной, кондициональной и др.) релевантный характер приобретают «таксисообразующие» предлоги *während bei, in, mit, durch, vor, aus, wegen, trotz, zu, für*; семантика девербатов, в том числе, акциональных / процессуальных соматизмов, и глаголов (вербальной / невербальной коммуникации, каузативных со значением психического / физического воздействия и др.), а также наличие в контекстуальном окружении кондициональных актуализаторов.*

Ключевые слова: девербаты, функциональный потенциал, контекст, среда, таксисные категориальные ситуации, таксисные значения одновременности, таксисные значения разновременности.

Введение

Семантический анализ таксисных функций или функционального потенциала девербативов приобретает особую актуальность и позволяет им в составе «номинализованных пропозиций» с гетерогенными предложениями актуализировать аспектуально-таксисные значения одновременности и разновременности. В современной лингвистической литературе девербативы рассматриваются как «производные имена», «номинализации», «номинализованные пропозиции», «девербативные обороты», «отглагольные имена существительные», «глагольные дериваты», «отглагольные транспозиты» и другие.

Функция языкового средства определяется как «его роль, назначение, предназначение, цель его употребления» [Бондарко, 2002, с. 339]. А. В. Бондарко в своих исследованиях выделяет функции-потенции и функции-реализации, поскольку функции языковых единиц выступают «как существующие в системе языка потенции, обуславливающие (каузирующие) определенные типы функционирования», а также «как процессы и результаты реализации этих потенций в речи» [Бондарко, 2002, с. 339–341].

Под термином «функциональный потенциал» следует понимать вслед за А. В. Бондарко «комплекс Фп (функций-потенций в терминологии А. В. Бондарко), возможных для данной языковой единицы и определяющих (программирующих) её поведение в высказывании и в речи в целом» [Там же, с. 352].

В настоящей работе функциональный потенциал девербативов мы определяем как комплекс таксисных функций-потенций, реализуемых ими в различных типах высказываний с предложными конструкциями. Реализация таксисных функций-потенций *предложных девербативов* (термин наш – *И. В. Архипова*) непосредственно связана с их гетерогенной двухслойной семантикой [Архипова, 2012а, с.95; 2012б, с. 22].

В силу своей двойственной природы девербативы сохраняют в различной степени акциональные (процессуальные, статальные, событийные) и аспектуальные характеристики производящих глаголов («перфективность», «имперфективность», «дуративность», «недуративность», «моментативность», «итеративность» и другие), а в процессе деривации приобретают вторичные «опредмеченные» значения результата действия. Кроме того, в отдельных случаях в результате деривации они могут утрачивать вербогенно-таксисную семантику и переходить в группу конкретно-предметных имён существительных [Архипова, 2012б, с. 22–23].

Соответственно, «функции-реализации» девербативов детерминированы в определённой степени их вербогенностью (термин Р. З. Мурысова) [Мурысов, 1989, с. 50] и таксисностью (термин наш – *И. В. Архипова*) [Архипова, 2013, с. 14].

Вербогенно-таксисные девербативы «*ревербализуемы*» (термин Б. Зандберга) [Sandberg, 1976, S. 63–64], так как они сохраняют первоначальную семантическую связь с производящим глаголом по его основным акционально-процессуальным признакам и поддаются обратной трансформации («ревербализации»).

Основная часть

Среди изученных девербативов следует выделять акциональные, процессуальные, статальные и событийные аффиксальные девербативы на -en (das Aufstehen, das Erwachen, das Nachdenken, das Schlafen, das Vorbeilaufen, das Vorbeigehen, das Gehen, das Stehen, das Liegen, das Tanzen, das

Fahren, das Anfahren, das Reiten, das Vorbeifahren, das Verstehen, das Begreifen, das Nachdenken, das Erwägen, das Überlegen, das Lachen, das Husten, das Schnarchen, das Grinsen, das Seufzen, das Nicken, das Zucken, das Brummen, das Surren, das Schaukeln) и *-ung, -t, -e* (die Begegnung, die Beobachtung, die Erinnerung, die Betrachtung, die Überlegung, die Unterredung, die Scheidung, die Verabredung, die Ankunft, die Abreise, die Abfahrt, die Fahrt), а также безаффиксные девербативы (der Einstieg, der Abstieg, der Aufstieg, der Auszug, der Eintritt, der Einzug, der Anblick, der Umzug, der Schlag, der Sprung, der Wurf) [Архипова, 2012б, с. 22–23; 2013б, с. 23–30].

Наиболее последовательно реализуют свои таксисные функции акциональные и процессуальные девербативы с максимальными «таксисными потенциями» (термин наш – *И. А. Архипова*): das Arbeiten, das Essen, das Tanzen, das Üben, das Schwimmen, das Baden, das Waschen, das Laufen, das Lesen, das Schreiben, das Trinken, das Wandern, das Gehen, das Kommen, das Reiten, das Schreiten, das Fahren, das Anfahren, das Sparen, das Fliegen, das Vorbeigehen, das Vorübergehen, das Vorbeikommen, das Nachhausereiten, das Augenreiben, das Essenholen, das Geschirrwaschen, das Haareschneiden, das Rübenschälen, das Teppichklopfen, das Blumengießen, Kaffeetrinken, das Anziehen, das Ausziehen, die Abstrafung, die Begrüßung, die Begründung, die Erwähnung, die Abstrafung, die Begrüßung, die Verhaftung, die Erzählung, die Eroberung, die Kopfneigung, die Verhaftung, die Essenausgabe и другие [Архипова, 2013б, с. 35–36].

Минимальными «таксисными» потенциями обладают некоторые стальные девербативы на *-en* (das Erstaunen, das Staunen, das Erschrecken, das Bedauern), а также стальные «опредмеченные» имена на *-ung* с семантикой психического или физического результативного состояния субъекта (die Aufregung, die Anstrengung, die Begeisterung, die Befriedigung, die Erregung, die Verwunderung, die Verzweiflung, die Verachtung). Кроме того, некоторые безаффиксные девербативы, образованные от аблаутных форм производящих глаголов (der Griff, der Tritt, der Schritt) полностью обрастают вторичными «опредмеченными» значениями результата действия и переходят в группу конкретно-предметных имён существительных, утрачивая свой таксисный потенциал [Архипова, 2013б, с. 22–23].

Вербогенно-таксисные девербативы в сочетании с предлогами *während, seit, nach, vor, bis, in, bei, mit, unter, durch, vor, wegen, aus, zu, für* актуализируют свой таксисный потенциал в высказываниях немецкого языка с предложными девербативами, репрезентирующими различные варианты таксисных категориальных ситуаций.

Таксисные категориальные ситуации выделяются в целях актуализации функционально-семантического поля таксиса. В соответствии с прототипическим подходом и такими признаками категориальных ситуаций, как инвариантность / вариантность, следует выделять следующие прототипические варианты таксисных категориальных ситуаций одновременности и разновременности:

- 1) итеративно-таксисные ситуации;
- 2) модально-таксисные ситуации;
- 3) инструментально-таксисные и медиально-таксисные как разновидность инструментально-таксисных ситуаций;
- 4) кондиционально-таксисные ситуации;
- 5) каузально-таксисные ситуации;
- 6) concessивно-таксисные ситуации;
- 7) финально-таксисные ситуации.

Немецкие девербативы с темпорально-таксисными предлогами *während, seit, nach, vor, bis* и гетерогенно-таксисными предлогами *mit, in, bei* в темпоральном значении в составе высказываний хронологического (логически необусловленного) типа актуализируют таксисные значения одновременности (полной, частичной) и разновременности (строгой, нестройгой) в «чистом виде» [Архипова, 2012а, с. 95–96; 2013б, с. 38–49; 2016, с. 140–141].

Семантика примарного (первичного) таксиса репрезентируется в различных темпорально-таксисных ситуациях одновременности и разновременности в высказываниях хронологического (логически необусловленного) типа с предлогами *während, bei, in, mit, vor, seit, nach, bis*. Например:

Während der Untersuchung wurde der Gesundheitszustand von neunzig Kindern erlernt (LC).

Etwas Sentimentalität war *beim Abschied* dabei, doch der Blick ging auch nach vorn (LC).

Er liest *im Stehen, im Gehen* und *im Sitzen* (LC).

Bereits eine Stunde zuvor, *mit dem Dunkelwerden*, brannten auf der 4. Dorfweihnacht wieder die Schwedenfeuer (LC).

Nach der Ernennung des umstrittenen neuen Intendanten Chris Dercon reichte sie die Kündigung ein (LC).

Dort fanden *seit seiner Verhaftung* vor mehr als einem Jahr regelmäßig Mahnwachen für Yücel statt (LC).

Wer kurz *vor dem Schlafen* noch aufs Smartphone schaut oder am PC sitzt, schläft mitunter schlechter (LC).

Высказывания логически обусловленного (обстоятельственного, сирконстантного) типа с девербативами с «таксисообразующими» предлогами *bei, in, unter, durch, mit, vor, wegen, aus, rotz, zu, für* актуализируют различные варианты категориальных ситуаций сферы секундарного (вторичного, обстоятельственного) таксиса (термин наш – И. В. Архипова): модально-таксисные, медиально-таксисные, инструментально-таксисные, кондиционально-таксисные, каузально-таксисные, концессивно-таксисные, финально-таксисные. Например:

Модально-таксисные категориальные ситуации:

Er lachte *mit Kopfnicken*, als er zugab, dass das Werkeln mit Holz ganz klar mehr Spaß mache als der „normale“ Unterricht (LC).

Медиально-таксисные категориальные ситуации:

Sie macht *mit Winken* auf sich aufmerksam – der Unfallfahrer allerdings fährt davon (LC).

Инструментально-таксисные категориальные ситуации:

Durch das Heben und Absenken eines Überlaufrohrs wird der Wasserspiegel bei den Elektroden und damit die Heizleistung stufenlos geregelt (LC).

Кондиционально-таксисные категориальные ситуации:

Doch *bei genauerer Betrachtung* ist die Sache dann doch komplizierter (LC).

Beim näheren Betrachten der Tasche entdeckte sie eine Telefonnummer auf einen Aufkleber (LC).

Каузально-таксисные категориальные ситуации:

Und obwohl Herbst vom Fieber glühte, erschauerte er *bei diesem sonderbaren Lachen* (B. Kellermann).

Концессивно-таксисные категориальные ситуации:

Trotz aufmerksamen Lesens gab ich mich geschlagen: «Bitte klären Sie mich auf, ich finde keinen Fehler» (LC).

Финально-таксисные категориальные ситуации:

Für das Basteln benötigt die Stiftung immer viele Materialien wie Farben oder Rohlinge (LC).

Явление синкретизма в сфере таксисных значений обусловило тот факт, что в ряде случаев доминантой высказываний являются сопряжённые таксисные категориальные ситуации (в частности, кондиционально-итеративно-таксисные, темпорально-итеративно-таксисные, инструментально-итеративно-таксисные, модально-итеративно-таксисные и другие). Например:

Beim Betrachten von Fotos behaupten die meisten Zwillinge, eine eindeutige Zuordnung treffen zu können (LC).

Jens Heitmann zu Opel Wenigstens *beim Schweigenklappt* der Schulterchluss bei Opel noch (LC).

Manchmal wird erst beim Gehen kleiner Schritte klar, dass man die ganze Zeit auf dem Holzweg war (LC).

Unebenheiten des Geländes überbrückte die Feuerwehr *durch mehrmaliges Fluten (LC).*

Определяющий характер при актуализации таксисных значений девербативными существительными имеют элементы контекста или среды, которую следует понимать как «окружение, влияющее на реализацию значений и функций» рассматриваемых языковых единиц [Бондарко, 2011, с. 110]. Как отмечает А. В. Бондарко, «при рассмотрении той или иной категориальной ситуации, представленной в высказывании, мы имеем дело со средой, выступающей в её речевом аспекте» [Там же, с. 121].

При актуализации итеративных таксисных ситуаций релевантными являются итеративные адвербиалы и атрибуты (*immer, immerwieder, meistens, oft, selten, manchmal, mehrfach, mehrmalig, stets, jeder*), а также глаголы итеративной семантики (собственно итеративы, мультипликативы, дистрибутивы). Например:

Röcke sind gefährlich: Im Sitzen rutschen sie nach oben und geben tiefe Einblicke frei (LC).

Beim Sprechen rückt er auf seinem Stuhl hin und her (LC).

Seine Bilder sind so detailreich, dass man *beim Betrachten immer wieder* etwas Neues entdeckt (LC).

В высказываниях кратного типа с девербативами с предлогами *während, seit, vor, nach, in, bei, mit* при наличии в них итеративных девербативов со значением словообразовательной или генетической кратности, глаголов итеративной, мультипликативной или дистрибутивной семантики, а также итеративных квантификаторов (адвербиалов и атрибутов итеративной семантики) актуализируются итеративно-таксисные ситуации одновременности или разновременности (итеративно-таксисные, мультипликативно-таксисные и дистрибутивно-таксисные) [Архипова, 2012б, с. 98; 2013а, с. 95–96]. Например:

Bei jedem Klingeln begegnet man ihr: der Gegensprechanlage (LC).

Wenn Sie als Urmensch *bei jedem Rascheln im Gebüsch* auf einen Löwen tippen und wegrennen, haben sie einen evolutionären Vorteil gegenüber dem vernunftgeleiteten Kollegen (LC).

Diese ergänzen die Fotos, die im Hause des Metelener eintrudelten – *manchmal* auch erst *nach mehrmaligem Nachfragen (LC).*

Wenn es scharf ist, braucht man wenig Kraft und man *rutscht beim Schneiden* nicht so schnell ab (LC).

Der Fahrer wachte daraufhin *nach mehrmaligem Klopfen* gegen die Scheibe auf (LC).

Beim Schlagen der Flügel ziehen sich diese Muskeln blitzschnell zusammen und entspannen sich wieder (LC).

Bei so vielen Terminen habe sie *immer im Gehen* etwas gegessen (LC).

В высказываниях кратного типа с гетерогенно-таксисными или «политаксисными» (термин наш – И. В. Архипова) предложениями *in, bei, mit, unter, durch* в модальном, инструментальном, кондициональном, медиальном или каузальном значениях, а также с «монотаксисными» предложениями финальной, каузальной и concessивной семантики *vor, aus, wegen, trotz, zu, für* актуализируются таксисные категориальные ситуации с различными значениями логической обусловленности (модальными, инструментальными, медиальными, кондициональными, каузальными, финальными, concessивными):

Mit lautem Schnattern, Gurren und Gackern wurden die Besucher begrüßt (LC).

Er glänzte *durch mehrmaliges Mitwirken* bei den „Schmalspurganoven“ und ist Mitglied des Männerballetts „Ranca Alt Youngo“ (LC).

Was die Männer *mit Kopfnicken quittierten*, bevor sie das Urteil annahmen (LC).

Durch das Rascheln mit Salatblättern, das Klopfen auf Auberginen, das Quietschen mit Gurken oder das Zerschneiden eines Kohlkopfes zaubert das Orchester hypnotische und rhythmische Klänge – eine Musik irgendwo zwischen Walgeräuschen und Techno (LC).

При языковой репрезентации итеративно-таксисных значений прототипический характер имеют итеративные девербативы с семантикой генетической (мультипликативной или дистрибутивной) кратности и девербативы-итеративы словообразовательной кратности (мультипликативной, итеративной) [Архипова, 2012б, с. 29–30].

Девербативы-итеративы с семантикой генетической кратности, являющиеся именами производными от различных глаголов итеративно-фреквентативного характера (das Nicken, das Kopfnicken, das Klopfen, das Schulterklopfen, das Schlucken, das Händeschütteln, das Kopfschütteln, das Summen, das Brummen, das Schnattern, das Scharren, das Rascheln, das Rauschen, das Sausen, das Schwirren, das Sirren, das Summen, das Surren, das Säuseln, das Zirpen, das Zischen, das Zucken, das Schulterzucken, das Streicheln, das Streichen, das Knurren, das Gurren, das Gackern, das Knarren, das Knistern, das Quietschen, das Kreischen, das Schluchzen, das Schnarchen, das Fauchen, das Schnurren, das Babbeln) и девербативы-итеративы с семантикой словообразовательной кратности (die Verbeugungen, die Erzählungen, die Besichtigungen, die Beobachtungen, die Unterhaltungen, die Befragungen, die Unterredungen, die Verhandlungen, die Verabredungen, die Überlegungen, die Angriffe, die Besuche, die Wanderungen, die Begegnungen) принимают участие «в реализации множественности процессуального характера» [Шарапов, 1990, с. 167] в различных итеративно-таксисных категориальных ситуациях. Например:

Beim Streicheln wird das Bindungshormon Oxytocin ausgeschüttet, und zwar ähnlich viel wie bei einer Mutter, die ihr Neugeborenes in den Armen hält (LC).

Er lachte *mit Kopfnicken*, als er zugab, dass das Werkeln mit Holz ganz klar mehr Spaß mache als der „normale“ Unterricht (LC).

Nach knapp 20 Minuten Reden rollt der Stolz der Daimler-Trucker flott und *mit kaum wahrnehmbarem Sirren* an den hunderten anwesenden Journalisten vorbei (LC).

Riesige Flammen verschlingen die Zuckerrohrblüten *mit lautem Knistern* (LC).

Mit Zischen und Krachen setzten die 15 Goßlschnalzer aus Mühldorf über den Köpfen der Festversammlung mit ihren knallenden Peitschen einen Höhepunkt und den Abschluss des Festes (LC).

Среди глаголов итеративной семантики следует выделять: мультипликативные (итеративно-семельфактивные) глаголы (zittern, wippen, ächzen, flüstern, zucken, seufzen, schlucken, klopfen,

schnalzen, lallen, zischen, krächzen, schluchzen, schwanken), собственно итеративные (rutschen, schnarren, streichen, schnattern, summen, brummen, sirren), деминутивно-интенсивно-итеративные глаголы (rasseln, stammeln, murmeln, lächeln, streicheln, rattern), а также дистрибутивы (zusammenrufen, zusammenkommen, auseinandergehen, sich zusammendrängen, zusammenkrachen, auseinanderspringen) [Кибардина, 1989, с. 170; Архипова, 2013а, с. 95].

Глаголы итеративной семантики (собственно итеративы, мультипликативы, дистрибутивы) при взаимодействии с итеративными или неитеративными девербативами актуализируют таксисные значения итеративной, мультипликативной и дистрибутивной одновременности или разновременности в итеративно-таксисных категориальных ситуациях. Например:

Ich arbeite als Zahntechniker und *meistens im Sitzen* (LC).

Manchmal rutscht eine ihrer Puppen über Nacht zur Seite oder kippt *im Sitzen* nach hinten (LC).

Bäume *schwanken beim Gehen* merkt man den Widerstand gegen den Wind (LC).

Sofia *wippt beim Gehen* sogar dezent im Rhythmus mit (LC).

Außerdem *rutschen* sie auch gerne *beim Gehen herunter* (LC).

Eine schwere Rüstung, die *beim Gehen klappert*, ein geschmücktes Pferd und eine lange Lanze in der Hand (LC).

Normalerweise *schwingt* der Arm *beim Gehen* im Rhythmus zum Bein auf der gegenüberliegenden Seite *mit*, um den unteren Rücken zu unterstützen (LC).

К элементам контекста или среды итеративного значения относятся итеративные адвербиальные единицы. Таковыми являются квантитативно-итеративные атрибуты (jeder, mehrfach, mehrmalig) и различные квантитативно-итеративные адвербиалы.

В лингвистической литературе выделяют следующие итеративные адвербиалы:

(1) адвербиалы с семантикой цикличности (wieder, wiederum, stets, morgens, abends, nachts, sonnabends, freitags, sonntags, beständig);

(2) адвербиалы с семантикой кратности (mehrfach, mehrmals, einigemal, häufig);

(3) адвербиалы счётного комплекса (zweimal, dreimal);

(4) адвербиалы с семантикой узуальности действия (gewöhnlich);

(5) адвербиалы с семантикой интервала действия (manchmal, oft, meistens, ab un dzu);

(6) комплексные адвербиалы (zweimal täglich, meistens abends);

(7) адвербиалы с семантикой квантитативной итеративности (jedesmal, oftmals, nochmals)

(8) адвербиалы с семантикой частотности (определенной / неопределенной) (immer, gelegentlich, fast immer, jederzeit, wieder) [Кибардина, 1989, с. 174; Храковский, 1989, с. 19–20; Шустова, 2010, с. 196–198; Комиссарова, 2014, с. 9–10]. Например:

Beim Gehen achtet er *immer* darauf, auf Höhe von Lindas Gesicht zu bleiben (LC).

Bei so vielen Terminen habe sie *immer im Gehen* etwas gegessen (LC).

Denn *oftmals* bleibt man schon *beim Anziehen* mit dem Fingernagel hängen und hat dann sofort eine Laufmasche (LC).

В случае отсутствия лексических экспликаторов итеративности релевантный характер приобретают дополнительные акциональные значения неитеративных глаголов или множественность предикатных актантов высказываний (субъектных, объектных). Итеративность действий (процессов, событий) может сопровождаться такими их качественными характеристиками как: интенсивность, деминутивность, взаимность совершения,

комитативность и другие [Балин, Гакен, 1977, с. 11–12]. В таких высказываниях актуализируются непрототипические варианты итеративно-таксисных ситуаций.

В высказываниях с неитеративными глаголами и девербативами и при отсутствии лексических экспликатов итеративности – итеративных адвербиалов и атрибутов – актуализируются дистрибутивно-таксисные значения одновременности и разновременности. В приведённых ниже высказываниях репрезентируются дистрибутивно-таксисные значения одновременности при субъектной и объектной множественности обозначаемых действий. Кроме того, дистрибутивно-таксисная семантика высказываний характеризуется дополнительными значениями взаимности совершения действия, диминутивности и интенсивности (глагол *reden* и наречия *wenig* и *schnell*) [Архипова, 2012б, с. 112–113]:

Ich redete vor mich hin beim Gehn, abgerissene Sätze ... (H. Fallada).

Beim Frühstück redeten wir wenig miteinander (C. Wiesner).

Ich wagte noch nicht, eine längere Pause zu machen und mich auf die Böschung zu setzen wie der Paster, dem man zubilligte, da er eine lange dürre Gestalt hatte und beim Rohrlegen schnell die Kommandos gab (C. Wiesner).

Doch er redet im Sitzen weiter. (www.op-marburg.de, gecrawlt am 26.03.2018).

Während der Arbeit an meinen Obstbäumensinge ich Rujik-Lieder vor mich ... (H. Böll).

Beim Öffnen werden sofort alle Geräte angezeigt, die im Smart Home integriert sind (LC).

Im Gehen sammeln die Wanderer Tiroler Wörter, die vom Aussterben bedroht sind (LC).

Высказывания, репрезентирующие итеративно-таксисные категориальные ситуации, в ряде случаев, характеризуются синкретизмом генетической или словообразовательной итеративности девербативов (мультипликативной, итеративной, дистрибутивной), таксисно обусловленной (термин Р. З. Мурясова) [Мурясов, 1991, с. 80] или вербальной итеративности (термин наш – И. В. Архипова) и квантитативно-адвербиальной или квантитативно-атрибутивной итеративности. Последняя обусловлена наличием различных итеративных адвербиалов и атрибутов (*jeder*, *mehrfach*, *mehrmalig*, *oft*, *manchmal*, *selten*, *immer*, *immerwieder*, *meistens*, *stets*).

Девербативы-соматизмы со значением мультипликативной генетической кратности (*das Lächeln*, *das Lachen*, *das Kopfschütteln*, *das Handeschütteln*, *das Kopfnicken*, *das Achselzucken*, *das Körperzucken*, *das Schmunzeln*, *das Grinsen*, *das Seufzen*, *das Augenzwinkern*, *das Zwinkern*, *das Schnalzen*) в контекстуальном окружении с неопределённым артиклем «теряют» своё генетическое мультипликативно-таксисное значение. При употреблении с неопределённым артиклем, подчеркивающим одноактность обозначаемых действий или процессов, такие девербативы с предлогом *mit* актуализируют семейфактивно-таксисное значение. В приведённых ниже высказываниях с предлогом *mit* они реализуют модально-таксисные и медиально-таксисные значения некратной одновременности. Сравните:

Mit einem Augenzwinkern nimmt das Stück zugleich die Figur des einsamen Helden mit der rauhen Schale auf die Schippe (LC).

Im Ziel quittiert er seine Fahrt *mit einem Kopfschütteln* – da war gerade unten mehr drin! (LC).

Mit einem Kopfschütteln sagte ihr Vorgesetzter, dass er nun noch einmal ein Exemplar besorgt, dass sie bitte “schön ordentlich unterschreibt, so wie es sein soll“ (LC).

Das ist weniger brachial und wird dem potentiellen Online-Kunden *mit einem Zwinkern* mitgeteilt (LC).

Wenn sie dort etwas nicht finden, kommen sie zu uns“, sagt sie *mit einem Achselzucken* (LC).

Mit einem breiten Grinsen schwingt sich Präsident Jacob Zuma auf die Bühne vor dem Parlament in Kapstadt und dankt seinen Anhängern (LC).

Nur mit einem kurzen Nicken quittierte er die Frage, ob er mit dem gerade gegen ihn gefällten Urteil zufrieden sei (LC).

Dann ruft Toni Püig ihn *mit einem lauten Schnalzen*, der Falke landet auf seiner Hand (LC).

Кроме того, девербативы-соматизмы *das Schmunzeln*, *das Grinsen*, *das Lachen*, *das Lächeln* при употреблении с артиклем или указательным местоимением и в сочетании с квалификативно-оценочными атрибутами приобретают «опредмеченное» значение, обозначая «мимические движения на лице человека» (*das Lächeln* – улыбка; *das Schmunzeln* или *das Grinsen* – ухмылка) [Архипова, 2012б, с. 91]. Утрачивая вербогенно-процессуальный характер они «теряют» свой таксисный потенциал или «таксисные потенции». В приведённых ниже высказываниях с предлогом *mit* данные девербативы-соматизмы не способны реализовать модально-таксисные значения одновременности. Сравните, например:

Mit einem Schmunzeln im Gesicht und bequem auf seinem Stuhl sitzend empfängt Bernhard Linden seine Besucher (LC).

Sie belügen und betrügen uns *mit einem Lachen im Gesicht* (LC).

Mit einem breiten Grinsen im Gesicht kommt Jacqueline Fuchs am Dienstagmittag am Flughafen Zürich an (LC).

Таким образом, при актуализации итеративно-таксисных значений прототипический и диагностический характер имеют следующие контекстуальные элементы:

- (1) итеративные девербативы со значением генетической или словообразовательной кратности;
- (2) глаголы итеративной семантики (собственно итеративные, мультипликативные, дистрибутивные);
- (3) итеративные квантификаторы (итеративные адвербиалы и атрибуты);
- (4) множественность объектных и субъектных актантов действий;
- (5) дополнительные акциональные характеристики глаголов (комитативности, интенсивности и других).

При актуализации таксисных значений разновременности (следования, предшествования) к доминантным элементам контекста или среды, в которой вербогенно-таксисные девербативы реализуют свой функциональный потенциал, относятся:

(1) «таксисообразующие» предлоги *vor*, *nach*, *seit*, *bis*, эксплицирующие таксисную семантику предшествования или следования;

(2) дуративные квантификаторы (адвербиалы и атрибуты дуративной семантики *kurz*, *lang*, *stundenlang*, *wochenlang*, *lange*, *gleich*, *sofort*, *unmittelbar*, *bald*, *viel*, *anderthalb Wochen*, *zwei Wochen*, *einen Tag*, *eine halbe Stunde*, *zwei Stunden*), маркирующие таксисную семантику строгого (сильного, контактного) или нестрогого (слабого, дистантного) следования или предшествования.

Дуративные квантификаторы выполняют функции лексических экспликаторов и «временных делимитаторов» разновременности, указывая на определенное «временное» расположение обозначаемых в высказываниях действий, процессов или событий. В функции временных делимитаторов они «отграничивают» следующие друг за другом или предшествующие друг другу действия (процессы, события) и одновременно эксплицируют временной промежуток, имеющий место между их «индивидуальными внутренними временами» (то есть временами их совершения) [Архипова, 2012б, с. 84]. Например:

Als ich mir einmal gleich nach dem Aufstehen ein Stück Lachs in die Pfanne donnerte, wird mir klar, dass ich langsam wahnsinnig werde (LC).

Kurz nach seiner Anreise traf er sich bereits mit dem tschechischen Außenminister Lubomír Zaorálek zu einem informellen Abendessen (LC).

Nach wochenlangem Schweigen meldet sich der Beschuldigte jetzt zu Wort (LC).

Nach kurzem Abtasten erarbeitete sich Friesen ein optisches Übergewicht und damit auch die ersten Torchancen (LC).

Nach einer kurzen Begrüßung gab es vor dem Start das obligatorische Gruppenfoto (LC).

Nach langem Drängen der Bundesländer erhöht die Bundesregierung die Soforthilfe für die Flüchtlingsarbeit in den Städten und Gemeinden (LC).

Ich habe mich *nach einigem Überlegen* ganz bewusst dieser Aufgabe gestellt (LC).

Drei Jahre nach dem Eintritt Saudi-Arabiens in den Krieg im Jemen haben Hilfswerke mehr Hilfe und Schutz für die jemenitischen Kinder gefordert (LC).

Einen Tag vor der Abreise bat mich mein Dad um ein Gespräch mit mir allein (LC).

Unmittelbar nach der Kündigung Schmidts hatte ich mit ihnen eine Sitzung (LC).

Sofort nach dem Öffnen der Tür drang heller Rauch aus den Räumlichkeiten (LC).

При языковой репрезентации кондиционально-таксисных значений одновременности в высказываниях с предлогом *bei* употребляются *кондициональные актуализаторы* (частицы *erst*, *nur*, *aber* и атрибуты). Определительно-оценочные компоненты девербативных существительных (атрибуты *näher*, *genauer*, *zärter*, *oberflächlich*), характеризующих их, ограничивают тем самым сферу употребления всей предложной конструкции с *bei*, что в свою очередь становится условием осуществления действий (процессов, событий) глагольных сказуемых [Архипова, 2012б, с. 95]. Например:

Bei näherem Betrachten wird die Notwendigkeit der Erneuerung aber schnell deutlich (LC).

Nun, *bei genauerem Überlegen* scheint es mir, dass es genau dieses Konzept ist, das der ganzen Idee des Monetarismus zugrunde liegt (LC).

Bei oberflächlicher Betrachtung lösen die dort aufgelisteten Fälle erst mal nur Kopfschütteln aus (LC).

Bei genauerer Betrachtung gibt es einige Argumente für den stolzen Preis (LC).

Erwachsene atmen *nur beim Schlafen* automatisch in den Bauch (LC).

Erst beim Hinausgehen realisiere ich, dass ich anderthalb Stunden mit einem Briten über Europa geredet habe, ohne dass ein einziges Mal das Wort «Brexit» fiel (LC).

При актуализации инструментально-таксисных значений одновременности доминантный характер имеют:

(1) девербативы с предлогами *mit* и *durch* в инструментальном значении;

(2) каузативные глаголы с интегральной семой «модификация» (физическая, перцептивная, информативная и психической сферы) [Шустова, 2010, с. 100–102]. Например:

Durch Ziehen an den Endfäden werden Fältchen erzeugt und der Stoff wird so auf eine geringere Breite gekürzt (LC).

Durch Ziehen der Reißleine werden die Ballons mit einem Stickstoff-Luft-Gemisch gefüllt (LC).

Mit dem Verschieben des sogenannten Waagerings lässt sich der Drachen einstellen (LC).

Nun ist nicht nur die 192 Quadratmeter große Mehrzweckhalle entstanden, die *durch seitliches Verschieben der Trennwände* zusätzliche 50 Quadratmeter erweitert werden kann (LC).

При актуализации медиально-таксисной категориальной ситуации как разновидности инструментально-таксисной категориальной ситуации к протитипическим элементам контекста относятся:

(1) акциональные и процессуальные девербативы-соматизмы с предлогом *mit*, обозначающие различные жесты и телодвижения человека как субъекта действия (*das Achselzucken, das Ausbreiten der Hände, das Aufblitzen der Augen, das Kopfschütteln, das Kopfnicken, das Lachen, das Heben des Kinns, das Senken der Augenlider, das Zurückwerfen des Kopfes*).

(2) каузативные глаголы психического (эмоционального / интеллектуального) и физического воздействия с интегральной семой «физическая / психическая модификация», а также информативно-модифицирующие глаголы с семой «модификация информативного состояния лица / модификация системы убеждений» (каузативы доказательства, демонстрации, подтверждения, опровержения) [Шустова, 2010, с. 101–102] (*belegen, erweisen, nachweisen, betuern, anmahnen, ermahnen, beweisen, überzeugen, begründen, aufweisen, aufzeigen, zeigen, erklären, reagieren, hindeuten, andeuten, behaupten, bestätigen, bekräftigen, auffordern, abtun, abschneiden, quittieren, entlarven*). Сравните:

Die anderen Besucher *quittierten* das *mit zustimmendem Klopfen* (LC).

Mit Kopfnicken bestätigten sie die Schilderung des Rathauschefs, der sagte, dass Anwohner immer wieder zu Unrecht angegangen würden, wenn von „den Volksfestnachbarn“ die Rede sei (LC).

Chirac und Schröder *bekräftigten* die Worte Putins *mit energischem Kopfnicken* (LC).

Auf die Frage, ob sich die Finanzkrise wiederholen könne, *reagierte* Vorstand Stefan Kalt *mit einem Achselzucken*: „Die Weltwirtschaft hat nichts daraus gelernt“ (LC).

Viele *werden* die nächste *mit einem Schulterzucken quittieren* (LC).

Den Kreispokal der Kicker, der in dieser Woche mit der zweiten Runde fortgesetzt wird, *quittieren* viele Trainer eher *mit einem Naserümpfen* (LC).

Mit einem Augenzwinkern und kurzen Anekdoten *entlarvt* er irreführende Vorstellungen und Erklärungen: Alles hat seinen Sinn, man muss nur genau hinschauen (LC).

«Sie ist eine tolle Frau», *bestätigt* der Patriarch *mit heftigem Nicken seines Kopfes* (LC).

При актуализации модально-таксисной категориальной ситуации к протитипическим элементам контекста относятся:

(1) акциональные и процессуальные девербативы-соматизмы, обозначающие кинетическое поведение людей, их психические состояния, настроения, а также внешние проявления чувств (*das Bedauern, das Erstaunen, das Erschrecken, das Herzklopfen, das Lachen, das Lächeln, das Nicken, das Kopfnicken, das Kopfschütteln, das Achselzucken, das Augenzwinkern, das Seufzen, das Schluchzen, das Schreien*), а также девербативы-мультипликативы, обозначающие различные шумы и звуки, сопровождающие действия или физические («естественные», природные) процессы (*das Ächzen, das Kreischen, das Zischen, das Quietschen, das Knistern, das Knarren, das Schnurren, das Rauschen, das Säuseln*) в сочетании с предлогами *mit, durch, in, unter*;

(2) глаголы вербальной и невербальной коммуникации (речи или зрительного восприятия) (*meinen, sagen, fragen, antworten, erwidern, mitteilen, zeigen, sehen, blicken, anblicken, betrachten, beobachten, wahrnehmen, anschauen*), а также некоторые кинетические глаголы, обозначающие жесты и телодвижения человека (*zucken, nicken, den Kopf schütteln, den Kopf nicken*). Например:

Spezialkräfte drangen *unter lautem Schreien* und *Rufen* in das Wohnhaus von Jan Hendrik H. ein (LC).

Sie lässt sich gern streicheln und zeigt *mit lautem Schnurren*, wie gut ihr diese Zuwendung gefällt (LC).

Es gibt auch leise Momente, da drehen sich die Männer ab, lassen die Köpfe hängen und die Schultern zucken *in unhörbarem Schluchzen* (LC).

Mit einem Quietschen, das (gewollt?) wie ein Miauen klingt, geht die Tür auf, und schon taucht man in eine andere Welt ein (LC).

Die Position des Verfassungspatrioten wird heute nur noch *mit einem Achselzucken* wahrgenommen (LC).

Einiges betrachte ich *mit Augenzwinkern* (LC).

Mit Kopfschütteln meinte ich, jene die wohl einfach aufgesprungen sind und sehr bald wohl nicht mehr wirklich gescheit rauskommen werden (LC).

Заключение

Таким образом, функциональный потенциал предложных девербативов, определяемый как комплекс их таксисных функций-потенций, реализуется в определённом контекстуальном окружении, а прототипические элементы такого контекста позволяют диагностировать и описывать различные таксисные категориальные ситуации: итеративно-таксисные, инструментально-таксисные, медиально-таксисные, модально-таксисные, кондиционально-таксисные и другие.

Список литературы

1. Архипова И. В. Высказывание с предложными девербативами в современном немецком языке // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2012а. Т. 9. № 5. С. 95–104.
2. Архипова И. В. Высказывание с предложными девербативами в современном немецком языке. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2012б. 148 с.
3. Архипова И. В. Кратный таксис в современном немецком языке // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2013а. № 6 (16). С. 149–159.
4. Архипова И. В. Предложные девербативы в современном немецком языке. Монография. Новосибирск: Изд-ва «Новосибирский педагогический университет». 2013б. 80 с.
5. Архипова И. В. Предложный девербатив как конститuent зависимого таксиса современного немецкого языка // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. № 4. С. 135–142.
6. Балин Б. М., Гакен О. Д. Итеративность глагольного действия (на материале немецкого языка) // Проблемы аспектологии: Межвузовский сборник / Отв. ред. Б. М. Балин. Калинин: Изд-во «Калининский университет», 1977. Вып. 3. С. 9–20.
7. Бондарко А. В. Теория значения в аспекте функциональной грамматики: на материале русского языка. Москва: Языки славянской культуры, 2002. 736 с.
8. Бондарко А. В. Категоризация в системе грамматики. Москва: Языки славянских культур, 2011. 488 с.
9. Комиссарова Е. С. Итеративные адвербиальные единицы в функционально-семантическом аспекте: Автореф... к. филол. н. Пермь, 2014. 24 с.
10. Кибардина С. М. Выражение множественности действий в немецком языке // Типология итеративных конструкций / Отв. ред. В. С. Храковский. Ленинград: Наука, 1989. С. 170–179.
11. Мурясов Р. З. Словообразование и теория номинализации // Вопросы языкознания. 1989. № 2. С. 39–53.
12. Мурясов Р. З. Номинализация и аспектология // Вопросы языкознания. 1991. № 3. С. 74–91.

13. Храковский В. С. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // Типология итеративных конструкций / Отв. ред. В. С. Храковский. Ленинград: Наука, 1989. С. 5–54.
14. Шарапов А. А. О морфологической выраженности значения множественности в современном немецком языке // Функционирование и развитие языковых систем: Сборник научных трудов / Гл. ред. А. П. Клименко. Минск: Высшая школа, 1990. С. 148–151.
15. Шустова С. В. Функциональные свойства каузативных глаголов: динамический подход. Монография. Изд. 2-е, испр., дополн. Пермь: Изд-во «Пермский государственный университет», «Прикамский социальный институт». 2010. 248 с.
16. Sandberg B. Die neutrale -(e)n- Ableitung der deutschen Gegenwartsprache. Zu dem Aspekt der Lexikalisierung bei den Verbalsubstantiven. Göteborg, 1976. 229 S.
17. LC – Leipzig Corpora Collection URL: <https://wortschatz.uni-leipzig.de/de> (дата обращения: 11.01.2020).

Arkhipova I. V.

*Ph.D. (Philology), Professor,
Novosibirsk State University*

FUNCTIONAL POTENTIAL OF DEVERBATIVES AND ITS IMPLEMENTATION IN THE CONTEXT

This article is devoted to the description of the functional potential of deverbatives, actualizing taxis values of simultaneity and difference in the composition of sentence constructions. The functional potential of proposed deverbatives is realized in a specific contextual environment, and the prototypical context elements allow to describe various taxis categorical situations (iterative-taxis, instrumental-taxis, medial-taxis, modal taxis, conditionally taxis, etc.). The article discusses various options for taxis categorical situations of simultaneity and difference at the same time (iterative-taxis, modal-taxis, instrumental-taxis, medial-taxis and conditional-taxis), as well as prototypical context elements that allow proposed derivatives to actualize their taxis potential. When iterative-taxis values of simultaneity and difference are actualized, iterative deverbatives with the meaning of genetic or word-formation multiplicity, iterative semantics verbs (iterative, multiplicative, distributive ones), as well as iterative quantifiers (adverbs and attributes) are of a prototype nature. In the representation of taxis values of the difference in time, the dominant elements of the context include “taxis-forming” prepositions vor, nach, seit, bis, explicating taxis semantics of preceding or following, as well as dummy quantifiers and temporal delimiters. With the updating of the second or circumstantially taxis categorical situation of simultaneity (modal, instrumental, medial, conditional, etc.), the taxis-forming prepositions während bei, in, mit, durch, vor, aus, wegen, trotz, zu, für become relevant; semantics of deverbatives, including joint / procedural somatisms, and verbs (verbal / non-verbal communication, causative with the meaning of mental / physical impact, etc.), as well as the presence of conditional actualizers in the contextual environment.

Key words: deverbatives, functional potential, context, environment, taxis categorical situations, taxis values of simultaneity, taxis values of simultaneity.

УДК 811

Шустова Светлана Викторовна

Доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и перевода,
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
Тел.: +7 (342) 2396283
E-mail: lanaschust@mail.ru

Хорошева Наталья Владимировна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода,
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
Тел.: +7 (342) 2396283
E-mail: romanphyl@gmail.com

Зубарева Екатерина Олеговна

Факультет современных иностранных языков и литератур,
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
Тел.: +7 (342) 2396339
E-mail: modlanglit@f424.i.mail.ru

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «РОДИТЕЛИ-МИГРАНТЫ» В НАУЧНОМ И МЕДИЙНОМ ДИСКУРСАХ

Интенсивные миграционные процессы стали неотъемлемой частью мировой экономики, политической и социальной жизни людей. Повышенная миграционная активность обусловлена гуманитарными, экономическими, социально-политическими причинами. Миграция является причиной обострения языковой конфликтности и речевой агрессии, неблагоприятные последствия которых невозможно урегулировать только с помощью политических или правовых мер, что приводит к повышению уровня интолерантности, ксенофобии и мигрантофобии. Формирование нового направления – миграционной лингвистики – обуславливает открытие новых граней анализа языковых фактов. Одним из аспектов, находящихся в фокусе внимания исследователей, занимающихся проблемами миграционной лингвистики, является анализ и портретирование социальных агентов миграционного дискурса, анализ языковых средств, репрезентирующих образ мигранта. Анализируемый в статье концепт «Родители-мигранты» ранее не изучался, корпусные данные отсутствуют, в связи с этим авторы использовали платформу научной электронной библиотеки как базу для поиска материала. Кроме того, используются корпус русского языка лаборатории корпусной лингвистики Лейпцигского университета,

программа AntConc. Анализ актуализации концепта «Родители-мигранты» в научном и медийном дискурсах позволяет нам выделить семантические модули, представляющие элементы концептуального поля «Родители-мигранты». Семантические модули представляют смысловые фрагменты, отражающие разные стороны исследуемого концепта.

Ключевые слова: миграция, концепт, родители-мигранты, миграционная лингвистика, миграционный дискурс, семантический модуль.

Введение

Предлагаемая работа выполнена в рамках формирующегося направления – миграционной лингвистики. У истоков данного направления стоят европейские ученые Е. Гугенбергер [Gugenberger, 2018], Т. ван Дейк [Dijk, 2018], Т. Крефельд [Krefeld, 2004], П. Керсвилл [Kerswill, 2006], Т. Штель [Stehl, 2011].

Анализ актуализации концепта «Родители-мигранты» в научном и медийном дискурсах позволяет нам выделить семантические модули, представляющие элементы концептуального поля «Родители-мигранты». Миграция является социальным и политическим феноменом, поэтому, в общем, мы понимаем миграционный дискурс как социальную практику, общение между агентами и социальными институтами, «это общение людей, рассматриваемое с позиций их принадлежности к той или иной социальной группе или применительно к той или иной типичной речеповеденческой ситуации, например, институциональное общение» [Карасик, 2016, с. 22]. В связи с таким пониманием миграционный дискурс рассматривается как институциональный, то есть общение в рамках сложившихся в обществе институтов как взаимодействие, порождаемое самой деятельностью того или иного социального института или специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга лично, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума. В роли главных агентов миграционного дискурса выступают мигранты и титульная нация, агенты, выполняющие разные социальные роли, например, полицейские, педагоги, врачи, социальные работники, журналисты, политики и т. д. Миграционный дискурс также рассматривается как идеологический конструкт, который выражает определенную позицию общества и формирует отношение к миграции и мигрантам.

Авторы разрабатывают понятие «концептуальное поле», которое представляет собой сложное ментальное образование, объединяющее несколько компонентов, позволяющих представить комплексное актуализированное содержание и структуру коммуникативно-релевантной части концепта как отражение сознания носителей конкретного языка [Зубарева, 2019, с. 420–422]. Концепт как базовый элемент концептуального поля актуализирует компонент национального языкового сознания и формирует наивную картину мира носителей языка (см. [Попова, Стернин, 2007а]).

Концепт – это отражение картины мира в сознании человека. Все накопленные знания формируют некую систему, состоящую из концептов разной сложности и абстракции [Болдырев, 2014]. Существуют следующие источники формирования концепта в сознании человека:

- 1) его непосредственного чувственного опыта – восприятия мира органами чувств;
- 2) его предметной деятельности;
- 3) мыслительных операций с уже существующими в его сознании концептами;
- 4) из языкового общения;
- 5) путём сознательного познания языковых единиц [Попова, Стернин, 2007, с. 85].

Концепт включает в себя то, что индивид думает, воображает, предполагает, знает об объектах мира. Эти знания, размышления, образы у каждого человека свои собственные, и в зависимости от его индивидуального опыта концепт будет по-разному отражаться в его сознании. В понимании структуры концепта нет единства, как нет единства и в определении самого концепта. Сложность строения концепта отмечает Ю. С. Степанов: «С одной стороны, к ней принадлежит все, что принадлежит строению понятия..., с другой стороны, в структуру концепта входит все то, что и делает его фактом культуры – исходная форма (этимология), сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки и т. д.» [Степанов, 2001, с. 43]. Ю. С. Степанов выделяет три компонента структуры концепта: 1) основной, актуальный признак; 2) дополнительный или несколько дополнительных, «пассивных» признаков, являющихся уже неактуальными, «историческими»; 3) внутреннюю форму, обычно вовсе не осознаваемую, запечатлённую во внешней, словесной форме [там же].

По мнению В. И. Карасика, концепт – это образование многомерное, включающее в себя ценностную, понятийную и предметно-образную составляющие. Образная сторона концепта – это релевантные признаки практического знания. Понятийная сторона концепта – это языковая фиксация концепта. Ценностная – это важность этого психического образования как для индивидуума, так и для коллектива [Карасик, 1997].

Для анализа языкового материала в статье используются гипотетико-индуктивный и гипотетико-дедуктивный методы. В качестве материала выступают данные, полученные с помощью программы AntConc, которая способствует созданию собственного корпуса (анализировались научные публикации платформы elibrary), а также данные корпуса русского языка лаборатории корпусной лингвистики Лейпцигского университета.

Основная часть

Концептуальное поле предоставляет возможность рассматривать связи компонентов концепта в лингвистическом срезе, анализировать ассоциативные и динамические связи между ними, в то время как понятие концептосферы относится к социальной природе концепта и его социокультурной значимости. В рамках нашего исследования концептуальное поле рассматривается как модель, позволяющая описать все семантическое богатство конкретного концепта, представленного одноименным ключевым словом [Зубарева, 2019, с. 41–42].

Синонимический ряд слова «Родители-мигранты» включает: *родитель, родитель-приезжий, родители детей мигрантов, родители детей-иммигрантов, родители-инофоны (LC)*.

Именно он, неизвестно как сюда попавший и проживший тут без году неделю, и есть настоящий москвич, а не те высокомерные «коренные», которые забыли, что они сами, либо их родители приехали в столицу лимитой и хватались за любую работу (elib).

Билингвизм учащегося нынешней полиэтнической школы уже совершенно иного свойства. Овладение родным (первым, материнским) языком осуществляется в семье и семьей поддерживается (родители-инофоны, сами плохо владея русским языком, в семье им не пользуются) (elib).

Целью работы с родителями детей-мигрантов является: педагогическое просвещение родителей детей-мигрантов, педагогическая поддержка и помощь в решении проблем семейного воспитания (elib).

Полученный материал исследования систематизирован в семантические модули, представляющие смысловой фрагмент действительности.

1. Семантический модуль «Разобщенность»

Разобщенность рассматривается как изолированность, обособленность, разъединение, разорванность и являет собой состояние человека, который лишен связи со своими близкими людьми. В ситуации разобщенности родителей-мигрантов и их детей огромная роль отводится бабушкам.

Трудовые мигранты оставляют своих детей в родительских семьях в сельской местности (elib).

Но при этом сохраняется опасность разобщения родителей-мигрантов и детей.

Международный опыт культурной интеграции мигрантов основывается на анализе экономики, географии, экологии, религиозной принадлежности, культурных изменений, культурной практики. Особое внимание уделяется культурному конфликту поколений «родители – дети», разработке инструментария культурной интеграции (elib).

Родители-мигранты предпринимают разные попытки для установления и поддержания контакта со своими детьми. Взаимоотношения родителей-мигрантов и их детей представляет интерес в ряде аспектов миграционной лингвистики: культурного шока и конфликтности миграции в целом. Процессы адаптации и социализации детей находятся под угрозой, если родители-мигранты вынуждены в целях обеспечения семьи уезжать на заработки в другие регионы, другие страны.

Изменения разделения труда между поколениями в семье современной сельской мигрантки на фоне раздельного проживания родителей и детей оказывают значительное влияние на процесс социализации детей и их дальнейшие взаимоотношения с матерями (elib).

2. Семантический модуль «Поддержание контакта с детьми»

Распространение мобильной телефонной связи позволяет матерям поддерживать ежедневную коммуникацию со своими детьми (elib).

3. Семантический модуль «Статус мигранта»

Бельгийские исследователи определяют мигрантов еще более широко, включая сюда не только второе, но и третье поколение: мигрантами считают всех тех, у кого бабушка с материнской стороны родилась за пределами Бельгии (elib).

4. Семантический модуль «Успех»

Еще большие прыжки совершили дети, чьи родители родились за границей. Дети иммигрантов перешли в первую лигу (elib).

5. Семантический модуль «Доступность информационной среды»

На сайте немецкой библиотечной ассоциации доступен для скачивания плакат для родителей мигрантов и их детей, который знакомит пользователей с библиотечными услугами (elib).

6. Семантический модуль «Межличностные отношения»

К внутренним факторам автор относит подвижность нервной системы ребенка и мотивацию учения к внешним условиям – условия обучения, отношения родителей-мигрантов к школе и учителям... (elib).

7. Семантический модуль «Профессиональная адаптация»

Представители этнических меньшинств демонстрируют более гибкий подход к трудоустройству и полагаются не только на официальные источники информации (например, центры по трудоустройству, рекрутинговые агентства), но и на родителей, родственников, ведут работы самостоятельно через интернет (elib).

8. Семантический модуль «Ответственность»

... если родители-мигранты привозят ребенка в Россию, то они с большей долей вероятности работают здесь легально, планируют получить гражданство (elib).

Это должно снизить стремление родителей-мигрантов использовать труд своих детей (LC).

9. Семантический модуль «Правовой статус»

Он также отметил, что ребенок остается вместе с родителями-мигрантами в том случае, если у них все в порядке с документами и есть подтверждение родства (LC).

Цюприс также предложила отменить процедуру оптации (выбора гражданства) для детей, рожденных в ФРГ от родителей-мигрантов, согласно которой в период с 18 до 23 лет они обязаны решить, получать паспорт ФРГ или паспорт страны их родителей (LC).

10. Семантический модуль «Языковая адаптация»

Некоторые учителя советуют родителям-мигрантам говорить по-немецки дома (LC).

11. Семантический модуль «Социальная адаптация»

Дети мигрантов не создают проблем в школе, поскольку, к счастью, нет проблемы, то нет и статистики о количестве детей школьного возраста, прибывших вместе с родителями-мигрантами в край, но не посещающих школу (LC).

Мы видим, что необходима и целенаправленная работа с родителями-мигрантами (LC).

Когда речь касается неграждан России, которые приехали в нашу страну, то, конечно, задача родителей-мигрантов сделать так, чтобы их дети адаптировались к требованиям школы и общества, в которое они приехали, как в гости (LC).

Работала в BQN-проекте для родителей-мигрантов "Переход от школы к профессии" (LC).

Второй важный вопрос: работа с мигрантами, то есть работа с родителями-мигрантами, что дело непростое (LC).

12. Семантический модуль «Педагогическое сопровождение»

Для исследования самостоятельной работы в процессе обучения детей-мигрантов иностранному языку нами использовался комплекс диагностических методик. К ним относятся анкетирование детей-мигрантов и их родителей, ранжирование качеств личности, включенное наблюдение, система экспертных оценок и другие (elib).

13. Семантический модуль «Психологическая адаптация»

На мероприятии было отмечено, что отсутствие родителей-мигрантов негативно влияет на психику и воспитание детей (LC).

14. Семантический модуль «Ассимиляция»

Многие мигранты не только не ассимилируются, но часто отказываются жить по правилам страны, куда они приехали или приехали их родители, это можно объяснить устойчивостью чувства укоренённости: в новые пространственно-временные условия попадает не только физический мир человека, но и его язык, обычаи, традиции, с которыми невозможно распрощаться исключительно «по команде» принимающей стороны (elib).

В начале 1990-х гг. в Америке появилась волна исследований на основе теории сегментной ассимиляции А. Портеса и М. Жу [Portes, Zhou, 1993]. Согласно традиционной теории ассимиляции все иммигранты встраиваются со временем в мейнстрим принимающего общества. А. Портес и М. Жу утверждают, что характер ассимиляции зависит: 1) от социально-экономической позиции мигрантов; 2) от их культурных особенностей; 3) от социальной среды. Конфликты с принимающим сообществом также влияют на результаты ассимиляции. В этом отношении конфликт выступает средством торможения процессов ассимиляции, либо он является стимулом для преодоления препятствий к ассимиляции. Важным аспектом является сохранение культурных ценностей диаспоры и миграционного сообщества [Александров, Баранова, Иванюшина, 2012, с. 176–199].

Заключение

Миграция является причиной обострения языковой конфликтогенности и речевой агрессии, неблагоприятные последствия которых невозможно урегулировать только с помощью политических или правовых мер, что приводит к повышению уровня интолерантности, ксенофобии и мигрантофобии, «язык, как и религия «не способны привести сами себя к простому компромиссу» [Larocse, 1992, р. 599]. Таким образом, актуальность изучения концептов, актуализируемых в миграционном дискурсе неоспорима, так как миграция затрагивает практически все сферы человеческой деятельности: политическую, экономическую, правовую, географическую, демографическую, социальную, культурную.

Список литературы

1. Александров Д. А., Баранова В. В., Иванюшина В. А. Дети и родители – мигранты во взаимодействии с российской школой // Вопросы образования, 2012, № 1. С. 176–199.
2. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. 236 с.
3. Зубарева Е. О. Номинативное поле концепта «МИГРАНТ» // Мир науки, культуры, образования, 2018. № 4(71). С. 420–422.
4. Карасик В. И. Языковые концепты как измерения культуры (субкатегориальный кластер темпоральности) // Концепты. Выпуск 2. Архангельск, 1997. С. 156–158.
5. Карасик В. И. Дискурсология как направление коммуникативной лингвистики // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2016. № 1(21). С. 17–34.

6. Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: «Истоки», 2007. 250 с.
7. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. Москва: Восток-Запад, 2007а. 314 с.
8. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2001.
9. Gugenberger E. Theorie und Empirie der Migrationslinguistik. Mit einer Studie zu den Galicieen und Galicierinnen in Argentinien. Austria: Forschung und Wissenschaft. Literatur und Sprachwissenschaft. B. 21. LiT Verlag. AG GmbH&Co.KG. Wien. 2018. URL: <https://www.google.com/search?tbm=bks&q=Migrationslinguistik> (дата обращения: 03.12.2019).
10. Dijk T. A., Ricard Zapata-Barrero Discourse and migration. · Evren Yalaz Editors // Qualitative Research in European Migration Studies. Switzerland: Springer Open, 2018. P. 227–245.
11. Kerswill P. Migration and language / Klaus Mattheier, Ulrich Ammon & Peter Trudgill (eds.) Sociolinguistics // Soziolinguistik. An international handbook of the science of language and society, 2nd edn., Vol 3. Berlin: De Gruyter, 2006. P. 2271–2285.
12. Krefeld Th. Einführung in die Migrationslinguistik. Von der Germania italiana in die Romania multipla. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2004. 173 p.
15. Laponce J. Language and Politics in Mary Hawkesworth and Maurice Kogan Encyclopedia of Government and Politics. London: Routledge, 1992. P. 586–602.
13. Portes A., Zhou M. The new second generation: Segmented assimilation and its variants // Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 530, 1993. P. 74-96.
14. Stehl Th. Sprache und Diskurse als Träger und Mittler mobiler Kulturen. Kommunikative Aspekte // Sprachen in mobilisierten Kulturen: Aspekte der Migrationslinguistik. Universitäts Verlag Potsdam, 2011. Hrsg. von Stehl, N. Franz, R. Kunow. S. 39–55.

Источники иллюстративного материала

1. LC – Лаборатория корпусной лингвистики Лейпцигского университета URL: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (дата обращения: август 2018).
2. Elib – Научная электронная библиотека <https://elibrary.ru/defaultx.asp> (дата обращения: февраль 2020).

Shustova S. V.

*Grand Ph.D. (Philology),
Perm State University*

Khorosheva N. V.

*Ph.D. (Philology),
Perm State University*

Zubareva E. O.

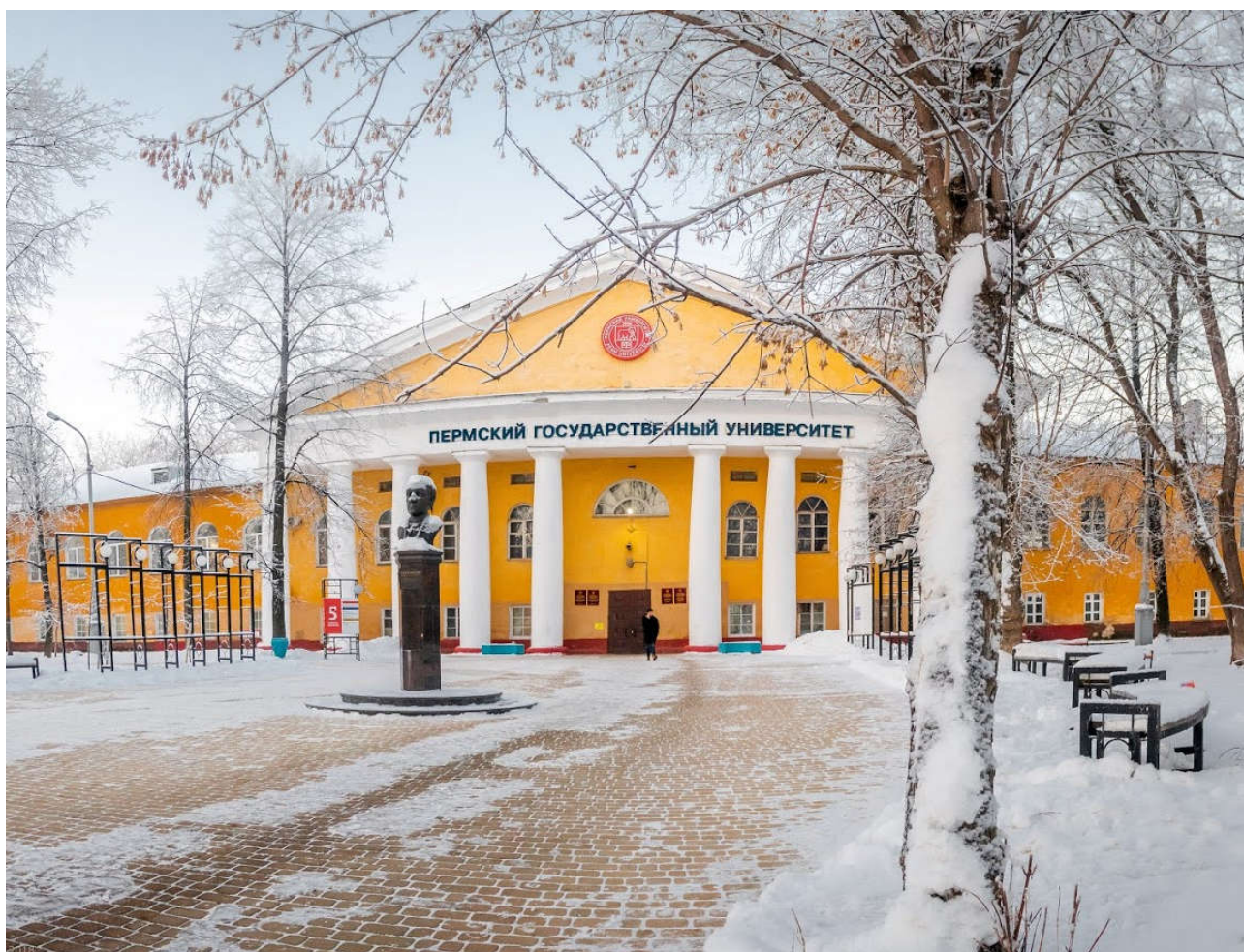
*Faculty of Foreign Languages and Literatures,
Perm State University*

LANGUAGE REPRESENTATION OF THE CONCEPT OF “MIGRANT PARENTS” IN SCIENTIFIC AND MEDIA DISCOURSES

Intensive migration processes have become an integral part of the global economy, the political and social life of people. Increased migration activity is due to humanitarian,

economic, socio-political reasons. Migration causes aggravation of linguistic conflictogenicity and verbal aggression, the adverse effects of which cannot be resolved only by political or legal measures, and it leads to an increase in intolerance, xenophobia and migrantophobia. The formation of a new discipline – migration linguistics – leads to the discovery of new facets of the analysis of linguistic facts. One of the aspects that are in the focus of attention of researchers dealing with the problems of migration linguistics is the analysis and portrayal of social agents of migration discourse, the analysis of language tools representing the image of a migrant. The concept “Migrant Parents” analysed in the article has not been studied before, the corpus data are not available, and that is why the authors used the platform of a scientific electronic library as a base for material search. In addition, the Russian language corpus of the laboratory of corpus linguistics of the University of Leipzig, and the AntConc program are used. An analysis of the representation of the concept of “Migrant Parents” in the scientific and media discourses allows us to highlight semantic modules representing elements of the conceptual field “Migrant Parents”. Semantic modules represent semantic fragments reflecting different sides of the concept under study.

Key words: migration, concept, migrant parents, migration linguistics, migration discourse, semantic module.

© Пресс-служба Пермского государственного национального исследовательского университета

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

УДК 821.111

Графова Ольга Игоревна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода,
Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15

Тел.: +7 (342) 2396283

E-mail: grafova.olly@gmail.com

ЭКФРАСИС КАРТИН НИДЕРЛАНДСКИХ ХУДОЖНИКОВ В ПРОЛОГЕ РОМАНА А. С. БАЙЕТТ «НАТЮРМОРТ»

В статье исследуются особенности экфрасических элементов в прологе романа современной английской писательницы Антони Сьюзен Байетт «Натюрморт» («Still Life», 1985), который является вторым романом тетралогии о семье Поттер («Дева в саду» («The Virgin in the Garden»), «Вавилонская башня» («Babel Tower») и «Свистящая женщина» («A Whistling Woman»)). Экфрасис картин нидерландских художников Пита Мондриана, Георга Хендрика Брейтнера и Ксавье Меллери представлен глазами одного из главных героев романа Дэниела Ортона. Упоминание Г. Х. Брейтнера отсылает к нескольким картинам художника с образами Амстердама, который представляется Дэниелу «мрачным и мерцающим», а картина П. Мондриана, на которую также нет прямой отсылки, описывается как «мрачная и облачная». Экфрасис картины К. Меллери «После вечерней молитвы» представляется в прологе дважды: первый раз описательно, второй же раз после воспоминаний о рождении сына, его судьбе и их сложных отношениях приобретает личные смыслы. Образы картин нидерландских художников мотивно и сюжетно связываются с образом Дэниела в романе и тетралогии в целом, что подчеркивается общим видением героя как нидерландской живописи в залах галереи, так и взглядом на жизнь с ее трагизмом – «он знал, что такое свет в темноте». Экфрасис картин нидерландских художников также создает противопоставление картинам французских постимпрессионистов рубежа XIX и XX вв., представленных в начале пролога романа, а образы картин нидерландской живописи подчеркивает контраст темного и хмурого образа Дэниела на фоне английского общества середины XX в.

Ключевые слова: экфрасис, картина, Байетт, роман, герой, образ.

Введение

Роман Антони Сьюзен Байетт «Натюрморт» («Still Life», 1985) входит в тетралогию писательницы о жизни в Англии с 1950-х по 1980-е гг. («Дева в саду», «Натюрморт», «Вавилонская башня», «Свистящая женщина»). Если первый роман «Дева в саду» («The Virgin in the Garden», 1978) обращен к театру и театральной жизни Великобритании под комическим углом, то второй роман тетралогии обращен к живописи, а его события глубоко трагичны. Обоим романам предшествует пролог, помещенный в пространство галереи,

который можно назвать экфрасической экспозицией (введением картины или другого произведения искусства непосредственно перед началом действия (перед завязкой) с целью подготовки читателя, представления героев и символического толкования произведения (см. подробнее: [Бочкарева, Графова, 2014; Графова, 2019, с. 27–34])), в которой главные герои романа Александр, Фредерика и Дэниел обсуждают и интерпретируют картины, полемизируя друг с другом и мнениями критиков и искусствоведов из каталога. Пролог первого романа «Дева в саду» отсылает нас к живописи и театру эпохи Ренессанса (см. подробнее: [Графова, 2015; Графова, 2018]). Пролог второго романа «Натюрморт» отсылает к живописи постимпрессионистов (см. подробнее: [Бочкарева, Графова, 2014]). Экфрасис картин Винсента Ван Гога, Поля Гогена и Клода Моне связываются в прологе второго романа с мотивами натюрморта, «тихой жизни» и «вещей в себе», связанные с образами Александра и Фредерики. Однако, как и в прологе первого романа, Дэниел Ортон, помощник священника и будущий муж Стефани (сестры Фредерики) становится участником встречи в галерее, что, безусловно, не может быть случайностью. Но, если в прологе первого романа Дэниел почти не участвует в беседе и в интерпретации картин, то в прологе второго романа он представляет свое видение того, что неожиданно становится для него близким, и притягивает его взгляд и мысли – зал с полотнами нидерландских художников.

Основная часть

После изучения полотен Винсента Ван Гога, Поля Гогена и Клода Моне Дэниел Ортон продолжает свой путь по галерее проходя дальше «в темный полумрак зала, в котором размещались работы художников с территории Исторических Нидерландов» («into the dark shadows of the room housing the Low Countries» [Byatt, 2003, p. 11]). Дэниел не проявил большого интереса к картинам постимпрессионистов, однако этот темный и угрюмый зал будто заманивает героя своим настроением. Обстановка «темного полумрака» напрямую отсылает к работам нидерландских художников, на картинах которых часто преобладают темные краски: черный, серый, коричневый. В этом зале Дэниел остается наедине с картинами и каталогом к выставке, который помогает посетителям понять и правильно «прочитать» картины. Дэниел обращает внимание на несколько картин. Сначала он видит полотно «После вечерней молитвы» («After Evening Prayers», 1910) бельгийского художника-символиста Ксавье Меллери (Xavier Mellery, 1845–1921): «Монашки поднимались и спускались по холодной серой лестнице в крылатых белых шапочках» («Nuns ascended and descended a cool grey stair in winged white caps» [там же]).

Экфрасис картины представляет собой необычное видение героя. Ему кажется, что монашки как поднимаются, так и спускаются по лестнице. Упоминание лестницы и движения вверх и вниз («ascending and descending») отсылает читателя к известному библейскому сюжету под названием «Лестница Иакова». Лестница из сна Иакова соединяет землю и небо: «И увидел во сне: вот, лестница стоит на земле, а верх её касается неба; и вот, Ангелы Божии восходят и нисходят по ней...» (Быт. 28-12-16). Переводное апокрифическое название – Лестница Иакова: «В книге Бытия (XXVIII, 10–22) содержится рассказ о том, как Иаков, сын Исаака, видит во сне лестницу, основание которой покоится на земле, а вершина достигает неба; по ней восходят и нисходят ангелы. Бог предвещает Иакову величие его рода в будущем» [Словарь книжников и книжности Древней Руси, 1989].

Если внимательно изучить картину Меллери, то можно заметить, что монашки друг за другом поднимаются по лестнице вверх (на картине нет монашек, которые спускаются вниз, что заметно тому, в какую сторону направлены их тела). Ступени, перила, и тень от них в лестничном просвете еще более усложняют и увеличивает пространство картины, а лестница, ведущая все выше и выше, напоминает спираль, – все это может создавать эффект кручения, в котором и возникает движение. Поэтому Дэниелу могло казаться, что монашки не только поднимаются вверх, но и спускаются вниз, что и напоминает герою об известном библейском сюжете.

Дэниел замечает также, что лестница на картине Меллери была холодной и серой. В биографии художника объясняется «его последнее предпочтение мрачного и спокойного реализма, которое сразу же отразилось на настроении его картин и рисунков» («his lasting preference for a sober and quiet realism that rapidly infected the mood of his paintings and drawings» [Mellery, 2018]). Дэниел называет шапочки монахинь не «cornette» (именно так называется головной убор монахинь, который изображен на картине), а «winged caps», актуализируя значение «окрыленные», «с крыльями», «летающие». Сравнение белых шапочек, которые создают контраст и акценты на картине, с белыми птицами связывается в сознании персонажа с мотивом движения и полета. С одной стороны, монашки ассоциируются с птицами (белый голубь мира, несущий благую весть, и птица как символ души). С другой стороны, это еще одна ассоциация с ангелами в сюжете «Лестница Иакова».

В зале нидерландской живописи именно картина Меллери в прологе связывается с Уильямом, сыном Дэниела. Как объясняет сам герой, он приходит на выставку, чтобы узнать новости о своем сыне, который иногда пишет Фредерике. В разговоре с Фредерикой Дэниел неожиданно вспоминает, что однажды был в больнице Чаринг-Кросс, в которой пытались вернуть к жизни ребенка, который умирал от передозировки. В конце концов ребенок умер, а его мать винила себя в его смерти. Дэниел был в больнице, ходил по коридорам («going up this endless corridor» [Byatt, 2003, p. 12]) и пытался придумать, как утешить ее. В этом коридоре он неожиданно встречает Уильяма, который на вопрос, что он там делает, отвечает, что «он ходит туда-сюда по земле, прогуливаясь вверх и вниз» («he was going to and fro on the earth and walking up and down in it» [Там же]). Дэниел пытается догнать сына с вопросом «Что он собирается делать дальше?», а в ответ вновь слышит фразу «туда-сюда». Связь полотна Меллери и слов сына Уильяма переключается с мотивом постоянного движения по свету (вверх-вниз, туда-сюда). После рассказа Дэниела и его последних слов: «Это был последний раз, когда я видел его» («That was the last I saw him» [там же]), – герой вновь мыслями возвращается к картине «После вечерней молитвы»: «Монашки поднимались по лестнице в бесконечной холодной тишине» («The nuns ascended the stairs in a perpetual cool silence» [Там же]).

По сравнению с первым экфрасисом картины, здесь монашки лишь поднимаются вверх, и лестница вдруг приобретает другое значение. В тексте также использована метафора для передачи атмосферы картины с ее красками и медленным спиралевидным движением – «бесконечная холодная тишина», но отсутствуют упоминания белых шапочек, напоминающих крылья. Второе видение картины Дэниелом становится более пессимистичным, угрюмым после воспоминаний и разговоров о сыне. В прологе появляется мотив одиночества, скитальчества Уильяма без дома и без близких людей. Тишина также становится символом молчания между

отцом и сыном. У читателя романа возникает множество вопросов, ответы на которые он сможет найти только на страницах всех трех следующих за прологом романов.

Обращение к сыну Дэниела в прологе второго романа не случайно: читатель узнает, что именно на страницах этого романа он рождается, а затем жена Дэниела Стефани погибает, поэтому Уильям и его сестра Мэри остаются без матери. Для детей это становится большой травмой, которая, как мы видим, пронизывает всю жизнь Уильяма. Дэниел говорит, что Уильям был как бродяга, который все время меняет место нахождения, у которого нет дома. Фредерика сообщает, что Уильям находится в Кении, на пути к эпицентру голода в Уганде. Дэниелу не кажется, что его сын может чем-то помочь там, так как он не имеет подготовки и образования («with no training, no medical...no...» [Byatt, 2003, p. 12]). Тем не менее, мысленно он обращается к нему, вспоминая картину Меллери «После вечерней молитвы».

Дэниел описывает еще две картины в зале нидерландского искусства. Первую сложно распознать по краткому описанию: «Лорьерграхт в Амстердаме был мрачным и мерцающим» («The Lauriergracht in Amsterdam was gloomed and glittering» [Byatt, 2003, p. 11]). Вряд ли Дэниел бы узнал этот район Амстердама по картине, поэтому предполагается, что в названии картины есть упоминание изображенного места. Таким образом, это может быть одна из двух картин известного голландского импрессиониста Георга Хендрика Брейтнера, в названиях которых упоминается район Амстердама: «Лорьерграхт, Амстердам» (1895) и «Канал Принсенграхт в Лорьерграхте, Амстердам» (1880–1923). Первая картина более известна, чем вторая. Она также соответствует комментарию Дэниела о «мерцании» («glittering»), так как вода при свете отражается в окнах домов и будто блестит.

Картину Пита Мондриана «Вечер» Дэниел описывает как «мрачную и облачную» («somber and cloudy»). Упоминание картины под названием «Вечер» и описание впечатления от нее могут отсылать нас к нескольким картинам Пита Мондриана. Самая известная его работа называется «Вечер. Красное дерево» (1908–10), но она противоречит описанию Дэниела. Картину сложно назвать «мрачной и облачной». Более того, Дэниел не упоминает дерево на картине (как и другие изображенные элементы). Обратимся к другим картинам Мондриана, в названиях которых фигурирует слово «вечер»: «Вечер» («Evening»), «Сельский дом вечером» («Farmhouse, Towards Evening»), «Вечерняя мельница» (Evening mill), «Мельница вечером» («Mill in the Evening»), «Вечер на реке Гейн» («Evening on the Gein») и серия полотен «Вечерние пейзажи» (1906–1907). Почти все они мрачные, однако, облака изображены только на картинах «Сельский дом вечером» (1905) и «Вечерняя мельница» (1908). Так как нет точной отсылки к конкретной картине, то можно говорить о манере художника Пита Мондриана в его ранних работах. Экфрасис картин Брейтнера и Мондриана подчеркивает атмосферу зала художественной галереи, а также еще сильнее связывается с образом угрюмого, темного, трагического персонажа романов Байетт.

На страницах романов Дэниел всегда озабочен жизнями и судьбами людей, в особенности женщин и детей, которых в какой-то момент настигла трагедия. Мотив трагической смерти связан не только с его профессией помощника священника, но также и с судьбой его жены Стефани. Именно понимание трагичности жизни, желание помочь людям, попавшим в беду, привязывают Дэниела к земле, к жизни. Поэтому единственными картинами, которые он может прочувствовать, становятся темные картины нидерландских художников. Однако черный цвет в себе заключает свет, и Дэниел знал, что такое «свет в темноте»: «He knew

about the light shining in darkness» [Byatt, 2003, p. 11]. Байетт неоднократно обращалась к черному цвету в своих рассказах, в которых он приобретает разнообразные необычные смыслы и значения [Торгашова, Бочкарева 2005; Бочкарева, Дарененкова 2012; Дарененкова 2012]).

Заключение

Экфрасис нидерландских полотен, представленных глазами Дэниела сразу после ярких пейзажей и портретов постимпрессионистов, создает контраст между двумя направлениями живописи и художниками конца XIX – начала XX вв. Дэниел вновь, как и в прологе первого романа, противопоставляется интеллектуальному английскому обществу и выглядит не как человек, который может прийти и полюбоваться на картины в галерее, а тот, кто всегда обращен к реальности жизни. Во всей обстановке галереи Дэниел сам немного напоминает художника: «He looked, in this setting, a little like some painter» [Byatt, 2003, p. 6]). Здесь также прослеживается сходство Дэниела с Ван Гогом, который по происхождению был голландцем и сначала писал картины в темных тонах. Дэниел также упоминает, что у него было «северное сознание» («he had ‘Northern brains’») [Byatt, 2003, p. 11]), которое сближало его не только с картинами Ван Гога (которые он мог глубоко прочувствовать и понять), но в большей степени с картинами нидерландских художников, настроение на которых было меланхоличным и угрюмым.

Экфрасис нидерландских картин К. Меллери, П. Мондриана и Г. Х. Брейтнера представлен глазами Дэниела и раскрывает его видение жизни «как света в темноте». Видение картин героем снова связывается с его личным опытом помощника священника, мужа, отца. Воспоминания о сыне Уильяме тесно связываются с картиной Меллери «После вечерней молитвы» и приобретают символическое значение. Дэниел интерпретирует картину Меллери два раза: когда впервые видит ее, до воспоминаний о сыне и после них, когда интерпретация картины начинает совпадать с его внутренним состоянием. Мотив движения «вверх-вниз», «туда-сюда», упоминание белых крыльев птицы, вопросы веры, скитальческого образа жизни, одиночества возникают как в видении картины Дэниелом, так и в воспоминаниях о жизни и сыне. Экфрасис картины глазами героя трансформируется после воспоминаний: движение монахинь вверх превращается в движение в вечной холодной тишине как знака вечного молчания и отчужденности между отцом и сыном. Экфрасис картин нидерландских художников в контексте всего паратекста (название, посвящение, эпитафия ((см. подробнее: [Графова, 2019, с. 89–98])) романа создает мотивы мимолетности и трагичности жизни, которые красной нитью проходят через весь роман в целом.

Список литературы

1. Бочкарева Н. С., Графова О. И. Экфрастическая экспозиция в романе А. С. Байетт «Натюрморт» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 4 (28). С. 193–206.
2. Бочкарева Н. С., Дарененкова В. С. Символика цвета во вставных эссе рассказа А. С. Байетт «Сырой материал» // Литература в искусстве, искусство в литературе – 2012. Пермь, 2012. С. 149–170.
3. Графова О. И. «Вербальный портрет перед визуальным портретом»: декламация в прологе романа А. С. Байетт «Дева в саду» // Филология и культура. Philology and Culture. 2018. № 2 (52).

4. Графова О. И. Экфрасис портретов Елизаветы I в романе А. С. Байетт «Дева в саду» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2015. Вып. 4(32). С. 126–134.
5. Графова О. И. Экфрастическая экспозиция и ее функции в романах А. С. Байетт «Дева в саду» и «Натюрморт». Дисс. ... к. филол. н. Пермь, 2019. 168 с.
6. Дарененкова В. С. Символика цвета в «Маленькой черной книге рассказов» А. С. Байетт. Дис. ... к. филол. н. Пермь, 2012. 190 с.
7. Торгашева Е., Бочкарева Н. С. Символика цвета в рассказе А. С. Байетт «Китайский омар» // Проблемы метода и поэтики в мировой литературе. Пермь: Изд-во «Пермский государственный университет», 2005. С. 106–112.
8. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2: Л–Я / АН СССР. ИРЛИ; Отв. ред. Д. С. Лихачев. Ленинград.: Наука, 1989. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=2048> (дата обращения: 20.02.2020).
9. Byatt A. S. *Still Life* (1985). London: Vintage, 2003. 434 p.
10. Byatt A. S. *The Virgin in the Garden* (1978). London: Vintage, 2001. 566 p.
11. Mellery Xavier // All About Heaven. URL: <https://allaboutheaven.org/sources/mellery-xavier/190> (Accessed: 10.02.2020).

Grafova O. I.

*Ph.D. (Philology), Senior Lecturer,
Linguistics and Translation Department,
Perm State University*

**ЕКФРАЗИС OF THE DUTCH PAINTINGS IN THE PROLOGUE
OF THE NOVEL “STILL LIFE” BY A.S.BYATT**

The article is devoted to the analysis of ekphrastic elements in the prologue of the novel “Still Life” (1985) written by a contemporary British writer Antonia Susan Byatt and that became the second novel in the tetralogy about the Potter family (“The Virgin in the Garden”, “Babel Tower” and “A Whistling Woman”). Ekphrasis of the paintings of George Hendrik Breitner, Piet Mondrian and Xavier Mellery is presented through the eyes of Daniel Orton, one of the main characters of the novel. Reference to Breitner sends the reader to several paintings with the images of Amsterdam, that is described by Daniel as “gloomed and glittering”, and the Mondrian’s painting, that is not named directly, was called “somber and cloudy”. Ekphrasis of the Mellery’s painting “After Evening Prayers” is analyzed by Daniel doubly: firstly, descriptively, secondly, when he memorizes his son’s birth, fate and their difficult relationships, the perception of the painting acquires personal features. Ekphrasis of the Dutch paintings is motifly and subjectly connected with the image of Daniel in the novel and in the whole tetralogy, that is highlighted with the characters’ common vision of Dutch paintings in the rooms of the gallery and his point of view on life full of tragedy – “he knew about the light shining in darkness”. Ekphrasis of the Dutch paintings makes the opposition to the ekphrasis of the paintings of French postimpressionists of the XIX-XX, that are presented in the first part of the prologue, just as the images of the Dutch Fine art highlight the contrast between dark and somber image of Daniel and image of English society of the middle of the XXth century.

Key words: ekphrasis, painting, Byatt, novel, character, image.

УДК 81'243

Юферева Ксения Андреевна

Преподаватель кафедры английского языка и межкультурной коммуникации,

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15

Тел.: +7 (342) 2396350

E-mail: ksenia752@mail.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФИЛЬМ «СВИДЕТЕЛЬ ОБВИНЕНИЯ» В ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОМ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

В статье рассматривается методика работы с художественным фильмом на занятии по английскому языку для студентов юридического факультета. Целью статьи является поэтапное описание работы с видеофильмом «Свидетель обвинения». Дается определение профессионально-ориентированному обучению, раскрывается его значение в процессе преподавания на неязыковых факультетах, а также важность использования художественных фильмов на занятиях по английскому языку для дальнейшей профессиональной деятельности студентов. Рассматривается вопрос мотивации обучающихся и влияния на неё использования художественных видеофильмов в учебном процессе. Показана необходимость формирования и развития у студентов коммуникативных умений, необходимых для их эффективной профессиональной деятельности. Актуальность данной темы заключается в том, что в настоящее время использование видеоматериала на уроке существенно расширяет его возможности, способствует более прочному усвоению материала на основе речевой, ситуативной, контекстной и эмоционально-экспрессивной наглядности. В статье подробно описана методика работы с художественным фильмом «Свидетель обвинения». Кроме того, рассматриваются этапы работы с видеофильмом, предлагаются различные виды заданий, которые способствуют развитию умений профессиональной устной монологической и письменной речи студентов юридического факультета. Описаны задания, которые были предложены студентам первого курса юридического факультета на разных этапах работы с фильмом. На демонстрационном этапе подробно описывается работа со стоп-кадрами и её значение. В конце статьи представлено эссе одного из студентов юридического факультета. Также описаны результаты работы с видеофильмом и степень эффективности такого рода работы. Видеоматериалы позволяют обучающимся совершенствовать навыки восприятия устной речи носителей языка, в которой отражаются особенности национальной культуры, реальная действительность, что вызывает познавательный интерес студентов, их готовность обсуждать проблемы, вступать в дискуссию.

Ключевые слова: художественный фильм, профессионально ориентированное обучение, повышение мотивации, юридический факультет, эссе.

Введение

В связи с процессом глобализации, расширением международных контактов в области науки, экономики, производства и культуры в нашей стране остро ощущается потребность в подготовке высококвалифицированных выпускников неязыковых вузов, владеющих навыками устного и письменного иноязычного общения в профессиональных целях. Для успешной реализации профессиональных межкультурных контактов студентам-нефилологам необходимо обладать лингвистическими знаниями, навыками и умениями в области иностранного языка, поскольку уже в период обучения в вузах студенты выступают с докладами на международных научных конференциях, участвуют в работе международных выставок и презентаций. В условиях вузов нелингвистического профиля подготовка студентов к межкультурной коммуникации на иностранном языке должна заключаться, прежде всего, в развитии умений профессионально направленного иноязычного общения [Даминова, 2015, с. 7].

Термин «профессионально-ориентированное обучение» употребляется для обозначения процесса преподавания иностранного языка в неязыковом вузе, ориентированного на чтение литературы по специальности, изучение профессиональной лексики и терминологии, а в последнее время и на непосредственное общение в сфере профессиональной деятельности. Современный профессионально-ориентированный подход к обучению иностранному языку предполагает формирование у студентов способности иноязычного общения в конкретных профессиональных, деловых, научных ситуациях с учётом особенностей профессионального мышления, при организации мотивационно-побудительной и ориентировочно-исследовательской деятельности.

«Под профессионально-ориентированным обучением понимают обучение, основанное на учёте потребностей студентов в изучении иностранного языка, диктуемых особенностями будущей профессии или специальности, которые, в свою очередь, требуют его изучения» [Образцов, Иванова, 2005, с. 3]. Такого рода обучение предполагает сочетание овладения профессионально-ориентированным иностранным языком с развитием личностных качеств обучающихся, знанием культуры страны изучаемого языка и приобретением специальных навыков, основанных на профессиональных и лингвистических знаниях.

Основная часть

В настоящее время перед преподавателями иностранного языка стоит задача сформировать личность, которая будет способна участвовать в межкультурной коммуникации. В нашей стране остро ощущается потребность в подготовке высококвалифицированных выпускников неязыковых вузов, владеющих умениями устного и письменного иноязычного общения в профессиональных целях. Для реализации профессиональных межкультурных отношений студентам неязыкового вуза необходимо обладать коммуникативной компетенцией, неотъемлемыми компонентами которой являются определённые знания, навыки и умения общения на иностранном языке в разных ситуациях [Гальскова, Гез, 2007, с. 54].

Использование видеоресурсов на уроках выступает важным компонентом системы образования и представляет собой способ организации обучения через активные способы действий. Цель использования видеофильмов на уроках иностранного языка заключается в погружении учащихся в иноязычную среду, что позволяет повысить мотивацию и активность обучающихся, сделать процесс изучения языка более эффективным,

продуктивным и увлекательным. Видеофильмы юридической тематики стимулируют интерес обучающихся, раскрывают суть некоторых правовых явлений на примере конкретных жизненных ситуаций. Просмотренный фильм стимулирует студентов изучать и сравнивать юридические концепты за рубежом и в своей стране, заставляет их анализировать правовые явления и мотивирует высказывать своё мнение по различным вопросам профессионального характера. Кроме того, просмотр видеофильмов оказывает эмоциональное воздействие на учащихся, развивает их внимание и увеличивает объём долговременной памяти. Учащиеся описывают не только события видеофрагмента, но и чувства, настроения героев, собственные впечатления от увиденного сюжета. Таким образом, предмет, данный в зрительном восприятии, раскрывается глубже, что стимулирует широкое использование эмоционально-оценочной лексики.

Видеоматериалы вместе с другими источниками служат своеобразным введением в специальность. Например, в таких фильмах как «The Firm», «The Judge», «The Devil's Advocate», «The Verdict», «A Few Good Men» можно увидеть различия в принципах континентального и общего права, а также особенности деятельности судебных органов в США. Кроме указанных фильмов, студентам предлагается посмотреть ряд других: «Legally Blond», «The Paper Chase», «To Kill A Mockingbird», «My Cousin Vinny», «Michael Clayton», сериалы «Boston Legal» и «Law and Order», документальный фильм «A Friend Indeed: The Bill Sacktor Story», для того, чтобы студенты могли ознакомиться с повседневной работой американских специалистов [Полякова, Гриценко, Ремизова, Фролович, 2016].

Процесс работы с видеоматериалами методисты разбивают на этапы. Например, Ю. А. Комарова выделяет четыре основных этапа:

1. Подготовительный или преддемонстрационный этап (previewing);
2. Восприятие фильма или демонстрационный этап (while viewing);
3. Контроль понимания основного содержания или последемонстрационный этап (post-viewing);
4. Развитие умений устной и письменной речи или творческий этап [Комарова, 1994].

На каждом этапе есть ряд задач, выполнением которых и определяется эффективность всего аудиовизуального процесса.

1. Преддемонстрационный этап. Цели этапа: мотивировать учащихся, настроить их на выполнение задания, сделав активными участниками процесса обучения; снять возможные трудности, подготовив их к успешному выполнению задания. Первый этап просмотра видеофильма может включать в себя упражнения на прогнозирование того, о чём пойдёт речь в фильме: по заголовку, ключевым словам или фразам, наводящим вопросам. Затем вводится новая лексика, необходимая для понимания фильма, и имена собственные, которые встретятся в фильме.

2. Демонстрационный этап. Цель этапа: обеспечить дальнейшее развитие языковой, речевой или социокультурной компетентности учащихся с учётом их реальных возможностей иноязычного общения. На этапе восприятия видеоматериала используются задания, направленные на поиск, фиксирование, трансформацию определённого языкового материала. В данном случае не столько формулировка задания, сколько содержание упражнения обеспечивает ту или иную степень эффективности и оправданности выполнения задания. Обучаемые могут также делать записи к тексту фильма, которые понадобятся при выполнении заданий на последемонстрационном этапе.

3. Последемонстрационный этап. Цель этапа: обеспечить дальнейшее развитие языковой, речевой или социокультурной компетенций учащихся с учетом их реальных возможностей иноязычного общения. Данный этап включает следующие типы упражнений: 1) выбор правильного варианта ответов; 2) завершение предложения; 3) заполнение пробелов словами, фразами, предложениями; 4) соотнесение слова и их определения, характеристики героев и их описания; 5) определение начала и конца предложения; 6) изменение предложения; 7) восстановление хронологической цепочки событий; 8) соотнесение слов и их синонимов; 9) объяснение значения слов или фраз; 10) определение принадлежности реплик к героям; 11) характеристика главных и действующих персонажей.

4. Развитие умений устной и письменной речи или творческий этап. Цель этапа: использовать исходный видеоматериал в качестве основы и опоры для развития продуктивных умений в устной или письменной речи. Этот этап – это заключение, подведение итогов. Поэтому сюда можно отнести упражнения: на высказывание собственного мнения, выражение оценки всего фильма и его героев, написание краткого резюме, пересказ сюжета фильма, рассказ от имени действующих героев, история-продолжение фильма, описание основной идеи, проблемы фильма и его героев или ролевая игра [Там же].

Одна из задач преподавателя иностранного языка – приобщение учащихся к культурным ценностям народа-носителя языка. В этом аспекте большое значение имеет использование аутентичных материалов (рисунков, текстов, звукозаписей и т. п.). Знакомство с жизнью англоязычных стран происходит в основном с помощью текста и иллюстрации к нему. Наряду с этим важно дать учащимся наглядное представление о жизни, традициях, языковых реалиях англоговорящих стран. Этой цели и могут служить учебные видеофильмы, использование которых способствует реализации важнейшего требования коммуникативной методики: представить процесс овладения языком как постижение живой иноязычной действительности.

Хотелось бы более подробно рассказать о работе с фильмом «Свидетель обвинения» (Witness for the Prosecution). Это детективный фильм Билли Уайлдера, премьера которого состоялась в 1957 году, экранизация одноимённой пьесы Агаты Кристи. Главные роли исполняют в нём Чарльз Лоутон, Тайрон Пауэр и Марлен Дитрих.

Фабула такова. Сэр Уилфрид Роубартс – великолепный адвокат. Из-за тяжёлой болезни врачи запрещают ему братья за уголовные дела. Однако его заинтересовывает практически безнадежное дело Леонарда Воула, который является единственным подозреваемым в убийстве пожилой и обеспеченной дамы Эмили Френч. Леонард был довольно близким другом Эмили, и поскольку, она была одинока, все её наследство, согласно недавно исправленному ею завещанию, переходило Мистеру Воулу. Это завещание ещё более усложняло положение стороны защиты, так как оно могло послужить мотивом для убийства. Единственной свидетельницей на стороне защиты Воула могла выступить только его жена – Кристина Воул. Из этого следует, что перспектива на оправдательный вердикт выглядит крайне туманно. Сэр Уилфрид, невзирая на наставления врачей, берётся за это сложное дело.

Работа с выбранным фильмом продолжалась шесть занятий и была выстроена в три этапа: подготовительный, демонстрационный и последемонстрационный. На первом, подготовительном, этапе студентам необходимо было составить список слов и словосочетаний по таким темам как, люди, работающие в суде, участники судебного

процесса, судебная комната, судебный процесс. Данные темы представлены в учебном пособии «Just English» (Английский для юристов. Базовый курс), в 5 разделе: In The Courtroom, Courtroom Personnel, Kinds of Cases, Steps of the Trial [Гуманова, 2006, с. 124–140]. Кроме того, было использовано учебное пособие «English Vocabulary in Use», в котором проработана профессиональная лексика по теме Crime [McCarthy, O'Dell, 2017, с. 83–84].

Второй этап, демонстрационный (While you watch), включает в себя упражнения, выполняемые во время просмотра фильма. Можно предложить студентам посмотреть фильм дома самостоятельно, либо посмотреть его на занятии. Продолжительность фильма 1 час 56 мин. Во время просмотра фильма на занятии можно останавливать некоторые эпизоды и обсуждать со студентами то, что произойдёт дальше, как поведут себя герои фильма. Можно дать учащимся почувствовать себя на месте адвоката, защищающего своего подзащитного, предположить окончание этой истории, которое оказывается совершенно неожиданным и непредсказуемым. Например, мы останавливали эпизоды и пытались проанализировать поведение обвиняемого и его жены, а также её показания на суде. Пытались понять, правду ли они говорят. К сожалению, мы ошиблись точно так же, как и адвокат защиты. Мы были уверены, что обвиняемый не виновен, и что цель жены – отправить его за решетку.

Целью работы со стоп-кадрами является развитие у студентов умений монологической речи с использованием новой лексики. При этом обязательным условием эффективности достижения данной цели является выполнение следующих методических рекомендаций. Студентам предъявляется какой-либо кадр из фильма и предлагается выполнить упражнения, непосредственно связанные с этим кадром. После предъявления стоп-кадра на экране студенты должны выполнить следующие упражнения: а) назвать предметы, действующих лиц, факты, явления, изображённые на этом стоп-кадре; б) ответить на вопросы по содержанию этого стоп-кадра; в) глядя на стоп-кадр, описать представленное на нём изображение, используя новую лексику; г) перевести субтитры на родной язык [Даминова, 2015, с. 252].

Задания последемонстрационного этапа включали работу со словами, словосочетаниями и с вопросами на понимание общего содержания.

1. In what situations are these words used in the film? Make up your own sentences. The first trial, the defendant, to undertake criminal cases, divorce cases, a tax appeal, the jury, the solicitor, the barrister, a guilty plea, to plead, to subject your eyes and your arteries to that ordeal, a handsome motive, a warrant for your arrest on the charge of murdering, to lead the defense, endearing, a bequest, to acquit (acquittal), to testify under oath, a witness box, to give testimony, to give an alibi, to plead not guilty, death was caused by a blow from a blunt and heavy instrument, to find fingerprints, to find bloodstains, a chronic and habitual liar, perjury, to violate the oaths, to be deprived of an inheritance of, to object to the testimony, a verdict of guilty, to be discharged.

2. Answer the questions.

1. Describe Emily French. Her age, financial position, her lifestyle.

2. Describe the defendant. His name, marital status, his financial position, his work and his character.

3. Describe the barrister. His name, age, health, character and his work experience.

4. Describe Janet McKenzie. What do you know about her?

5. Describe Mr. and Mrs. Vole's first meeting.

6. Did the defendant have an alibi? Who could prove it?

7. Did Mr. Vole have a motive?
8. Do you think Mr. Vole loved his wife? Why, why not?
9. Did his wife love him? Why, why not?
10. When was the crime committed?
11. When did the defendant come home according to the wife's testimony?
12. What was the verdict? Was it right?
13. What do you think about the end of the story? What would you do if you were Christine?

Для составления более подробной характеристики героев, студенты делились на небольшие группы, каждая из которых описывала одного из героев художественного фильма. Кроме того, студенты работали в парах, составляли why-questions и отвечали на них. Таким образом, нам удалось более глубоко погрузиться в сюжет художественного фильма. Были составлены такие вопросы, как: Why did Mr. Vole begin to meet with Emily French? Why did Mr. Vole's wife give the testimony against him? Why did Christine kill her husband in the end? и другие.

На последнем этапе работы с видеофильмом студентам было предложено написать эссе от лица персонажа фильма. Написание эссе от лица персонажа фильма или книги является одной из разновидностей творческого письма. Как отмечает Джейн Спайро, творческое письмо «полностью вовлекает студента в процесс обучения и поэтому приносит ощутимые результаты» [Spiro, 2012].

Студентам было предложено следующее задание: Imagine that you are Sir Wilfrid, the barrister. Tell your story. План работы по написанию эссе включал: 1. Вступление (краткое описание героя). 2. Описание событий от лица данного героя. 3. Заключение. Эмоциональное отношение к происходящим в фильме событиям.

Интересно отметить, что из 15 студентов 2 студента рассказали историю от лица Эмили, 3 человека – от лица Кристин, 5 человек – от лица Сэра Уилфрида и 5 человек – от лица подзащитного Мистера Воула. В качестве примера хотелось бы обратиться к эссе, написанному студенткой первого курса юридического факультета.

My name is Sir Wilfrid Robarts. And I would like to tell you my story about a very interesting case. I am one of the best barristers in England; they say that I am a specialist in hopeless cases. So, let us get down to business. After I was discharged from the hospital, where I had been lying because of my illness, I was visited by Leonard Vole, who was suspected of the murder of a rich elderly lady Emily French...

During our conversation it turned out that he was not rich at all and he was unemployed. I subjected his eyes and arteries to my ordeal. I shone into his eyes from my torch and checked his pulse. He was not telling lies to me, at least I thought he wasn't. Later, my colleagues and I learned that the deceased had bequeathed him his inheritance, and to be precise, a large sum of money. It meant he had a handsome motive. At the first court session his wife, Christina Vole, confirmed his alibi that he was home at the time of the murder. I was sure he hadn't killed her!

During the second hearing, his wife denied his alibi. Suddenly it became clear that Leonard Vole and Christine Vole were not married. ...Also, I had physical evidence that she was a chronic and habitual liar. Last night I got a call and I was offered help in court against her. Some woman gave me letters in which Christine corresponded with some Max. In the letters she wrote how much she loved him, and that she would tell the court that her husband had actually killed that elderly lady.

And I began to accuse her of perjury, since she started testifying against her own testimony. Then the jury acquitted Mr. Vole.

After the trial, she came to me and explained her trick. When she found out her husband had been arrested, she came to me. And then I said that the jury was unlikely to believe a woman who loved her husband dearly. So she decided to sacrifice her reputation just to save her beloved. And only then I realized how I was outwitted. Me! The man, whom they called the cunning fox, was deceived by the German woman. I have not had this for all my 37 years of work. But Mr. Vole paid the price. His wife executed him when she found out he did not love her. She killed him. And then I decided to take Christine's case. I was astonished by this woman». Данная работа демонстрирует, что студент использовал широкий спектр юридической терминологии, например: «testifying against», «confirmed his alibi», «physical evidence» и другие.

Во время написания эссе студенты обращали внимание на личностные особенности персонажей и на подробности происходящего. Персонализация позволила обучаемым изучить характеры героев, их поступки и мотивы. Таким образом, работы получились эмоционально окрашенными, например: «...but unfortunately he had a wife»; «I did not have anyone so good»; «The case is unpredictable»; «I was very scared and asked my husband what had happened»; «I have lost my talent»; «It was an insidious plan! I was deceived». В эссе представлены фразы, выражающие собственное мнение и противоположное мнение, и словосвязки (I think, in my opinion, I consider, I believe, it is argued, some jurors think, in conclusion, as a result). С грамматической стороны в эссе есть незначительные ошибки, которые не затрудняют понимание текста. Употребляются глаголы в разных временных формах, в активном и пассивном залогах, фразовые и модальные глаголы. Можно сказать, что учащиеся с помощью фильма раскрыли основное содержание судебного процесса, погрузились в эту атмосферу и почувствовали себя на месте адвоката.

Заключение

Использование видеоматериалов правовой тематики в обучении студентов юридического факультета даёт возможность познакомиться с профессиональными ситуациями иноязычного общения и увидеть коммуникативную ситуацию в её целостности. Видеофильмы, связанные с юридической тематикой, полезны для формирования правового сознания студента. Кроме того, просмотр видеофильма и написание эссе оказывает дополнительное эмоциональное воздействие на учащихся, что способствует лучшему усвоению материала.

Список литературы

1. Гальскова Н. Д., Гез Н. И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. Издание 4-е, стер. Москва: Академия, 2007. 336 с.
2. Даминова С. О. Развитие умений иноязычного общения на основе аудиовизуализации. Москва: Ленанд, 2015. 400 с.
3. Комарова Ю. А. Дифференцированный подход к процессу обучения успешному монологическому высказыванию при помощи видеоматериалов студентов начального этапа обучения языкового факультета (на материале английского языка): Дисс. ... к. пед. н. Санкт-Петербург, 1994. 261 с.

4. Образцов П. И., Иванова О. Ю. Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку на неязыковых факультетах вузов. Орел: Изд-во «Орловский государственный университет», 2005. 114 с.
5. Полякова С. В., Гриценко Е. А., Ремизова В. Г., Фролович Э. М., ESP Interdisciplinary Project «Fair Trial: the Jury» // Иностранные языки в контексте культуры. Межвузовский сборник статей по материалам конференции. Пермь: Изд-во «Пермский государственный университет», 2016. С. 124–129.
6. English Vocabulary in Use Upper-Intermediate. Michael McCarthy, Felicity O'Dell. Cambridge University Press, 2017. 280 с.
7. Just English. Английский для юристов. Базовый курс. Гуманова Ю. Л., Королева Макари В. А., Свешникова М. Л., Тихомирова Е. В. / Под ред. Т. Н. Шишкиной. Москва: Зерцало-М, 2006. 262 с.
8. Spiro J. Creative Writing in the Language Classroom, 2012. URL <https://www.youtube.com/watch?v=uAjke4m0zAM> (дата обращения: 10.12.2019)

Yufereva K. A.

*Lecturer, the Department of the English Language
and Intercultural Communication,
Perm State University*

USING A FEATURE FILM «WITNESS FOR THE PROSECUTION» IN TEACHING A FOREIGN LANGUAGE FOR PROFESSIONAL COMMUNICATION

In the article the methodology of using a feature film at the lesson of English for Law students is under consideration. The purpose of the article is a step-by-step description of working with a video film «Witness for the Prosecution». The definition of the professionally-oriented learning is given and its meaning for the students of non-language faculties is revealed. In this article the importance of using feature films at the lessons of English for professional communication is described. The question about students' motivation, and how feature films influence it, is discussed. The necessity of formation and development of students' communicative skills, which are important for their effective professional performance, is demonstrated. The relevance of the topic consists in the fact a video demonstration at the lesson expands its opportunities, leads to more sustainable knowledge assimilation on the basis of speech, situational, contextual and emotionally-expressive visibility. The procedure of working with the feature film «Witness for the Prosecution» is described in detail. The stages of working with the video film are mentioned and different tasks, which help to develop professional speaking and writing skills of Law students, are suggested. The tasks at each stage of work with the film, which were suggested to the first year students of the Law Faculty, are described. At the while-watching stage work with freeze frames and its meaning are described in detail. At the end of the article the essay of one of the students of the Law Faculty is presented. The results of using the film at the lesson and the effectiveness of working with films are presented. Video resources allow students to improve skills to comprehend native speakers' speech, in which the peculiarities of the national culture, alive reality are reflected, arousing students interest, their readiness to discuss problems and enter into a debate.

Key words: feature film, professionally-oriented learning, increase of motivation, Law Faculty, essay.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 81

Меньшакова Надежда Николаевна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода,
Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул. Букирева, д. 15

Тел.: +7 (342) 2396283

E-mail: mnesperanza@mail.ru

**ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО
РОМАНА МИГЕЛЯ ДЕ СЕРВАНТЕСА СААВЕДРА
«ХИТРОУМНЫЙ ИДАЛЬГО ДОН КИХОТ ЛАМАНЧСКИЙ»
(РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ В. МИДЕРА – W. MIEDER “STRINGING PROVERBS
TOGETHER”. THE PROVERBIAL LANGUAGE IN MIGUEL DE CERVANTES’S
DON QUIXOTE. BURLINGTON, VERMONT. 2016. 312 PP.)**

Книга Вольфганга Мидера «“Stringing Proverbs Together”. The Proverbial Language in Miguel de Cervantes’s Don Quixote» («Собирая пословицы воедино». Провербиальный язык «Дон Кихота» Мигеля Сервантеса) представляет собой результат масштабного проекта, предпринятого известным американским лингвистом, профессором кафедры немецкого языка и фольклора Вермонтского университета (США), всемирно известным паремиологом и издателем паремиологического ежегодника *Proverbium*. В предисловии к книге (с. v-viii) профессор В. Мидер пишет о том, что не впервые в своей жизни ему пришлось заниматься исследованием наследия Мигеля Сервантеса, несмотря на то, что он не владеет испанским языком. Он рассказывает о том, что впервые занявшись этой темой, он рассматривал паремию “to tilt at windmills” («бороться с ветряными мельницами»), которая не использовалась в самом романе «Дон Кихот» но, будучи аллюзией к знаменитой сцене романа, дала жизнь пословице, существующей теперь во многих языках. Заняться изучением паремиологического наследия Мигеля де Сервантеса во второй раз автора побудило приближение четырехсотлетия со дня смерти Сервантеса. Не имея возможности читать роман в оригинале, В. Мидер решил изучить десять наиболее популярных переводов «Дон Кихота» на английский язык.

Книга «“Stringing Proverbs Together”. The Proverbial Language in Miguel de Cervantes’s Don Quixote» состоит из предисловия, десяти глав, объемного указателя пословиц и провербиальных выражений, выявленных на страницах романа Сервантеса в переводе на английский язык, и библиографического списка.

В первой главе под названием “Identification of the Proverbial Materials (Paremiography)” («Определение провербиального материала (Паремиография)») (р. 1–7) дается обзор наиболее известных работ, посвященных изучению пословиц, поговорок и народных изречений, начиная с «Пословиц» Эразма Роттердамского (1500 г.), коллекций пословиц

Мартина Лютера (1530 г.), серии картин «Нидерландские пословицы» написанных маслом Питером Бругелем старшим в 1559 г. Среди наиболее значимых для мировой культуры писателей, в чьих произведениях мы встречаем наибольшее число пословиц и ярчайших изречений, называются Франсуа Рабле (Франция), Ганс Сакс (Германия), Вильям Шекспир (Англия), Лопе де Вега, Мигель Сервантес (Испания) и др. Перечисляются различные испанские сборники и словари пословиц и поговорок XVI–XIX вв. Данный обзор достаточно эксплицитно демонстрирует, что словари испанских пословиц, начиная с XVII века содержат большое количество пословиц, зафиксированных Сервантесом в «Дон Кихоте». Тем не менее, В. Мидер отмечает, что исследователи до сих пор не сошлись в едином мнении о точном количестве паремий, использованных Сервантесом. Данный факт объясняется тем, что Сервантес вкладывал в уста своих героев не только собственно пословицы, но и аллюзии на них, пословицы, намеренно искаженные автором, а также проverbsиальные выражения и проverbsиальные сравнения. Первые исследования текста романа «Дон Кихот» на предмет выявления в них паремий были сделаны в 1832 г. Это был список пословиц на испанском и их перевод на французский язык, расположенный в алфавитном порядке и помещенный в конце четвертого тома перевода романа «Дон Кихот» на французский язык, выполненный М. Ольнайез. Список включал в себя 271 текст. С тех пор десятки работ были написаны о паремийном наследии Сервантеса, наиболее впечатляющим по объему и выполненной работе В. Мидер называет труд Уго О. Биззарри “*Diccionario de paremias cervantinas*” («Словарь паремий Сервантеса») (2015 г.), содержащий около 1365 словарных статей. По признанию В. Мидера, этот труд намного превзошел все остальные работы, посвященные данной теме.

Во второй главе “*Interpretation of the Proverbial Texts (Paremiology)*” («Интерпретация проverbsиальных текстов (Паремиология)») (р. 9–15) В. Мидер проводит анализ имеющихся книг, посвященных паремиям Сервантеса. Он отмечает, что время написания романа «Дон Кихот» пришлось на золотой век паремиологии, именно в XVI–XVII вв. в Европе отмечается пик интереса к сбору и описанию народной мудрости в форме пословиц и разного вида речений сентенциозного характера. Первый более или менее детальный анализ употребления пословиц и их функций был осуществлен Элеонорой О’Кейн в работе 1950 г. “*The Proverb: Rabelais and Cervantes*” («Пословица: Рабле и Сервантес»). Далее последовали работы различных исследователей, концентрирующих свое внимание на речи Санчо Панса, мудрого глупца, чья речь в романе в большей степени насыщена пословицами и другими фразеологическими единицами, которые создают юмористический эффект в повествовании и диалогах романа. В. Мидер перечисляет наиболее значимых исследователей языка Сервантеса второй половины XX – начала XXI в. В их число входят Моник Жоли, Мария Сесилия Коломби, Пилар Мария Вега Родригес, Хулия Севилья Муньос, Анхель Эстебэс Молинеро, Ньевес Родригес Вайе, Мария Тереса Барбадийо де ла Фуэнте и др. Профессор Мидер завершает главу обзором книги “*Refranes, otras paremias y fraseologismos en ‘Don Quijote de la Mancha’*” («Пословицы, другие паремии и фразеологизмы в романе «Дон Кихот де Ла Манча»), написанной Хесусом Кантера Ортис де Урбина, Хулией Севилья Муньос и Мануэлем Севилья Муньос в 2005 г. Он чрезвычайно высоко оценивает данную работу и особенно первую главу, в которой анализируется распределение пословиц по частям и

главам романа, исследуется фольклорный аспект языка Сервантеса и рассматриваются функции и трансформации пословиц в романе.

Третья глава “The Proverbial Don Quixote as Translated World Literature” («Дон Кихот» как пример произведения переведённой мировой литературы») (р. 17–28) содержит размышления о проблемах перевода романа «Дон Кихот». В. Мидер начинает данные размышления с развернутой цитаты из романа, в которой Дон Кихот говорит о том, что перевод подобен разглядыванию гобелена с изнанки: изображенные фигуры видны, но покрыты нитями и узелками, и это разрушает прелесть самого гобелена. Занятие это бесполезное, хотя есть на свете и худшие вещи. В. Мидер также отмечает неоднократно высказанное исследователями Сервантеса мнение о том, что данный роман перевести полностью, сохранив все его своеобразие и прелесть невозможно, поскольку некоторые испанские фольклорные изречения можно лишь объяснить, но не перевести. Несмотря на это роман Сервантеса переведен на более чем 50 языков. Без видимых трудностей переводу поддаются поговорки, существующие во многих языках и заимствованные из греческого и латинского языков, из Библии. Приводится обзор исследовательских работ, анализирующих множество переводов романа на разные языки: французский, иврит, немецкий. В. Мидер выражает сожаление, что подобных глубоких исследований не существует на материале американских и английских переводов. Далее приводится список двадцати переводов «Дон Кихота» на английский язык, начиная с 1612 г. и заканчивая переводом 2009 г. Конечно же, имеются исследования этих переводов в отдельности, но многие выводы, сделанные авторами этих исследований, В. Мидер находит спорными и неудовлетворительными, поскольку они не всегда связаны с переводом паремиологического пространства романа. Приводятся выдержки из работ англоязычных авторов, посвященных проблеме перевода игры слов, шуток, бессмыслиц в романе, рассматриваются конкретные примеры перевода некоторых фразеологических единиц разными переводчиками, объясняются причины затруднений. В главе подробно рассматривается критика переводов романа самими переводчиками. В завершении В. Мидер называет наиболее удачный перевод романа: это перевод, выполненный Эдит Гроссман в 2003 г. По его словам в данном переводе сохранено наибольшее количество пословиц и фразеологизмов романа, а именно: 741 провербиальный контекст, из которых 386 единиц это пословицы, 327 – провербиальные выражения и сравнения и 1 веллеризм.

В четвертой главе, озаглавленной как “Cervantes as Paremiographical Paremiologist” («Сервантес как паремиограф») (р. 29–37) В. Мидер анализирует вклад Мигеля Сервантеса в мировую культуру, осуществленный им посредством вербализации народной мудрости в тексте романа «Дон Кихот». Сервантес, по словам В. Мидера, наверняка знал существующие к тому времени коллекции пословиц и осознавал противоречивость заключенной в них мудрости. Как отмечает автор рецензируемой нами книги, “Proverbs are not universal truths but rather limited generalizations that are valid only in certain situations. [...] proverbs are not a logical philosophical system, but each proverb in itself can be employed effectively as a communicative strategy in a context where its understanding insight is appropriate” (р. 29) («Пословицы это не универсальные истины, а достаточно ограниченные обобщения, которые имеют смысл только в конкретных ситуациях. [...] пословицы – это не логическая философская система, но каждая пословица сама по себе может быть эффективно

использована как коммуникативная стратегия в том контексте, который раскрывал бы ее суть наилучшим способом»). Именно это и осуществил Сервантес, вплетая множество элементов народной мудрости в повествование и диалоги романа. Речь Санчо Панса примечательна именно тем, что к каждому повороту речи он подыскивал подходящую по ситуации поговорку. В. Мидер убедительно доказывает это, приводя ряд цитат из романа и поясняя, в чем выражалась гениальность М. Сервантеса при написании данного произведения. Также приводятся выдержки из романа, в которых главные герои сами рассуждают о роли и смысле поговорок в речи. В. Мидер называет данные отрывки романа «метапаремииологическими» диалогами Санчо Панса и Дон Кихота и заключает, что в целом роман был «выписан» таким образом, чтобы высветить как можно больше противоречий и многозначности в народных поговорках.

В главе пятой “Proverbs by the Narrator and Minor Characters” («Пословицы повествователя и второстепенных персонажей») (р. 39–54) анализируются поговорки, вложенные автором в уста второстепенных персонажей романа и повествователя, несмотря на то, что исследователи, как правило, концентрируют свое внимание в основном на диалогах Санчо Панса и Дон Кихота. Большая часть всех поговорок, сказанных второстепенными персонажами романа и повествователем, сконцентрирована во второй части романа. В. Мидер полагает, что тот факт, что поговорки активно используют в речи не только персонажи, но и повествователь, является признаком тенденций, существующих в литературе золотого века. В. Мидер анализирует ряд контекстов, в которых повествователь использует поговорки и фразеологизмы, и объясняет, с какой целью их использовал автор. Иногда, как замечает исследователь, поговорки могут не иметь ни смысла, ни определенной функции, они просто приводятся автором ради повествования, иногда эти поговорки субъективно связаны с биографией самого автора. Второстепенные персонажи (например, герцогиня, Сансон Карраско, Камила, ее служанка Леонала, дон Антонио Морено и др.) делятся на представителей образованного общества и простой люд и все они употребляют в речи поговорки, хоть и не так часто, как главные персонажи. Подводя итог данному анализу, В. Мидер заключает, что Сервантес, несомненно, осознавал противоречивую природу поговорок и пользовался такими их свойствами как полярность, дуализм, парадоксальный характер для создания многозначности в романе.

Шестая глава рецензируемой книги озаглавлена как “Proverbial Wisdom Employed by Teresa Panza” («Провербиальная мудрость Терезы Панса») (р. 55–63). В ней рассматриваются поговорки, сказанные женой Санчо Панса Терезой. В пятой главе второй части романа приводится большой диалог между Санчо и Терезой. Поговорки в нем используются для того, чтобы призвать авторитет народной мудрости на свою сторону в бытовом споре супругов. В. Мидер подробно анализирует все их аргументы и поговорки, которые они применяют в качестве таковых. Заслуживает внимания серия шовинистских поговорок, высказанных Санчо своей жене, и замечание исследователя о том, что феминистского ответа супругу в семнадцативековой Испании Тереза дать не могла. В. Мидер высказывает мнение, что роман «Дон Кихот», несомненно, выиграл бы, если бы присутствие в нем Терезы Панса было значительнее, так как речь ее не менее интересна, чем речь ее мужа.

В седьмой главе под названием “Don Quixote’s Unexpected Proverb Repertoire” («Неожиданный поговорочный репертуар Дон Кихота») (р. 65–80) рассматриваются

особенности пословиц, входящих в состав речи центрального персонажа романа. В. Мидер начинает данную главу с того, что ссылаясь на работы исследователей пословиц романа, отмечает, что в целом, Дон Кихот, будучи хорошо образованным человеком, не употребляет так много пословиц, как малообразованные Санчо и Тереза, которые заменяют собственную неспособность выразить мысль внятно лаконичными народными изречениями. Тем не менее, Дон Кихот не чурается пословиц и особенно в разговорах с Санчо Панса использует их со знанием и охотой. Чаще всего, отмечает В. Мидер, Дон Кихот использует пословицы для того, чтобы предостеречь, с целью дидактической или морализаторской. С тем, чтобы поучительная сентенция была воспринята Санчо всерьез, Дон Кихот часто использует в речи слова “as the saying goes” («как гласит народная мудрость»). Он также произносит пословицы на латыни и пословицы, в которых упоминаются культурные реалии античного мира, чем вводит Санчо Панса в ступор. Кроме того, Дон Кихот зачастую не высказывает пословицу полностью, но делает лишь аллюзию к ней, называет только ее ядро (“kernel of the proverb” (р. 76)). К концу романа главные герои меняют друг друга таким образом, что даже их речь становится похожей.

Восьмая глава книги посвящена анализу пословиц Санчо Панса и носит название “Sancho Panza’s Messages as the Proverbial Wise Fool” («Сообщения Санчо Панса как легендарного мудрого глупца») (р. 81–100). В. Мидер дает характеристику персонажа, используя множество цитат из романа и иллюстрируя его натуру описывая речь героя. Как и его сеньор, Санчо часто предваряет высказывание словами «как гласит народная мудрость», но делает он это для того, чтобы придать своим словам больший авторитет, ведь опровергнуть мудрость поколений сложнее, чем слова простого оруженосца. В. Мидер также отмечает, что к концу романа речь Санчо становится более культурной, или, скорее, он заимствует из речи своего сеньора много культурных аллюзий, отчего начинает звучать как человек более образованный, чем он есть на самом деле. По тематике в пословицах Санчо профессор Мидер выделяет много анималистических паремий. В этой главе автор рецензируемого исследования раскрывает смысл названия книги “Stringing Proverbs Together”. Это именно то, что часто делает Санчо Панса в своих высказываниях: он начинает свою речь с пословицы, которая подходит по смыслу к определенной ситуации, а затем как бы «нанизывает» (“strings together”) на нить своего рассуждения одну за другой пословицы, которые зачастую уже не имеют никакого смысла. В его высказываниях зачастую нет никакого дидактического смысла, они лишь украшают повествование характерными фольклорными элементами.

В девятой главе книги “Sancho Panza’s Bottomless Sack of Proverbs” («Бездонный мешок пословиц Санчо Панса») (р. 101–128) В. Мидер еще глубже и уже в несколько ином свете раскрывает особенности проverbsальной речи Санчо Панса. Автор утверждает, что беспорядочное и неосмысленное употребление пословиц этим персонажем не настолько бездумно, как может показаться на первый взгляд. В. Мидер резко критикует мнения некоторых исследователей, которые полагают, что образ Санчо Панса намеренно выписывался Сервантесом как образ тупого крестьянина, не способного разобраться даже в народной мудрости, выраженной в пословицах. Он напоминает о том, что во времена золотого века пословиц в Европе существовала настоящая литературная традиция, в рамках которой создавались произведения, заполненные пословицами и поговорками персонажей,

даже сюжет и смысл в них отступали на задний план. Поэтому существующее также мнение о том, что Мигель Сервантес через образ Санчо Панса выражал низкое мнение о родном кастильском испанском языке В. Мидер яростно отмечает. Наоборот, В. Мидер поддерживает мысль Р. М. Флорес о том, что проverbsиальная речь Санчо является характеристикой его натуры, его уникальной способностью, поскольку на любое высказывание собеседника он практически моментально реагирует посредством подходящей поговорки, и даже те, что он вспоминает и «приплетает» (или «нанизывает») к своей речи после, не возникают в его речи совсем уж наобум. Этому его умению завидует сам Дон Кихот, несмотря на всю его критику оруженосца. По словам Р. М. Флорес, мнение которого В. Мидер высоко оценивает, в первой из верениц поговорок, которую Санчо Панса выдает Дон Кихоту, присутствует ироничная двусмысленность, которую не улавливает благородный идалго и многие современные исследователи романа вслед за ним. Как отмечает В. Мидер, юмористические эффект в описании этой первой тирады из поговорок Санчо возникает совсем не из-за их неуместности, а из-за «передозировки» поговорок в конкретном фрагменте текста. Профессор Мидер продолжает подробно анализировать каждый эпизод романа, в котором Санчо Панса озвучивает свои мысли при помощи вереницы из поговорок и приходит к выводу, что собственно юмора в них, вызванного бессвязностью речи героя, нет, поскольку они отражают манеру мышления оруженосца, его умение моментально интерпретировать высказанную мысль со многих неожиданных сторон, но, вследствие неумения сказать по-другому, Санчо «сворачивает» свои вербальные реакции на каждый из аспектов объекта речи до размера народной сентенции – поговорки. Цепочки поговорок Санчо Панса использует и при разговоре с самим собой, а в ответ на критику Дон Кихота отвечает, что вина за непонимание его речи лежит на том, кто ее не понимает, он же прекрасно знает, что именно он говорит. Тем не менее, в 43 главе романа, которую исследователи охарактеризовали как метапаремнологическую, Санчо Панса впервые выдает бессмысленный набор поговорок, но делает он это, по утверждению Р. М. Флорес, намеренно, с тем, чтобы позлить своего сеньора, который в очередной раз резко раскритиковал речь слуги и посоветовал ему навсегда избавиться от дурной привычки говорить поговорками. Осмысляя все это, В. Мидер приходит к однозначному выводу, что Дон Кихот не может сравниться в живости ума с Санчо Панса, он понимает это, так как сам порой не может подобрать ни одной поговорки, применимой к ситуации, и чрезвычайно огорчается от того, что в словесных дуэлях с оруженосцем проигрывает последнему.

Десятая, последняя глава рецензируемой книги называется “Ten Translations of the String of Proverbs in Chapter 43” («Десять переводов серии поговорок из Главы 43») (p. 129–156). В данной главе В. Мидер приводит отрывок из 43 главы романа «Дон Кихот», в которой Дон Кихот и Санчо Панса спорят об использовании поговорок и Санчо выдает тираду состоящую из серии поговорок. Данный отрывок дается на языке оригинала 1615 г., опубликованного под редакцией Родольфо Шевиль и Адольфо Бонийа издательством Gráficas Reunidas в 1948 г. Далее В. Мидер дает соответствующие отрывки перевода этой части главы на английский язык следующими переводчиками: Томас Шелтон (перевод 1620 г.), Питер Энтони Мотто (перевод 1700 г.), Чарльз Харвис (перевод 1742 г.), Тобиас Смолет (перевод 1755 г.), Джон Ормсби (перевод 1885 г.), Сэмюэль Путнам (перевод 1949 г.), Бёртон Раффэль (перевод 1995

г.), Эдит Гроссман (перевод 2003 г.), Том Латроп (перевод 2005 г.) и Джеймс Х. Монтгомери (перевод 2009 г.).

Приложение в конце книги, озаглавленное как “Index of Proverbs and Proverbial Expressions” («Указатель пословиц и провербиальных выражений») занимает 141 страницу (р. 157–298). Это впечатляющая выборка всех пословиц и провербиальных выражений романа из перевода Эдит Гроссман. Пословицы приведены в алфавитном порядке по стержневому слову, которое выделено полужирным шрифтом. Далее приводится развернутый контекст из книги, в котором данная пословица или выражение были употреблены в тексте. Это позволяет при необходимости интерпретировать смысл, который автор в них вкладывал при написании романа.

Библиографический список включает ссылки на роман и его переводы, а также 196 источника научной литературы по проблемам паремиологии и провербиального пространства романа «Дон Кихот».

Таким образом, книга В. Мидера «“Stringing Proverbs Together”. The Proverbial Language in Miguel de Cervantes’s Don Quixote» является значимым событием в мире испанистики, паремиологии и изучения творчества Сервантеса. Профессор Вольфганг Мидер виртуозно обобщает имеющиеся работы, посвященные анализу пословиц и фразеологических единиц романа на языке оригинала и на других языках, в частности, на французском и английском. Проблемы, которые он затрагивает в работе, являются чрезвычайно актуальными как для интерпретации творчества Сервантеса, так и для анализа и критики переводов романа. В отношении интерпретации творчества Сервантеса важно отметить неопределимый вклад профессора Вольфганга Мидера в понимание характера Санчо Панса, ведь именно интерпретация провербиальной речи этого персонажа может убедить критиков в том, что он не настолько глуп, как о нем принято думать, и сместить акценты в понимании романа в целом. Правильная интерпретация пословиц, в свою очередь, позволит выполнить перевод романа на другие языки таким образом, чтобы сохранить как можно больше идейного и языкового своеобразия романа. В России уже на протяжении 70 лет главным переводом романа «Дон Кихот» является перевод Николая Любимова. Идея проанализировать данный перевод (как и предшествующие ему два других перевода) нам кажется чрезвычайно перспективной. Особенно интригующей, в свете сказанного, нам видится задача анализа перевода паремий в русских переводах всемирно известного романа.

Menshakova N. N.
Ph. D. (Philology),
Associate Professor,
Linguistics and Translation Department,
Perm State University

ПОРЯДОК ПУБЛИКАЦИИ И РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЬИ

1. Содержание статьи должно соответствовать тематике журнала.

2. К изданию принимаются статьи, ранее нигде не публиковавшиеся.

3. Текст должен быть набран в текстовом редакторе Word 1997–2003, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,0, поля сверху, снизу, слева, справа – 2 см, нумерация страниц сплошная, начиная с первой.

4. Графики, диаграммы не допускаются.

5. Таблицы представляются в формате Word. Таблицы в тексте должны нумероваться и иметь заголовки, размещенные над полем таблицы.

6. Объем авторского материала, включающего в себя сведения об авторе, аннотацию, ключевые слова (на русском и английском языках), а также примечания и ссылки, должен быть 10–15 страниц, а для аспирантов – 6–8 страниц.

7. В каждой научной статье журнала должны быть указаны следующие данные:

1 – код УДК;

2 – фамилия, имя, отчество автора (полностью);

3 – ученая степень, ученое звание;

4 – должность, место работы (если таковое имеется).

5 – контактная информация (адрес, e-mail, телефон – для размещения на сайте в сведениях об авторе);

6 – название статьи;

7 – аннотация (200–250 слов) об актуальности и новизне темы, главных содержательных аспектах;

8 – ключевые слова по содержанию статьи (5–8 слов и / или словосочетаний);

9 – ссылки.

Сведения, указанные в подпунктах 2–8, приводятся как на русском, так и на английском языках.

Включенные в пристатейный список библиографические описания цитируемых, рассматриваемых или упоминаемых в тексте статьи других документов связывают отсылками с конкретным фрагментом текста. При отсылке к произведению, описание которого включено в библиографию, в тексте статьи после упоминания о нем (после цитаты из него) проставляют в квадратных скобках фамилию автора, год и страницы, например: [Бондарко, 2005, с. 25], [Leiss, 2010, S. 234], [Fillmore, 1987, p. 34].

Пристатейные ссылки размещаются после текста статьи, предваряются словом «Список литературы» (не менее 10), оформляются в алфавитном порядке.

При ссылке на данные, полученные из сети Internet, указывается электронный адрес первичного источника информации и дата обращения в круглых скобках, например: (дата обращения: 22.12.2019). При записи подряд нескольких библиографических ссылок на один документ в повторной ссылке приводят слова «Там же» или "Ibid. " (для документов, напечатанных латинским шрифтом). В повторных ссылках только на одну работу данного автора (авторов) основное заглавие и следующие за ним повторяющиеся элементы опускают или заменяют словами «Указ. соч. » или "Op. cit. " (для документов, напечатанных

латинским шрифтом). Сведения о цитируемых источниках приводятся в соответствии с ГОСТ 7. 0. 5–2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования».

9. При первом упоминании лица обязательно указываются И. О., которые отделяются пробелом от фамилии. Годы указываются только в цифрах, а не в числительных: 20-е гг., а не двадцатые годы. Не год или годы, а г. или гг. Не век или века, а в. или вв. Исключаются сокращения: др., проч., т. е., т. к. Следует писать полностью: другие, прочие, то есть, так как. Из сокращений допускаются: т. д., т. п., см. Знак % ставится значком, а не словом, если связан с цифрой, и отделяется от цифры интервалом: 3 %; в иных случаях: «процент ... превышал 30». Цифры: миллионы от тысяч и тысячи от сотен отделяются пробелом (4 700 000, 1 560 000) или могут быть заменены соответствующими сокращенными словами и аббревиатурами: тыс., млн, млрд. Названия денежных знаков даются по принятым сокращениям: долл., фр., руб., ф. ст., марка.

10. Статьи аспирантов, соискателей и кандидатов наук принимаются редакцией к рассмотрению только вместе с рецензией (оригиналом) научного руководителя или ведущего специалиста, заверенной подписью и печатью организации, в которой работает рецензент. Рукопись направляется на рецензирование специалистам в данной области исследования. К публикации принимаются статьи, прошедшие рецензирование. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала на основании экспертных оценок рецензентов с учетом соответствия представленных материалов тематической направленности журнала, их научной значимости и актуальности.

Рукопись, получившая отрицательные отзывы, решением редакционного совета отклоняется. Нуждающаяся в доработке статья направляется автору вместе с замечаниями рецензента.

Редакция оставляет за собой право отклонять без рецензии статьи, не соответствующие профилю журнала или оформленные с нарушением правил.

11. Авторы опубликованных статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за содержание материалов, не подлежащих открытой публикации.

12. Представляя в редакцию рукопись своей статьи, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

14. Порядок и очередность публикации статьи определяется в зависимости от объема публикуемых материалов в каждом конкретном выпуске.

15. Редакция оставляет за собой право не публиковать статью. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной форме. Авторы имеют право на доработку статьи или ее замену другим материалом. Материалы, переданные в редакцию, не возвращаются.

Пример оформления списка литературы:

1. Бондарко А. В. Теоретические проблемы русской грамматики. Санкт-Петербург: Изд-во «Санкт-Петербургский университет», 2004. 207 с.

2. Бондарко А. В. О стратификации семантики // Общее языкознание и теория грамматики: Материалы чтений, посвященных 90-летию со дня рождения С. Д. Кацнельсона. Российская академия наук / Отв. ред. А. В. Бондарко. Санкт-Петербург: Наука, 1998. С. 51–63.

3. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 21.05.2018).

Пример оформления статьи:

УДК

Иванов Иван Иванович

Кандидат филологических наук, доцент кафедры,

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15

Тел.: +7 (342) 2396756

E-mail: azxvdvs@mail.ru

**ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ СВОЙСТВ
ТУРИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ПЕРЕВОДЕ**

В статье анализируются проблемы, возникающие при трансляции типологических свойств туристического дискурса. Он интегрирует в себе элементы других типов дискурса, таких как географический, рекламный, спортивный, природоохранный, гастрономический и научно-популярный. С момента своего возникновения, туристический дискурс менялся под влиянием исторических и социоэкономических условий. Сегодня туристическая коммуникация носит коммерческий характер, предполагающий взаимодействие автора и читателя, как потенциального клиента туристического бизнеса. Этот тип дискурса характеризуется диалогичностью вследствие того, что тексты составляются компетентными профессионалами, а его читателями могут быть представители очень широкой и социально неоднородной аудитории. По этой причине в текст закладывается лингвокультурная, когнитивная и эмоциональная информация для того, чтобы вызвать интерес у неподготовленного читателя, которая в обязательном порядке должна быть транслирована переводчиком. Это предполагает наличие у него рефлексии, знания культуры и истории страны, а также воспроизведения концептов и аллюзий, заложенных в тексте оригинала. Когнитивно-деятельностный подход к переводу и «распредмечивающее» понимание смысла оригинала позволяют точнее интерпретировать концептуальную программу исходного текста и передавать интенциональный смысл оригинала во всей его полноте. При этом переводчик должен учитывать, что эмоциональная информация туристического текста может содержать целый ряд манипулятивных приемов, например, прилагательные в превосходной степени, которые призваны гиперболизировать описываемые достопримечательности. Эмоционально-оценочные характеристики могут нести и элементы текста, нацеленные на передачу когнитивной информации. Их сочетание приводит к выводу о том, что исследуемый текст написан в научно-популярном стиле, целью которого является донести в доступной форме специальные знания, чтобы вызвать интерес у неподготовленного читателя. По этой причине когнитивная информация в чистом виде — терминология, встречается в тексте гораздо реже, чем в лексемах, отражающих их семантику, но несущих познавательную информацию, осложненную образами восприятия потенциального читателя данного текста.

Ключевые слова: туристический дискурс, типологические свойства, интерпретация, рефлексия, когнитивно-деятельностный подход, интенциональный смысл.

Введение

Текст Текст Текст Текст

Основная часть

Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст

Заключение

Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст

Список литературы

1.

Ivanov I. I.

*Ph. D. (Philology), Associate Professor, ... Department,
Perm State University*

**LINGUISTIC REPRESENTATION OF TYPOLOGICAL FEATURES
OF TOURIST DISCOURSE IN TRANSLATION**

The article is devoted to the analysis of the problems which emerge in the process of translating the tourist discourse texts. They include the elements of other types of discourses such as geographical, advertising, sport, gastronomic and others. The tourist discourse has experienced many alterations due to historical and social factors. It has acquired commercial character due to the interrelation of its authors and the supposed tourist clients. This type of discourse resembles a dialogue between the professionals, creating the tourist text, and the potential readers of very versatile and not homogenous origin. For this reason the text contains the cultural, cognitive and emotional information, which is to attract the attention of the supposed reader and be obligatory translated. Such translation process presupposes translator's reflection of culture, history and numerous allusions of the original text. Cognitive approach to translation allows the translator to make deeper observations and reflections of the original text and give a full idea of the contents and the intentions of the author in the target language. It means that he has got proper reflections of culture, history, concepts and allusions of the original text. The cognitive approach and the non-formal understanding of the original text allows to interpret its deep structure and convey the intentional contents of it. The translator is to realize that the tourist discourse text may contain emotional information which can manipulate his perception of the text and make its contents look more attractive for a potential reader. The cognitive contents of such texts can be overlaid with emotional information and it means that such text belongs to popular style, the main idea of which is to convey special knowledge in acceptable form to a potential reader. This is the reason for the cognitive information not to be regularly expressed by terms. For the most part such information is represented by the words which convey emotional aspect of the notions aimed at the emotional perception of the potential reader.

Key words: tourist discourse, typological features, interpretation, reflection, cognitive approach to translation process, intentional meaning.

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ

1. Вы направляете нам статью, оформленную в соответствии с требованиями на электронный адрес редакции (lanaschust@mail.ru).
2. Редакционный совет рассматривает Вашу статью (60 дней).
3. При успешном рецензировании редакция высылает Вам ответ о приеме статьи.
4. Журнал выходит в соответствии с графиком.

Все статьи, размещенные на сайте, находятся в открытом доступе и могут быть использованы для цитирования, копирования, распечатывания и другого некоммерческого использования с соблюдением авторских прав.

Сайт журнала: <https://evrazgumzhurnal.blogspot.com>